

The Society for Studies of Tajikistan and Iranian Peoples beyond its borders.

M. S. Andreev

ON THE ETHNOLOGY OF AFGHANISTAN

THE VALLEY OF THE PANJSHIR

(Materials from a trip into Afghanistan in 1926)

TASHKENT

1927

panshirskikh narodnostei za ego predelami.
ОБЩЕСТВО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И ИРАНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ
ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

M. C. Андреев

ПО ЭТНОЛОГИИ АФГАНИСТАНА

Долина Панджшир

(Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.)

ТАШКЕНТ

1927

25078

L. 500.106.30.7.1
Exchange with The Society
100, 100, 100, 100

ТАШКЕНТ,
тип. № 2 Казгиза.
Ташоблит № 128. Заказ № 937.
Тираж 600 экз.
1927.

Tashkent
Tip. No 2 Kazgizi.

Летом минувшего 1926 г. мне удалось побывать ненадолго в Афганистане. В пределах этой, до сих пор еще очень мало доступной для европейцев и крайне интересной, страны я пробыл, к сожалению, всего только около четырех месяцев. Жизнь кругом была так разнообразна, так интересна взору привыкшего, как я, к укладу жизни Средней Азии: общие с Туркестаном черты и, в то же время, много своего, отдельного, непохожего проходило кругом калейдоскопом—что первое время я решительно не знал, на чем остановиться. Чтобы не разбрасываться в раскидывавшемся кругом море интересного я попробовал все же установить некоторые границы для ознакомления с окружающим и решил, чтобы не терять дорогого времени, сосредоточиться на двух-трех отдельных предметах. Так как меня давно уже интересовали этнография и диалекты иранских народностей (таджиков) Туркестана и Бухары, то мне, естественно, хотелось пополнить свои сведения в знакомой области, познакомься с тем, что представляют собою таджики Афганистана. Мне казалось, что для этого лучше всего было взять в виде образчика один определенный район и попытаться собрать в отношении его те сведения, которые я мог бы получить. Мой выбор в этом отношении пал на долину Панджшира, населенную почти исключительно таджиками. Данные за этот выбор были следующие.

Панджшир расположен сравнительно недалеко от Кабула, нижний конец его находится на расстоянии дня езды от Джабал-ус-Сираджа, через который проходит обычный летний путь из Кабула в Мазар-и Шериф и была поэтому некоторая надежда на возможность заезда туда по дороге домой, для дополнительного сбора сведений уже на месте. С другой стороны, долина Панджшира, расположенная на южном склоне Гиндукуша, могла, казалось бы, достаточно сохранить в более чистом виде своих засельников, по сравнению с более открытыми местностями Афганистана, а положение этой долины на юге Гиндукуша делало интересным этнологическое изучение этого района, как образчика малоизвестной области южных таджиков.

Другой небольшой работой, на которой я остановился за время своего пребывания в Афганистане, была запись в Кабуле материала по двум пашайским диалектам, к которым я потом присоединил еще небольшую запись по диалекту парачи, сделанную мною в сел. Гуль-Баһар (около Джабл-ус-Сираджа). Я не имел представления, что предо мною в 1924 г. материалы по данным диалектам были уже собраны работавшим тогда в Афганистане норвежским исследователем Моргенштерном (Mr. G. Morgenstierne) и узнал об этом только в конце 1926 г., вернувшись из Афганистана. Если позволят обстоятельства, надеюсь опубликовать потом собранный мною материал по данным диалектам дополнительно.

Мои этнографические сборы протекали в следующих условиях. Я не имел, к сожалению, возможности свободно двигаться в Афганистане, а потому, вместо того, чтобы ехать прямо в Панджшир и собирать этнографический материал на месте, я, находясь первое время безвыездно в Кабуле, должен был ограничиться собиранием его расспросным путем у попадавших туда панджширцев. К счастью, приходивших на заработки в Кабул жителей Панджшира оказалось очень много и выбор поэтому был очень велик. Я мог при расспросах добиться от них в некоторых отношениях даже большего, чем если бы я был в Панджшире, так как оторванные от дома и находящиеся при мне люди, привыкая, делались как-то более откровенны и доверчивы, чем в своей родной среде при некотором общем недоверчивом там отношении окружающих к иностранцам. С другой стороны, имея одновременно не одного из них, а двух—трех для своих разговоров, я мог проверять или дополнять полученные мною сведения от одного расспросами среди других и должен сказать, к чести своих осведомителей, что ни разу не наткнулся среди них на желание давать ложные сведения. Наоборот, своей правдивостью и сравнительной честностью они очень благоприятно выделялись на фоне кабульской прислуги, обслуживающей иностранцев. Если они что-нибудь не знали, то тотчас же, не стесняясь, заявляли об этом. Потом, при посещении Панджшира, проверяя сказанное ими на месте, я не раз имел возможность убедиться в их полной правдивости при сообщении сведений про свою родину.

Несколько не везло мне, конечно, при собирании сведений расспросным путем с описательной стороны. Тут ясно сказались справедливость персидской пословицы — «можно ли сравнить то, о чем слышал, с тем, что видел?» — «سین کی

بود مانند دین. Нейзбежно поэтому были пропуски, недостающие для равномерности освещения общей картины. Внутреннее расположение домов, напр., я, конечно, не решился затрагивать в своих расспросах, чтобы не получить ошибочного впечатления, надеясь потом при личном осмотре пополнить пробел. Оказалось, однако, что при подозрительном отношении к иностранцам попадать в панджширские дома было почти невозможно. Вот одна из причин, почему в настоящих материалах выпущены некоторые стороны, существенные для полноты описания. Другой причиной некоторой незаконченности в сборе сведений была необходимость прекратить записи и спешить с возвращением домой в виду начавшихся уже у меня занятий в университете.

Пред отъездом из Кабула мне все же удалось побывать на короткое время в Панджшире, куда я проехал со стороны Джабл-ус-Сираджа, т. е. снизу. Я доехал до сел. Бурдж-и Иман и вернулся тем же путем обратно. Эта поездка по Панджширу, несмотря на свою краткость, позволила мне несколько проверить собранные мною до того материалы и частично их дополнить.

Условия, при которых я работал в Афганистане, в общем нельзя было назвать очень благоприятными для сбора сведений. Я, как упомянуто выше, не мог ездить туда, куда хотел бы, нужных мне людей принужден был искать сам и часто находил их только с большим трудом (я подразумеваю не панджширцев, а пашайцев и парачи) и, к тому же, не мог отдавать для расспросов и записей всего своего времени. В этом отношении я находился далеко в менее благоприятном положении, чем Mr. Morgenstierne, снабженный личным письмом норвежского короля к эмиру, и могу только порадоваться за более счастливого шведского исследователя. Но все же, оглядываясь назад, не могу не почувствовать признательности афганскому правительству, стоящему уже на такой культурной высоте, что со стороны его представителей за время моего пребывания в Афганистане решительно не было никаких препятствий моим записям. Более того, в тех случаях, когда мне приходилось с ними разговаривать, я встречал выражения полного сочувствия. Приношу на этой почве мою признательность афганскому военному ведомству, в особенности г. Мухаммад Омар-Хану, любезно снабдившему меня охраной при моем возвращении из Кабула и выражавшему за время моего пребывания в Кабуле интерес к моим работам. Поль-

зуюсь также случаем, чтобы засвидетельствовать мою благодарность членами русской колонии в Кабуле за их доброе отношение во время моего пребывания в Кабуле, в частности, В. А. Кукель-Краевскому за его неоднократную любезность. Председателю Общества для изучения Таджикистана и сопредельных иранских стран А. А. Знаменскому за его неизменно доброе отношение и высококультурную поддержку приношу свою самую глубокую и сердечную благодарность и признательность.

М. Андреев.

21 февраля 1927 г.
Ташкент

I

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

Некоторые географические данные.—Хавакский перевал.—Мосты.—Прохождение названия долины Панджшир.—Исторические предания.—Панджширцы—таджики.—Административное устройство.—Следы родового деления.—Сословное деление.

Панджшир представляет собою горную долину, вытянутую с северо-востока на юго-запад по южному склону Гиндукуша. Началом ее могут считаться окрестности самых верхних ее селений—Ханак и Париял, а нижним концом—горные ворота, теснина, сквозь которую пробивается р. Панджшир, чтобы выйти у сел. Гуль-Багор на равнину, ведущую к Кабулу. „Ноги Панджшира—сел. Аноба“—„По-и Панджшир Аноба“, говорит старинная местная пословица. Можно думать, что она составлена раньше, чем возникли потом другие населенные пункты, лежащие ниже указанных пределов. Так самым нижним панджширским селением, например, является в настоящее время Куроба, лежащее ниже Анобы, но можно предположить, что оно сравнительно более позднего происхождения.¹

То сжималась сходящимися величественными горными массивами с обеих сторон, так, что дороге приходится иногда взбираться вверх, то несколько расширяясь и давая возможность приютиться на сравнительно

¹ Сел. Куроба, неправильно показанное, как „Караба“, на нашей 12 верстной карте Афганистана, также и на англо-русской 8 мильной находящимся на правом берегу р. Панджшир, на самом деле расположено на левом берегу этой реки. Самое название селения местные жители производят от легенды, согласно которой здесь когда-то, якобы, был источник, пивший воду которого становились слепыми—отсюда будто бы „Кур-оба“ (كړۍ اوبه), т. е. „слепые от воды“.

Селение Куроба, самое нижнее в настоящее время селение, расположенное в долине Панджшира по течению р. Панджшир, интересно в том отношении, что это единственное селение в Панджшире, где жители говорят еще на «*парачи*»—особом языке, которым, кроме них, говорят еще несколько селений в совсем, повидимому, не исследованной еще долине Шотуль, лежащей на запад от долины Панджшир, между долинами Саянта и Панджшира. На английских и на русских картах она неуверенно показана пунктиром, без каких бы то ни было там селений и названий, но, на самом

пологом пространстве селению—обычно при впадении какой-нибудь боковой долины, имея могучую горную реку, с шумом катящую свои пенящиеся воды, с веселой зеленой полос садов и полей долина Панджшира очень живописна и красива. «С селениями кугистани вниз и с зубчатыми крепостями вверх, прорываясь то там, то здесь расширяющимися пространствами, где древние террасы прежнего русла реки испещрены и окаймлены искусственными террасами современных полей, а густые рощи абрикосов и грецкого ореха, группируются у подножья склонов и степ разбросанных деревень—по сравнению с этими долинами (Панджшир и Гурбанд) более очаровательного вида не найти и в Альпах», говорит сэр Томас Холдич.¹

Нижняя и средняя часть долины расположены настолько низко, что там вызревает виноград, но по мере поднятия дальше вверх урвня долины климат становится все суровее и суровее, пока земледельческая жизнь

деле, там, по словам таджиков, имеется *восемь селений*, где в трех (Де-и Калон—100 домов, Мо'ра—20-30 домов и Андасот—40 домов) говорят на языке или диалекте *парачи*, а в остальных пяти по персидски (فارسی). По преданию, сохранившемуся среди шютульцев, их предок Шютуль переселился из Нижней вместе с Куроба и Соляньгом (т. е. «Хромым Со» — سالنگ). Они втроем пришли в места, где теперь они живут, при чем Соляньг пришел еще из своих мест, уже говоря, якобы, по персидски. Их потомки и населяют теперь обитаемые ими места. По происхождению все они считают себя таджиками, но те, которые говорят на языке *парачи*, называют себя, как и их другие, иногда также, кроме того, *парачи*. О местонахождении других *парачи* они не имеют представления и считают, что в Куроба, Шютуль и Нижней проживают единственные *парачи* на свете. Их язык общий. Диалект другой особой филологической группы, лежащей неподалеку от них (к востоку от селения Гуль-Баһор), состоящей из селений Булягайн, Санджон, Куна-Дэ, Дурр-Нома и Гиява (Гижова) они называют пашайским и его не понимают. Записанные мною образцы речи обеих групп будут приведены отдельно.

Помимо упомянутого выше неверного указания расположения сел. Куроба в существующих картах Афганистана, вообще по понятным и вполне извинительным причинам часто многогрешны, имеются в отношении Панджшира видимо, и другие несправильности или архаизмы. К числу последних можно отнести в настоящее время неточное указание главного пути, вводящего в Панджшир со стороны Кабула. На картах показан только старый путь в Панджшир, ведущий от Гуль-Баһара в обход через пер. Дербенд. В настоящее же время этот путь уже малоупотребителен, т. к., с разработкой прямой дороги по правому берегу Панджа между с. Заманкур и Гульбаһар, все главное движение происходит по этому направлению.

¹ Imperial Gazetteer of India. Afghanistan and Nepal. Calcutta, 1908, p. 3.

не замирает совершенно пред подъемом в верку долины на главные гребни Гиндукуша.

Вся долина Панджшира, вытянувшаяся с северо-востока на юго-запад, как в подобных случаях и в других таджикских странах, резко делится рекой на две стороны—«солнечную», называемую панджширцами «*питау*» и «теневую»—«*нишиар*».¹ Характер обеих сторон долины представляя, естественно, большую разницу в климатическом отношении, поэтому вносит целый ряд и экономических особенностей. В «*питау*», где солнечные лучи падают более отвесно, все, естественно, поспевает раньше. Это отражается и на пастбищах: трава вырастает быстрее и лучше на солнечных склонах, но затем летом выгорает и таджики, пасшие там скот приблизительно до периода созревания тут, перегоняют его потом через реку на менее освещенные солнцем склоны левой половины долины, где трава держится дольше. Этому благоприятствует также то обстоятельство, что мосты через р. Панджшир, которые река обычно срывает в своем половодье, при понижении к тому времени уровня воды в реке, снова восстанавливаются. Характер обеих сторон особенно сказывается в верхней части долины, где на «солнечной» стороне вызревают на одном уровне такие плоды, которые не успевают вызреть на «тенева».

Через Панджшир проходит большая караванная дорога, ведущая из Кабула в Бадахшан, и только несколько лет тому назад эта же дорога, проходящая через Панджшир, перестала служить одновременно и главным путем для сообщения между Кабулом и Туркестаном, для какой-либо надобности в самых верховьях долины туркестанский путь отделяется от бадахшанского, и через удобный и сравнительно легкий перевал Хава (около 11,600 ф. высоты), где сообщение поддерживалось и зимою, выводит в Афганский Туркестан. Путь через Панджшир в Туркестан за последние годы оставлен в виду предпочтительного направления движения зимою теперь через Бамиан, а в осенние месяцы и во вторую половину лета—по кратчайшему направлению через вновь разработанный до некоторой степени, но незавершенный еще окончательно разработкой пер. Соляньг. Но, как говорили мне панджширцы, в зимние месяцы часть сообщения между Кабулом и Афганским Туркестаном все еще продолжает проходить и через Панджшир.²

¹ Очень интересны следы старого языка панджширцев, предшествовавшего их нынешнему персидскому наречию, сохранившиеся, как полагаю, в этих словах. Во многих других персанизированных по языку таджикских странах—в Матче, Каратегине, напр., солнечная сторона долины называется уже по персидски—«*офтобру*» (آفتاب رو), тенева «*сола-ру*» (سایه رو).

² Большое караванное движение между Туркестаном и Кабулом, проходившее в течение долгого времени через Панджшир, и еще и теперь продолжающееся зимою, когда другие соседние перевалы через Гиндукуш бывают закрыты, вместе с упомянутым

Относительно перевала Хауок (местное произношение названия перевала, известного у нас, как Хавак) мне от панджширцев пришлось слышать следующее. В старое время движение через него поддерживалось круглый год. С этой целью в течение пяти месяцев (трех зимних и двух весенних) специально держались особые отряды — на северной стороне в 20 чел., под командой «бист-боши», состоял из жителей сел. Дон'а Ачор, а с южной стороны, более снежной, отряд под перевалом держался в 300 чел. Он набирался из жителей разных селений Панджшира и стойники его было укрепление Хауок. Набираемым в эти отряды назначалось жалование по 14 кабульских рупий на их собственной пище. Для разработки пути через снег, выпадающий с южной стороны, люди делились на сотни. Очередь каждой сотни наступала через два дня в третий. Обязанностью работающих было пританцовывать снег ногами, расчищать его в соответствующих местах лопатами. В тех случаях, когда путь пролегал по обледенелому участку, его разбивали выдаваемыми от правительства мотыгами — «кыдол». Это устройство существовало еще при покойном эмире Хабибулла-Хане, но теперь, с прекращением официального направления движения в Туркестан через Хауок, этот порядок оставлен.

По словам панджширцев, Хауокский перевал, благодаря своей сравнительной отлогойности и легкости подъемов, и теперь открыт, даже зимою, за исключением тех дней, когда бывает метель. Тогда там легко погибнуть, даже большому количеству народа. Точно также препятствуют движению через него надвигающиеся иногда сильные туманы, которыми отличается Хауок в зимнее время. Туманы бывают, случается, такие густые, что становится темно, даже днем. Признаки приближения ту-

выше караванным движением на Бадахшан до некоторой степени сделало из Панджшира транзитный пункт и приучило панджширцев учитывать в свою пользу проход караванов, пуская их на постой и продавая им фураж для животных и пищу для людей. Это наложило свой, может быть, поверхностный отпечаток на некоторые стороны жизни. В то время, например, как в находящейся к западу от Панджшира долине Солянг, через которую теперь проходит за последние годы главное сообщение в течение летних месяцев между Туркестаном и Кабулом, жители таджиков-«солянги» (солянцев) почти нигде не спускаются к проложенной по низу долины дороге и лепятся обычно высоко к вершинам на труднодоступных скалах и склонах, в Панджшире то и дело можно встретить жилища, видимо, с расчетом построенные у самой дороги, чтобы быть ближе к проезжающим. Польза от прохода большого караванного движения настолько усвоена панджширцами, что, лишившись теперь в значительной степени его с переходом сообщения между Кабулом и Туркестаном; зимой — движение на Бамиян, а летом — через пер. Солянг, панджширцы все еще греют о восстановлении этого движения через их долину и Хауок (Хавак), как было в прежние годы.

¹ В этом слове слышится — церебральное d.

мана следующие. Если облако останавливается на вершине перевала и некоторое время не сходит, то идущие через перевал обращаются к бегству, стараясь скорее спуститься вниз. Недошедшие до вершины спешно возвращаются обратно, так как вслед за этим поднимается ветер, приносящий туман, который совершенно застилает путь. Местные жители объясняют это явление тем, что в это время раскрывается в горах талисман («талисм» — «طالم»), производящий туман. Так как ветер при этом дует с севера, то считается, что талисман находится на перевале Дарваза и состоит из женщины, которая пребывает там в пещере.¹

Говоря о большом караванном пути, пролегающем через Панджшир, может быть, следует упомянуть, что он проходит, к счастью для проезжающих, по правому берегу реки Панджшир и тем избегает перехода через очень примитивные мосты в этой долине. Начиная с самого нижнего моста в Панджшире у сел. Кур-Оба до Париян панджширцы насчитывают всего 26 мостов, из которых половина считается «большими», главными, а половина «меньшими». Мосты эти расположены у следующих селений: 1) Кур-Оба, 2) Замон-Кур, 3) Аноба, 4) *Ка'а-и Лянгарло*, 5) Рука, 6) Рука (— другой мост в том же селении, ведущий на Гиссорак), 7) Фуручал 8), *Хонез*, 9) Бозорак 10) Малакспа, 11) Остона, 12) Сангина, 13) *Ду-Ау*, (دواب), 14) *Марз*, 15) *Ротак*, 16) *Пакжор*, 17) *Бырджи-и Яман*, 18) *Хиньдж*, 19) *Мато*, 20) *Зырья*, 21) *Гыньлажу* 22—23) *Дашет-и Реват* — 2 моста, 24) *До'н-и Реват*, 25) *До'н-и Тиль*, 26) *Париян* (Парижон).

Обозначенные курсивом тринадцать мостов считаются «большими» («халон» — «کلان»), другие — «малыми». Бараны, козы и овцы проходят через все мосты, лошади же и рогатый скот только через «большие». Лично, однако, я должен прибавить, что виденные мною образчики этих мостов, даже «больших», были таковы, что согласиться переходить через них может разве только очень привычная к головокружительным номерам горная лошадь. Принужденный переходить через такой мост у сел. Рука (ведущий в Гиссорак) Д. Д. Букинич жаловался, что «у него чуть не закружилась при этом голова. Я, оставшийся в это время на правом берегу и не имевший необходимости перейти мост, не решился это сделать из одного только желания прогуляться.

¹ Возможно, что это верование состоит в связи с мифическим образом «Старухи в пещере» («Кямпир дар гор» — «کمبر درغار»), называемой иначе Оджуз или Оджи, напоминающей некоторые черты Бабы-Яги русских сказок. В дни этой старухи (обычно период времени из семи дней пред наступлением весеннего равноденствия, когда празднуется Новый Год — Науруз), так называемые «Айом-и Оджуз», (т. е. «Дни Оджуз» — «ایام عیدوز») или «Кямпир дар гор» («Старуха в пещере» — «کمبر درغار»), считается, что дует очень холодный ветер. (см. М. Андреев, «По этнографии таджиков» — «Сборник „Таджикистан“, Ташкент, 1925, стр. 174—175).

Мосты в Панджшире.

Происхо-
ждение на-
звания до-
лины.

Современное название долины Панджшир сами панджширцы про-
изводят от „пяти львов“ („пандъ шир“ — پنج شیر), пяти главных святых,
патронов, покровителей Панджшира. Эти пять святых очень чтутся в
Панджшире и их мазары являются предметом паломничества. Святые
эти следующие:

1) Ходжа-и Кыль-Вали Соһиб (по местному народному произношению)
или Ходжи Тыла-и Вали (по другому, тоже народному произношению).
Считается главным из пяти святых.

2) Ходжа Шо-и Дарбанди или Ходжа Иброһим-и Дарбанди. Могила
его находится в сел. Дербенд.

3) Ходжа Ахмад-и Вашаро. Могила его находится в боковой до-
лине Панджшира, называемой „Дара“, в сел. Вашаро.

4) Ходжа Асан-и Сарпыли, т. е. خواجه حسن سرپلي (в одном случае мне
называли этого святого, как Ходжа Иброһим-и Сарпыли). Могила его на-
ходится на берегу р. Панджшира у сел. Куроба.¹

5) Ходжа Мысгар-и Оричи, погребенный в самом верховье Пандж-
шира—в Париян (Парижон).

Историче-
ское пре-
дание.

Существует предание, что Махмуд Газневийский долгое время ни-
как не мог построить плотину „банд-и Газни“ (بند غزنی, т. е. „Газ-
нийскую плотину“), которая помогла бы провести воду в Газни. В по-
исках средств он услышал от окружающих, что единственно, что может
помочь,—это пять святых, проживающих в стране города Кичкина, как
назывался до этого Панджшир. За святыми было послано и они помог-
ли устроить плотину. Их же родина получила свое название в честь
этих „пяти львов“ божьих (پنج شیر خدا).

По преданию Панджшир назывался в старину „Шоһ'-р-и Кичкина“
(по местному произношению)—شهر کچکینه—т. е. „город Кичкина“. Как
указывают панджширцы, Рустем, якорь, завещал своему сыну относи-
тельно Панджшира (сохраняю панджширское произношение):

„Ба Кичкин мару, а) пысар, зындаһор!

Ки пој-и сытурон кунад пора-пор,

Ки дорал даријо-и пур кар аз санг-и тез,

Ки пој-и сытурон кунад риза-риз“.

به کچکین مرو ای پسر زنجار
که پای ستوران کند پاره پار
که دارد دریای پرتویر از سنگ نیز
که پای ستوران کند ریزه ریز

¹ По словам местных жителей вновь назначаемые Кабулом
афганские начальники, въезжающие в Панджшир—случалось ли им
въезжать по старой дороге через перевал Дербенд, или по новой,
по берегу Панджа, проведенной Абдулрахман-ханом и проходящей
мимо могилы данного святого, приносили у этого мазара жертво-
приношение, чтобы умилостивить панджширских святых, в область
которых они вступали, чтобы они им не повредили.

Вид на р. Панджшир у сел. Руха. Виден один из „больших“ мостов.

„Не ходи в Кичкин, о, сын—берегись,
Ибо истерзает (эта страна) ноги лошадей (животных),
Ибо имеет сердитую реку из острых камней,
Которые изрежут ноги лошадей (животных)“.

Выше сел. Вомарз в долине Панджшира показывают развалины самого города Кичкина. Страна по преданию бывала раньше самостоятельна и управлялась собственными правителями, насчитывая, будто бы, 99 тысяч домов. Верстах в трех выше сел. Заман-Кур¹ имеются развалины, называемые Маликан, — якобы, местопребывание бывшего панджширского правителя, который назывался Малик-Шо (ملك شاه). Он был жесток и свирепо пользовался *jus primae noctis*, обижая своих подданных. В конце концов его убили. По преданию он ослепил одного знатного человека (внука Заман-Кура) за то, что он его обманул, прислав ему вместо своей дочери, выдаваемой замуж, рабыню. Сын ослепленного, попав в число его слуг, однажды, поднося присутствующим по очереди для курения чилим (кальян), подсыпал в него наркотик и, усыпив прочих, находившихся в доме, убил тирана.

Последние местные ханы-правители управляли страной, будучи уже вассалами афганских государей. Самый последний из них был Лянгар-Хан, сын Гульдур-Хана, наследовавший своему отцу.

Согласно существующим преданиям, в отдаленное время страной владели кафиры. От их времени, по словам панджширцев, и до сих пор в стране остались на высоких скалах остатки кафирских крепостей, где видны следы каменных стен от бывших укреплений,² расположенных обычно в труднодоступных местностях, куда можно было попадать только по одной только узкой тропинке.

В памяти жителей сохранились рассказы стариков о набегах кафи-ров на Панджшир, бывавших сравнительно не так давно. В сел. Пахджур, наприм., у самой дороги имеется мазар, где похоронены мужчина, женщина и трое детей, убитых кафирами во время одного набега. Предание сообщает подробности, указывающие, что это событие произошло сравнительно недавно.

Старики рассказывали мне, что они хорошо помнят время, когда долина подвергалась частым нападениям сияпушей. Последние были замечательные ходоки по горам, быстро и ловко взбиравшиеся на любые кручи, значительно превосходя в этом отношении панджширцев. Они нападали, вооруженные копьями и проявляли удивительную меткость в бросании камней. Обычно, придя в долину, они садились в засаду по

¹ По преданию основано „Слепым Заманом“ (زمان کور), поселившимся здесь.

² Очень интересно, что подобные же рассказы существуют и среди населения верховьев р. Панджа, где жители тоже указывают на труднодоступные остатки крепостей на вершинах высоких скал, приписывая их кафирам.

дороге и подкарауливали путников, которых убивали. Отправляясь из своих мест в долгий путь до Панджшира, они забирали достаточное количество продовольствия, но на каждой остановке оставляли из него столько, сколько нужно было для обратного пути, и на место набега являлись налегке. На обратном пути они пользовались оставленными и спрятанными запасами.

Панджширцы — таджики.

Панджширцы — типичные горные таджики, приближающиеся к тому общему типу, который представляет собою население Дарваза, Кара-тегина, Матчи и верховьев Панджа, являющееся с некоторыми антропологическими отклонениями между собою, все же достаточно ясно выраженный групповым типом. К сожалению, отсутствие антропологических наблюдений и невозможность, за отсутствием свободного времени, прояснить даже поверхностный подсчет их типичных признаков, не позволяют говорить сколько-нибудь уверенно об их типовой характеристике и о некоторых небольших отклонениях в типе в разных частях долины.

За небольшим исключением приблизительно из 300 домов хазарейцев, проживающих в боковых долинах Дара-и Хазора и Тьяль, и одного небольшого селения из обмусульманившихся кафинов, расположенного в самых верховьях Париня, все остальное население Панджшира сплошь таджики, как они сами себя и называют. „Лафз-и мо порсишон, хидймо-тоджик“ (لفظ ما فارسی بان خودما تاجیک), говорили панджширцы про себя, т. е. — „язык наш персидский, а сами мы таджики“.

По словам панджширцев, население долины Панджшир, прежде составлявшее 7—8 тысяч домов, в настоящее время насчитывает около 15 тысяч домов.

Административное деление.

В административном отношении Панджшир делится на три волости — „алока“ (علاقه), управляемых каждая особым алокадором (حاکم علاقه دار) с общим подчинением хакиму 2-го ранга (حاکم درجه دوم), местопребыва-

¹ Здесь, по моему мнению, мы имеем лишний раз интересное доказательство, что „фарси“ (فارسی) — персидский язык и „таджик“ — вещи совершенно при обычном старом порядке несхожие. Тот же самый взгляд сквозит и у жителей припамирских стран (рушанцев, шугнанцев) в приводившемся мною раньше их определении соседней таджиков (дарвазцев и др.), говорящих уже теперь по персидски: — „таджики — мы, а они порсиди“ (فارسی گوی، تاجیکی ما، و اونی پورسیدی) (Сборник „Таджикистан“, Ташкент, 1925, стр. 156). Чем больше приходится наблюдать жизнь таджикских стран и знакомиться с их языками, тем сильнее сказывается впечатление, что словом таджик мог первоначально означаться старый иранский за-сильник Средней Азии, не говоривший по персидски. И не являются ли наши обычные объяснения слова „таджик“ несколько искусственными и неубедительными? Имеющиеся у меня по этому вопросу данные позволяют себе изложить когда-нибудь более подробно.

нием которого служит селение Руха (на английских картах — Ruka, на нашей — Руха). Три панджширских „алока“ составляются следующим образом:

1) Дара-и хазора — боковая долина, составляющаяся, в свою очередь, в верховьях из нескольких долин, выходящая в долину Панджшир с юга между селениями Марз и Борак. В ней, по словам панджширцев, живут около 200 домов хазарейцев в селениях Боб-Али и Джир-и) Али.¹

2) Чор-Кария (چهار قریه), т. е. район, состоящий из четырех селений: Хиньдж, Сафед-Чир, Пишгур и Марз. Все таджики.

3) Самый верхний участок Панджшира, состоящий из укрепления Хавак, Де-Хавак (т. е. „Селение Хавак“), долины Париня (имеет ряд селений) и Тьяль. Вся волость состоит из таджиков, за исключением 100 домов хазарейцев, проживающих в долине Тьяль.

Любопытно, что среди населения Панджшира встречается деление на хэли (خیل), т. е. на кланы, колена, на подобие патанских племен, где это развито в сильной степени и имеет громадное значение в строе жизни патанских общин. У панджширцев, однако, это деление скрывается и влияет значительно меньше. Как можно предположить, это, повидимому, сравнительно недавно образовавшиеся (может быть под влиянием патанов — отсюда афганское „хэли“?) большие семейные группы, считающие себя связанными происхождением от одного общего предка. Характерно также, что каждый такой „хэли“ встречается в одном только селении и нигде в других местах отдельных групп, носящих то же название, нет. В одном и том же селении, по словам панджширцев, могут жить один или два разных хэли, но, опять таки, в других местах они не встречаются. Видимо, это большие разросшиеся семьи, происшедшие каждая от одного родоначальника, но не настолько древнего происхождения, чтобы разрослись в большие роды и успеть разойтись по разным местам, сохраняя в памяти родовое название.

Существование неясного родового начала можно также отметить и среди соседних с Панджширом таджиков, а именно в долинах Гурбенда и Солянга. Как мне говорили солянгцы, все население долины Солянга,

¹ Они говорят, как обычно хазарейцы, в настоящее время персидским наречием, забыв свой старый язык. Персидское их наречие, повидимому, приближается к персидскому наречию других хазарейцев: „са мукуни?“ — چه میکنی — „что ты делаешь?“ (форма „са“ — „что?“ — встречается у таджиков с. Брич-Мулла, вверх по Чирчику и у таджиков района Чуста); „куда мури?“ — کجا میری — „куда идешь?“ и пр.

Как мне говорили в Андаробе, хазарейцы, живущие по течению р. Сурхаб, ниже Тала и Барфак, и известные под именем „нек-па“ (نیک بی) произносят ту же фразу: „что делаешь?“ — „са ма-куни?“.

начиная с самого верха до Джабл-ус-Сираджа, делится на четыре рода: 1) Амир-Тимур—*امير تیمور*, 2) Ходжи—*حاجی*, 3) Се-Каум—*سه قوم* и 4) Кук-ломи—*کوکلامی*. Сородичи принимают сторону друг друга при столкновениях, ссорах. Женятся и выдают дочерей замуж, однако, без различия родов. Точно также не обращают внимания на родовое отношение и при приглашении на тун (пиры, свадьбы), на которые приглашают соседей без различия рода. Каждый род, называемый „кауи“ (*قوم*), имеет своего малика, назначаемого и сменяемого общим собранием, но выбираемого из дома маликов. Раньше, когда было больше самостоятельности подати собирали малики, оставляя 1/3 себе. Это было изменено при покойном эмире Хабибулла-Хане.¹

¹ Следы сбивчивого родового начала имеются среди таджиков или приближающихся к ним народностей также и по другому, северному склону Гиндукуша, расположенному против Соляньга, но, к сожалению, при быстром проезде мне не удалось выяснить это сколько-нибудь ясно. В записной книжке у меня имеется следующая отметка:

„Долина от пер. Соляньга на север до укрепления Хиньджон („кал-аи Хиньджон“—*قلعه خنجان*) называется Дара-и Хиньджон, а самая речка, впадающая в реку Андераба,—Об-и Хиньджон. Долина эта населена таджиками, в довольно значительном числе выходящими из долины Соляньга, где и сейчас они имеют родных. Имеется также деление на роды. Проживающие сверху, в селении Тахта-Саньг, причисляют себя к роду Кугедай. Помимо данного селения таджики этого же рода живут в Наарин и Лягх-Оу (ниже Души). Около 20 домов кугедай живут в долине Соляньга в сел. Улянъг.

Любопытно, что кугедай склонны себя таджиками не считать (сужу по разговору с некоторыми из них в с. Тахта-Саньг) и говорят, что их называют так афганцы. На самом же деле они все говорят таджикским персидским диалектом и по внешности ничем не отличаются от других окрестных таджиков. Сами себя по своим отдаленным предкам они склонны производить из Кандагара. Говорят, что их переселение оттуда, якобы, произошло после вытеснения узбеков. Среди них имеется также смутное представление, что в данных местах раньше были таджики и что потом пришли „хиньджони“ (подразумевая предков живущих теперь жителей долины Хиньджана), прибыв из Кандагара, и поселились на месте таджиков. К северу от с. Тахта-Саньг, рядом с кугедай, живут также таджики, называющие себя *гярай*.

Кугедай, судя по разговору в с. Тахта-Саньг, производят себя от предка Кургиз-Бобо, мазар которого, будто бы, находится в Кандагаре. Гярай считают за братьев, т. е. родственным родом. Соляньгцев они считают таджиками. С таджиками, однако, роднятся, имеют полное общение и на уклад жизни, видимо, упомянутое разделение влияния не имеет.

Так как эти сведения, собранные в одном только селении (Тахта-Саньг), недостаточно проверены, то, полагал бы, что к ним следует относиться осторожно до дальнейшей их проверки и пополнения.

В Панджшире, видимо, до сих пор сохранились следы деления на высшее, более аристократическое сословие, численно более сильное, называемое *сиюль* и низшее—*маздур*. Первое является потомками земельной аристократии—*джойдод-дор* (*جایداد داور*), владеющими земельными участками, дарованными их предкам за доблести и услуги бывшими правителями, ханами. Другие, маздуры, в старое время не владели землями и, возможно, представляют из себя потомков пришельцев. Самое их название показывает, что они землями не владели, а служили землевладельцам за вознаграждение—„муза“ (*مزد*—слав. мзда). За последнее время, однако, в силу законов, изданных эмиром, это отношение сгладилось, благосостояние маздуров значительно увеличилось и многие из них приобрели, сравнительно, большую зажиточность и участки, но и при богатстве старое презрительное название за ними удерживается. „Кори музур хато“ (*کار مز دور خاتا*)—„нечисто дело маздур“, говорят панджширцы. „Ай, музур-и раг-хато!“—о, маздуры, с скверной кровью!“ (*ای مز دور رگخاتا*)—кричат иногда в ссоре в лицо маздур. Последних в Панджшире сравнительно немного и они живут отдельными определенными группами. Например, в большом селении Сафед-Чир, в 500—600 домов, раскинутых кучками в разных местах, маздуров всего около 50—60 домов, находящихся в местности Бандо („Плотины“). В районе сел. Хиньдж, где тоже насчитывается всего около 600 домов, имеется 50 домов маздуров, проживающих в местности Повот, и, наконец, в сел. Пышгур, при общем числе около 300 домов, тоже около 50 домов проживает в местности Хору (от *خار روی*—„растет колючка“). Последние носят название „боши-хэль“. Следует, однако, отметить, что несмотря на свое афганизированное (во второй половине—„хэль“) имя, они, по крайней мере в настоящее время, ничем положительно не отличаются от окружающих таджиков и, повидимому, получили свое название от глаг. *بودن* (быть): „бошиш-и худро гирифта“ (*باشش خود را گرفتند*)—„поселились“, „расположились на пребывание“—поясняли панджширцы их название.

В отношении брака, еще на памяти всех, за маздурами своих дочерей *сиюль*, т. е. высшее сословие, не выдавало. Что же касается того, чтобы сами жениться на девушках этого класса, то бывали случаи, что их брали в качестве „*пеш-кора*“. Так называется жена, которая берется в дом для черной работы, обслуживая своим трудом встречающуюся в доме требования по хозяйству, в то время, как другая жена из высшего сословия—*зан-и дильхо* (*زن دلخواه*)—„желанная сердцу“, является распорядительницей, старшей над первой и делает только то, что захочет. Такие „пеш-кора“ существуют и в настоящее время у очень зажиточных и знатных людей, при чем их положение в доме определяется не личной склонностью мужа к той или другой жене, но исключительно социальным положением жен.

Сословное деление.

II.

Одежда.—Правы и характер панджширцев.—Насмешливые прозвища жителей разных селений.

По своей одежде панджширцы, повидимому, занимают промежуточное место между таджиками Восточной Бухары и афганцами. Их обычная мужская одежда состоит из следующих немногих предметов.¹

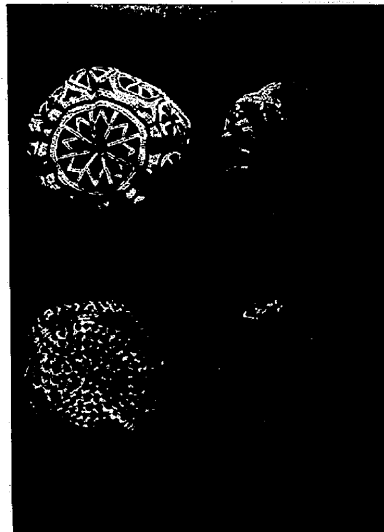
Одежда.

Кулоһ (کولہ)—Тюбтейка. Остроконечная, приближающаяся к обычным средне-азиатским типам, она составляет необходимую неотъемлемую вседневную принадлежность головы, начиная с шестилетнего возраста вплоть до самой смерти. До шестилетнего возраста мальчики носят плоскую тюбтейку, называемую „аракчин“ (очевидно—عرقچين). В Кабуле и вообще в равнинах кабульского района аракчин носят и женщины, но в Панджшире этот сорт тюбтейки не носят, а употребляют „тюкы“—род шапочки, край которой, приходящийся на перед, обшивается шелком, а задний—алача (хлопчатобумажная материя местного приготовления).

Как кулоһ, так и аракчин обычно шьются в своем доме и только в редких случаях покупаются на базаре. Тюбтейки, употребляемые в Панджшире, бывают разных цветов, но чаще всего белые или красные. Как и в Средней Азии, они в разной степени, смотря по зажиточности и вкусу, украшаются вышиванием.

Дастор или Салля. Так называется чалма, опять таки составляющая необходимую принадлежность мужчины, начиная с 9—11 летнего возраста. Между обоими названиями панджширцы делают иногда разницу, называя словом *дастор* более длинную чалму, а *салля*—более короткую. Обычно чалма свертывается из материи белого цвета, хлопчатобумажной, при чем на *салля* идет. большую частью местная материя,

¹ К сожалению, в собранных мною и приводимых материалах по Панджширу не имеется описаний женской одежды, как и почти совершенно отсутствует описание жилища. Объясняется это, главным образом, трудностью проникновения для проезжающего европейца в панджширское жилище при недоверчивом отношении туземцев. Это же самое обстоятельство не позволило мне также собрать и необходимые сведения о женской одежде. В общем, повидимому, она не особенно сильно разнится от обычной одежды горных таджиков Восточной Бухары.

Образцы тюбтейек.

выделываемая в Джебаль-ус-Сирадже,¹ а на *дастор*—привозимая из Индии.

Иногда употребляют чалму (дастор) и черного цвета, подражая в этом отношении афганцам. В самом способе завязывания чалмы тоже встречается разнообразие. Большинство повязывает способом, приближающимся к бухарскому и называемому „*мыллой*“ („способ мула“) — способ, вероятно, занесенный муллами, проникавшими в свое время из Балха или Бухары. Другая манера, заимствованная у афганцев, состоит в предварительном скручивании чалмы и в обматывании ее вокруг головы в скрученном виде. Этот способ называется „*тира-май*“.

И при том и при другом способе при наворачивании оставляется длинный кончик, свешивающийся иногда немного более аршина, но, иногда, оставаемый и значительно более коротким (вплоть до пол-аршина или даже 4—6 вершков). Если он очень длинен, что считается хорошим тоном и принадлежностью красивого костюма, то его или свешивают по спине или по груди, или, проведя в обвисающем виде под подбородком, закидывают за плечо с другой стороны, что называется „*да-р-и гулю*“ („кругом горла“). Последний способ ношения тоже является подражанием афганскому.

К у р т а н—Р у б а ш к а (повидимому, *كورتنة*). Обычно всегда белого цвета, часто из заграничной дешевой белой бумажной материи. Рубашка делается длинной, приблизительно, вершка на два ниже колен и носится поверх штанов, иногда перевязываясь поясом из материи или из кожи. Рубашка делается очень свободной и существующая мода требует, чтобы от избытка материи висели бы складки. С этой целью у рубашек, называемых „*чин-дор*“—„*со сборками*“, даже специально устраиваются целые ряды сборок, исходящих из кокетки на груди и кокеток на боках, а также целого ряда мелких сборок, набираемых с наружной стороны рукава, в самом начале его у плеча, в силу чего рукав тоже бывает очень широкий.

Обычные панджширские рубашки имеют невысокий ворот—„*яхани*“, который иногда украшается небольшим вышиваньем. Разрез у таких рубашек идет вертикально четверти на 1½ по груди, застигиваясь на 3—5 небольших пуговиц. Помимо приведенного типа ворота сравнительно реже употребляется рубашка, называемая *саршонаи*, имеющая горизонтальный разрез на самом верху, от плеча к плечу (не доходя несколько до края плеча). На передней части рубашки

¹ Название Джебаль-ус-Сирадж „*جبل السراج*“—„Гора Светильника“, данное покойным эмиром Хабибулла Ханом любимому им селению Парван, где он построил дворец и которое мечтал превратить в большой город, обычно произносится повсюду в Афганистане, как „Джабаль-ус-Сирадж“. Как известно, эмир Хабибулла-Хан, титулом которого было „Сирадж-уль Милляти вад-Дини“ („Светоч народа и веры“—*سراج الملة والدين*)—часто прилагал свой титул к

по середине разреза имеется полукруглая вырезка для ши. По обеим сторонам имеется по пуговке, не позволяющей разрезу расходиться широко. При таком вороте-разрезе стоячего воротника, естественно, не имеется.

Изор—Панталоны. Делаются из такой же материи, как и рубашка. Они завязываются обычным манером посредством шнура, проходящего свободно кругом сверху панталон (двигаясь в загнутый складке, как это делается, например, у нас с кисетами). Панталоны бывают двойные—или прямые, средней, но все же основательной ширины, называемые „ростак“ („прямые“), или „гичи“. Последние, необычайной ширины, являются подражением афганским. Летом ограничиваются обычно только одними такими панталонами, но зимой на них (а иногда даже прямо на голое тело) надевают широкие шерстяные штаны, называемые „базу“, из местной дмотканой материи „рагза“—той самой, из которой шьют и шерстяные хаалаты („чакмаи“). Базу также завязываются шнурком. Рубашка при этом вталкивается во внутрь. Иногда базу надевают и летом при сельско-хозяйств. работах. Изор приблизительно на четверть не доходит до пола, но *гичи* и *базу* доходят до щиколотки.

Воскат, **Васкай** или **Барак**—Жилет. Самое слово, „воскат“, как, видимо, и сам жилет, заимствовано из Индии, где индусы обычно его называют „васкут“, заимствовав, в свою очередь, и слово и жилет от англичан (англ. waist-coat). Ношение жилета вообще очень популярно в Афганистане, распространено между различными народностями, составляя летом часто только единственную верхнюю часть костюма (надеваясь прямо на рубашку). Так носят жилет и в Панджшире и панджширский жилет, сохранившись в формах в передаче, является совершенно точным воспроизведением европейского (английского). Как и в других местах Афганистана, где ношение жилета очень популярно, он часто носится растегнутым, в особенности летом. Шитье жилета, однако, бывает разнообразно. В обыкновенных случаях он шьется из какой-нибудь шерстяной дмотканой материи, но иногда, на афганский лад, его делают из какой-нибудь яркой материи, покрывают вышиванием шелком или канителью (чаще всего последнее делают мастера в городах) и тогда он принимает иногда очень нарядный вид, теряя при этом, конечно, европейский облик.

тому, что ему нравилось или чему он придавал большое значение. Так напр., большой ирригационный канал около Кандагара, сооружавшийся им, был им назван „Найр-ус-Сирадж“ („Канал Светоча“), газета, издававшаяся в Кабуле, называлась „Сирадж-уль Ахбор“ („Светоч известий“), официальная история Афганистана, составленная и изданная по его указаниям, называется „Сирадж-ут-Таварих“ („Светоч историй“) и даже у его супруги титулом было „Сирадж-уль-Хаватин“ („Светоч дам“).

Пой-това или **пой-печ**—портянки. Они ткются из овечьей шерсти. Длинные и узкие, доходящие до 2½ арш. длины, называются *пой-печ*: более широкие и короткие—*пой-това*.

Чулок не вяжут, но зимою охотно носят чулки верхне-панджского типа (высокие, толстые, шерстяные), распространяющиеся по Панджширу из сел. Париян, где их вяжут, или проникающие при товарообмене из Бадахшана.

Чорук—кожаные башмаки, обычно с загибающимся кверху носком на афганский лад. Шьются из некрашеной кожи. В верхней части долины, начиная с селения Марз до Париян, этот род обуви не употребляется, заменяясь другими.

Для определения характера населения в различных местах Панджшира существует следующее местное четверостишие:

Примы и
характер
панджшир-
цев.

„Ашвааль Онова, дуйюм Шюфа сар-тер,

Ба ашъики Остона мешави сер.

Ба Остона гызар кун,

Ба хубоньш назар кун“.

„Сначала Онова, а потом неустраши-

мая (запальчивая) Шюфа.

В Остоне ты насладишься любовью—

Проезжай через Остону,

Взгляни на ее красавиц“.

Анова—селение, славящееся красотой своих юношей; жители с Шюфа отличаются запальчивостью, неустрашимостью в битве („сар-тер“).

Что же касается сел. Остона, то там на первый план выступают женщины, славящиеся на весь Панджшир своей красотой и темпераментом. Предание говорит, что один святой ишан, отправившись на сбор приношений и приехав в названное селение, не встретил там никого из мужчин. К нему выходили с подношениями только женщины. Тогда святой, обидевшись на мужичи, произнес молитву, прося у бога, чтобы он дал всю красоту и мужество в этом селении женщинам и молитва, говорят замы языки, была, якобы, услышана.

По слышанному мною от панджширцев определению их собственного характера, а также по некоторым отзывам со стороны, панджширцы отличаются вспыльчивостью, горячностью и воинственностью.¹ Вследствие этих сторон их характера афганское правительство, по словам панджширцев, принимая их для формирования военных частей, будто бы, избегает составлять отдельные части исключительно из панджширцев, рассеивая их при приеме на военную службу по разным частям во избежание вспи-

¹ Повидимому, подобная репутация за панджширцами была установлена еще давно. Холдич упоминает следующее („The Gates

шек восстания.¹ На военной службе они часто дезертируют. Будучи хорошими ходоками по горам, панджширцы в связи с упомянутыми выше другими сторонами своего характера оказали, по их словам, большие услуги афганскому правительству при завоевании в свое время Кафир-стана, составляя авангард наступающих.

Между собою у панджширцев часто происходят схватки и драки, доходящие до кровопролития. Вероятно это до сих пор поощрялось отсутствием твердой и строгой администрации.—Ба як алокадор даф рупија ришват метии—бандиро јала мекунад“ („дашь взятку в десять рупий аля-кадару—он и отпускает арестованного“), говорили панджширцы. Это, однако, понемногу, повидимому, начинает отходить в область прошлого, благодаря настойчивости по улучшению администрации со стороны настоящего эмира. Для характеристики местных нравов и беспокойного характера панджширцев, когда они не встречают препятствий, можно привести следующий случай.

Столкнове-
ние с кучи.

Ежегодно с наступлением лета довольно большое количество „кучи“, т.е. кочующих афганцев, из родов ака-хэль, ибраним-хэль, алякан-хэль и рустам-хэль, зимующих в Лагмане, в окрестностях Желалабада, перекочевывают на три месяца наиболее жаркого периода в верховья Панджшира—в долины Хавок, Парижон и Тиль.² Около двух лет тому назад, одновременно с известным восстанием менгалей и, может быть, не без его влияния, панджширцы из сел. Сафед-Чир напали с целью грабежа на спускавшихся с летовок кучи, проходивших через их земли, ограбили значительно проходивших и при этом убили у них одну девушку. Панджширцы при этом тоже пострадали, потеряв одного человека убитым.

of India“, p. 357—358. London, 1910.): „обитателям долины Панджшира приписывалась репутация свирепости и силы, которая была замечательна даже в те дни, когда признанным правом была сила и половина Азии была населена варварами. О них говорили с уважением, вытекающим из их дикой независимости, арабские писатели, которые подробно описывают географию этих стран, и, возможно, что они разделяли историческое отсутствие закона (lawlessness) своих кафирских соседей (сиапушей), если они и в те дни не делили с ними общности расы“.

¹ Одновременно имеются, однако, однородные составы в палатках из населения других мест: „герати“ (гератский палтан), „вардаки“ (из Вардака), „кандавори“ (кандагарский), „люхари“ (логарский).

² На обратном пути осенью, как и в первый путь весной, они останавливаются на равнинах кабульского района, напр., в Дахти-и Байром (к северу от Чарикара), Хамзагар и в окрестностях Джамолуга, направляясь на зимовку к Желалабаду. На северном склоне Гиндукуша к Хавакскому перевалу точно также прикочевывают афганцы со стороны Каттагана, стоя на летовках, главным образом, в Сангпар.

Народные панджширские сафалли из дерева.

Хотя кучи уплатили куну—„хун“ (خون) за убитого в размере 7000 रुपий и обе стороны сравнительно мирно разошлись, но, при дальнейшем следовании кучи, внизу на них снова напали жители сел. Фиродж, объявивших, что родственное чувство не позволяет им оставить безнаказанной смерть панджширца. Это в действительности служило, видимо, предлогом для нападения и грабежа, но при этом они убили у кучи одного мужчину и одну девушку (девушка была убита за то, что удерживала и не давала увести отбиваемого верблюда).

Ограбленные кучи пожаловались в Кабул и так как к этому происшествию подбавились еще другие случаи нападений по дороге и грабежей, то, по наступившем в это время успокоении в других местах страны, губернатор („вали“) Кабульского округа, в административный состав которого входит Панджшир, по приказанию эмира отправился весной 1926 г. в долину Панджшира и произвел расправу. Около двенадцати человек главных виновных были приведены в Джабл-ус-Сирадж и расстреляны способом „чанъори“. Последний состоит в том, что человека заставляют стоять с связанными назади руками, привязав в то же время ноги к колу, вбитому в землю. Характерно, что наказание обратилось при этом главным образом на жителей сел. Фиродж, так как первые зачинщики, сафедчирцы, сами лишившиеся человека при стычке с кучи и принявшие выкуп, оказались, с точки зрения афганской юстиции, не заслуживающими наказания. После данного случая панджширцы сильно присмирели и о нападениях на проезжающих больше не слышно.

Вообще, как упомянуто выше, панджширцы пользуются репутацией очень беспокойных и сварливых людей, склонных к дракам и ссорам. Чаще всего это происходит летом при дележе воды, пускаемой на орошение полей. На крики поссорившихся и дерущихся спешит на выручку каждого его „гындо“—друзья, родственники, соседи, принимающие с каждой стороны участие в драке. Камни бросаются с обеих сторон. Если какая-нибудь сторона не выдержит и бросается в бегство, то противники пускают в след саркастические замечания и аплодисменты („чак-чак“). Иногда же бывает, что победители, разгорячившись, преследуют разбитого неприятеля, осыпая его ударами вплоть до его дома. Но здесь картина меняется. Вступив к себе в напоминающий маленькую крепостцу дом и захлопнув и заперев крепкую дверь, разбитый противник делается тотчас же хозяином положений. В бойницы дома, называемые „тир-каш“ („стрелометы“—تیرکش)¹, вставляется старинное ружье и хозяин дома начинает стрельбу по осаждающим, что обычно заставляет их быстро отступить.

¹ Как известно, слово „тир-каш“ (تیرکش) или „тир-дон“ (تیردان) в средне-азиатском обычном употреблении обозначает колчан.

Столкновение между собою.

Если кто-нибудь сильно ранил другого, его, изувечил, то потерпевший требует с обидчика уплату вознаграждения. В особенности большой выкуп, куна, подлагается при убийстве, уплачиваемый ближайшим родственникам или наследникам убитого. При переходе дела к правосудию, к юстиции, от них зависит судьба убийцы, если его виновность доказана. Родственники и наследники убитого могут в таком случае по своему усмотрению или отпустить его на свободу за обусловленный выкуп „хунбо“ (خون بها) — „цена крови“) или казнить. Выкуп в таких случаях обыкновенно бывает крайне тяжелый, выражающийся в отдаче участков земли, дома, а также „чом-и суwора“, т.е. *девушки*, которая выдается со стороны убийцы за кого-нибудь из родных убитого без уплаты последним за нее вена. За увечье или серьезное поранение потерпевший также требует иногда и получает „чом-и суwора“.¹

Как у многих народов, среди панджширцев существуют насмешливые прозвища, даваемые жителям тех или других селений их соседями.² Как и в других таджикских горных странах, обыкновенно эти прозвища довольно широко известны в долине, хотя и неравномерно. Данные клочки, прозвища, называемые панджширцами „тона“ (طنه) даваемые жителям, мною записаны только по адресу следующих шести селений в Панджшире:

1) Сел. Сафед-Чир:³ жителей называют „гоу“ — „быки“. Такое название дается за приписываемые им грубость и наклонность к драке: „джангира, вайрон мардум астан“ — „драчливый, дурной народ“, характеризуют их соседи.

2) Сел. Матой:⁴ „кёрхынъчи“ — „слепые хынъчы“. Хынъдж или Хынъч — старое название данного селения. Данное

¹ Самое название происходит от того, что девушка выдается *верхом* („суwора“), как в обычной свадебной процессии, при чем лошадь идет в собственность ее будущего мужа.

² Подобно прозвищам, отмеченным С. Ф. Ольденбургем среди жителей Восточного Туркестана: „Акамы — прозвища жителей городов Восточного Туркестана“ (Сборн. Музея Антроп. и Этногр. при Росс. Акад. Наук, т. V, в. I). О прозвищах среди таджиков имеется моя заметка „Прозвища жителей различных селений в Матче“ (Доклады Росс. Акад. Наук 1924 г.). Кроме того, по имеющимся сведениям, довольно большой материал по прозвищам среди таджиков Матчи и Фальгара собран Е. М. Пещерковой, но эти записи еще не опубликованы.

³ По объяснению панджширцев название этого селения означает „Белый шум“. Селение названо так за прохочущую, пенящуюся воду, протекающей около него речки. („Чир“ — шум, рев воды. „Чир-чир и гындышко“ — „чириканье воробьев“).

⁴ Название данного селения происходит из *мат* (церебральн. т) — земля, прах (как перс. خاک) и *оу* (آب) — вода, т.е. означает „глинистая вода“. Селение так названо за большую примесь глины в воде местной речки.

насмешливое прозвище основывается на том, что считается, что предки местных жителей когда-то страдали куриной слепотой.

3) Сел. Пешь-Гур: „гуспан“ — „бараны“. Однажды люди читали намаз. Один из пешь-гурцев привязал к себе за талию веревку, к которой был привязан его баран, чтобы тот не ушел. Во время общего земного поклона (سجدة) баран неожиданно бросился в сторону и потащил за веревку своего хозяина, произведя общий беспорядок среди молящихся.

4) Сел. Марз: „мстыхон-хоj“ (استخوان خای) — „грызущие кости“. Жители названы так за привычку набрасываться на проходящих путников.

5) Сел. Фиродж: „ро-зан“ (رهزن) — „разбойники“. Известны своими нападениями в прошлом, за которые подвергались наказаниям афганского правительства.

6) Сел. Боорак (بهارک): „чайли-по“, т.е. „носящие чапалы“. Чапал, род кожаных сандалий, которые носят багоракцы, разнятся от обычного типа обуви, употребляемого их соседями.

за исключением самых верхних селений—Тыль, Де-Хавок и Париян, где попадаются уже только ива и тополь. Тут разделяется на ряд сортов: 1) «Бедона-и кабут» (بی دانه کبود)—серый, без косточек; 2) «Бедона-и сафет» (بی دانه سفید)—белый, без косточек; 3) «Хасах» (очевидно от خاص — уменьш. خاصک)—с зернышками. Обычно распространены только эти три сорта. Сравнительно реже встречается очень крупный сорт тутта, называемый «шаста» (شست — «большой палец»).

Как во многих горных таджикских странах, тут является существенным подспорьем в пище жителей, употребляясь ими круглый год. Тут (шелковица) в течение трех летних месяцев едят только свежий тут, сбиваемый непосредственно с деревьев. Следующие три месяца едят «тут-и дыль-мыль» — полусухой тут, вяленый, не потерявший в просушке еще вязкости. Шесть месяцев — три зимних и три весенних, едят толокно из тутта, называемое «талкон». Последнее приготавливается тем, что сухой тут мелют на мельнице, но это возможно только при наступлении морозов, т. к. иначе тут не превращается в муку из-за своей вязкости. Смолотый и превращенный в муку тут сыпается в амбар («канду»), в закрое, где и затвердевает в такой степени, что для того, чтобы его брать, потребное количество отбивают топором.

Период сбора тутта — страдная пора женщин. Земля под деревьями в горных долинах Гиндукуша тщательно подметается и поддерживается в большой чистоте для того, чтобы не грязнить падающих на землю ягод. Сбор производится следующим образом. В период плодоношения деревья обиваются мужчинами через каждые десять дней. Для этого они надевают сапоги, забираются на деревья и их трясут. Другие (мужчины и женщины) держат специальные полотнища — «джоли»,¹ которые они подставляют под сыпавшиеся с дерева ягоды для того, чтобы не давать им падать на землю. Собранный в эти полотнища сбор относится женщинами в корянах, носимых на головах, на крыши, где и расстилается для просушки. Помимо этого, каждый вечер женщины обходят деревья, а, если погода стоит ветряная, то, кроме того, и утром, и собирают руками с земли упавшие ягоды, относя сбор на крышу.

Туттовые деревья, как сказано, обиваются через каждые десять дней, но для ежедневного непосредственного употребления остаются одно или два дерева (смотря по размерам семьи), которые обиваются понемному ежедневно (в размерах надобности) и кормят семью своими свежими ягодами. Такие деревья, остающиеся для постоянного употребления, называются «тоза хури» (تازه خوری).

Мужчины, помимо сбивания, в сборе тутта не участвуют и вся его тяжесть падает целиком на женщин. Так как сбор тутта совпадает с

¹ Из индийск. जाली — плетень. На кабульском базаре словом «джоли» обычно означают т ю л ь.

III.

Характер земледелия. — Садоводство. — Посевы различных хлебных и других растений.

Жители Панджшира типичные земледельцы и только отчасти занимаются скотоводством. Последнее больше всего развито в верхней части долины, где больше пастбищ. Характерно, что за исключением самой верхней части долины Париян (Паријон) земледелие исключительно поливное и посевов под дождь, называемых так же, как и в Туркестане «ляльми», не имеется. Селения обычно расположены при какой-нибудь боковой речке или ручье, быстро стремящемуся вниз по крутому скату к протекающей по низу долины р. Панджшир. Это дает возможность отводить из этого ручья или речки, чаще всего в обе стороны, ирригационные каналы или канавы, идущие на орошение полей и садов. Размером воды в ручье, из которого берет воду для полива своих полей и садов селение, а также площадью пригодной для обработки земли, которая может быть орошена, и обуславливаются размеры селения и число его жителей.

Помимо посевов большое значение в хозяйстве горного таджика имеет также и садоводство, в особенности разведение тутта (шелковицы), являющегося положительно кормилицей таджика и одним из самых существенных подспорий в его хозяйстве. Сады, где тут доминирует, облегают кругом селение. Всад за тутом больше всего разводится абрикосовые деревья, потом грецкие орехи. Яблони, вишня и «оло» — мелкая слива, играют значительно меньшую роль. Еще реже — персики, виноград. К фруктовым деревьям можно также отнести встречающийся иногда «синджид» (سنجد), называемый в Туркестане «джида» (Elaeagnus hortensis).¹ Фруктовые деревья встречаются всюду по долине Панджшира,

¹ Синджид много растет около сел. Пых-Хору. Он употребляется на топливо, а также на выделку наконечников плуга — «старчо». Кроме того, наконечники для плугов выделяются еще из сорта тутта, называемого «тут и хасак», иногда даже из абрикосового дерева, как из наиболее крепких. Любопытно для культуры Панджшира, что наконечники железные там пока почти не встречаются. Есть, но еще очень мало.

периодом горных пастбищ, то из дома на летовку (*вогилья*) отправляется только одна женщина, а остальные обычно остаются для работ дома.

Тутовая пища считается таджиками очень горящей и панджширцы думают, что только очень холодная вода, текущая у них и употребляемая ими для питья, парализует горящее действие тутового пищевого режима.

Абрикосы. Абрикосы тоже употребляются в пищу в довольно большом количестве, как свежими в сравнительно короткий период поспевания, так и сухими—*«кок-и зардолю»*.¹ В то время, как тут составляет ежедневную постоянную пищу панджширца, сушеные абрикосы (урюк) употребляются реже, приблизительно с промежутками в 3-7 дней. При употреблении они предварительно вымачиваются в воде, разминаются руками, при чем косточки отбрасываются. Получившееся пюре естся, подаваемое кусочками хлеба и съедается вместе с хлебом. Это называется *«катах-нон»*.

Кукуруза. Среди посевов в обиходе панджширцев большую роль играет кукуруза, входящая в обычный трехлетний севооборот на одном и том же участке: один год—кукуруза, другой год—пшеница и третий—ячмень, который в Панджшире, как и во многих других местах, чаще всего сеют в смеси с бобами—*«бокуля»* (бокуло). Этот смешанный посев так и называется—*«джасу-бокуло»*, т. е. «ячмень и пшеница». Иногда сеют каждое растение отдельно.

Кукуруза дает удивительные, по мнению панджширцев, урожаи. Если почва плодородна, то *чорлак* (چراک) т. е. $\frac{1}{4}$ сера кукурузы, посеянной отдельно (без смеси с ячменем), дает урожай до 20-30 серов (т. е. сам 80-120). На бедной почве кукурузу не сеют. Случается, однако, что при большом желании сеять кукурузу и скудости земли некоторые сеют кукурузу два года подряд на своем участке, но это делается только при возможности доставки усиленного удобрения.

Удобрение. Удобрение, называемое в некоторых местах *«шура»* (т. е. «селитра»), а в других местах—*«пору»* («навоз»), состоит из помета скота, главным образом коз, баранов, а также рогатого скота (лошади имеются только у наиболее зажиточных—приблизительно 1 лошадь в среднем на каждые 3-5 домов). К навозу прибавляются также, естественным образом, при накоплении зола и неспособные отбросы.

Помочк при выносе удобрения. Любопытно, что при выносе удобрения в поле, что производится в корзинах—*«кажява»* («кажюва»), носимых за плечами (и только, если поле далеко, то возят на ослах или лошадях), применяются помочи, называемые *«жора»* («помощь»).² Приглашенные на помощь соседи—*«жорак»* являются каждый с своей корзиной и в один день заканчивают

¹ Сушеные абрикосы (урюк) также называются «кок-и среди, например, таджиков Ферганы.

² Слово «хашар» (арабск. حشر), употребляемое для этого названия в Туркестане и Бухаре, в Панджшире неизвестно.

Закроча в кидрой в одном доме в сел. Забл-Кур (Замингур).

работу. В выносе участвуют обыкновенно 8-20 человек, смотря по имеющемуся количеству навоза.¹ В случае, однако, если работа превысила силы участников и вынос навоза в один день не закончен, то обитатели дома заканчивают его потом своими силами: „жораки“ больше, чем на один день не приходят. В течение дня работы пришедших на помощь хозяин ставит им угощение—мясо, кислое молоко, палау и пр., смотря по достатку. Это угощение называется „шиш-банди“, т.е. „подкрепление легких“ (شش بندى).

Пшеницу сеют осенью и весной. При посеве озимой пшеницы, называемой „тирамои“ (т.е. „осенняя“ (نبره ماهی)) употребляют сорт, называемый „сурхак“ („красенькая“, „красноватая“). Весною сеют „сафдак“—„беленькую“. Помимо пшеницы осенью засевают еще „джаудор“—„рожь“.

Посевы
хлебов и
других
растений.

Ямень разделяется на два сорта. Один простой, обыкновенный, в шелухе, называется обычным словом „джау“ (جو), другой—гималайское жито, с голыми зернами, называется „джау-кунд“ („тупой ямень“).

Урожаи, повидимому, не так велики. По словам панджширцев урожай в горах на поливных землях в среднем бывает сам 10. На полях около селения, достаточно удобряемых, урожай повышается до сам 20. В среднем один дом засеивает приблизительно 10—15 кабульских серов зерна около селения и 15—20 серов по горам. В „зерно“ входит пшеница и ямень. Засаиваемую площадь приблизительно можно разделить следующим образом: $\frac{1}{2}$ земли под пшеницей, $\frac{1}{4}$ под ячменем и $\frac{1}{4}$ под кукурузой.

Помимо хлебных злаков сеют также бобовые растения—„машин“, (горох), „наск“ (род фасоли), „патак“ (сорт гороха), „шокал“ (употребляется только для корма лошадей и баранов, предварительно размачиваясь в воде).

¹ Вынос навоза на поля вообще считается среди таджиков мужским делом. Исключение этому, встречается в городе Исталиф, населенном в большинстве таджиками и расположенном к северу от Кабула, приблизительно верстах в 30 от него. Там навоз выносятся женщинами. Это настолько выдается, на общем фоне, что отмечено даже в числе прочего в сатирической песенке про исталифцев, известной всему Афганистану:

„Зано-и Исталиф—сз пау синояшъ,
Пору мебаранд бар заминояшъ“...

زن های استاليفی سه پا و سینه هايش
پارو ميبرند بر زمين هايش

„Исталифские женщины—у них по три пау (мера веса) груди,
Носят навоз на свои земли“...

Из других растений сеют просо, употребляемое в пищу. Имеются два сорта: „еол“—итальянское просо с длинноватыми зернами, светло-коричневого цвета, и „арзын“ (ارزن)—обыкновенное метельчатое просо. Сеют также „шяфтал“—персидский клевер,¹ очень мелкие зерна которого идут на корм птице (курам). Сеют его или отдельно или, чаще всего, вместе с яровой пшеницей или ячменем. Последним после посева дают сначала подрасти приблизительно на четверть, а потом по политому предварительно полю разбрасывают семена шяфтала. Когда пшеницу или ячмень жнут, то одновременно срезают и верхушки этого растения. Оставшиеся после жатвы стебли, однако, быстро отрастают и дают приблизительно через месяц самостоятельный урожай. Шяфтал жнут, молотят ногами скота (гоняя скот по гумну) и затем отделяют зерна через просеивание на решетке. Стебли шяфтала являются вкусным кормом для лошадей. Его дают также дойным коровам, дающим много молока. Для получения масла—„тель“²—сеют растение „шяриям“ (сорт сурепицы, из крестоцветных). Добываемое из него масло идет на освещение, горя в светильниках—„чирас“. Масло гонится на специальных маслобойках—„джузо“. Следует, однако, оговориться, что масло из шярияма довольно сильно коптит, почему ему предпочитают часто для светильников льняное масло („зыгир“), привозимое из Андероба.³

¹ Определением перевода на русский язык, как названия данного растения, так и некоторых других обязан любезности Д. Д. Букиннича.

² Из индийск. तेल तेल—масло. Слово, очень распространенное в Афганистане. Под названием „тель-и хок“ (تيل و خوک), т.е. „земляное масло“, в Афганистане повсюду известен керосин.

³ Светильники, употребляемые в Панджшире, обычной формы, выделяются из мягкого белого камня, называемого „алк“, (возможно, из талька, имеющегося в этих местах). Самодельных свечей на подобие того, как это делается в верховьях Панджа, где для этой цели берутся вместо фитиля сухие прутья одного растения и обкладываются подобно свечке массой из измельченных зерен маслянистого растения, панджширцы не употребляют, как не употребляют и лучин. Последние встречаются в находящейся сравнительно неподалеку от Панджшира долине, Ниджэрау, где они приготавливаются из дерева „сакол“. Это дерево, называемое на пашайском яз. „ка“, повидимому, кедр. Орешки с него привозятся в Кабул и продаются на базаре по одной кабульской рупии за хурд. Упомянутое освещение лучшей, называемой „чулом“, как я слышал, в большом употреблении в долинах Алингара и Кафиристана.

IV.

Скотоводство.—Шерстяные изделия.—Посевы различных хлебных и других растений.

Скотоводство в долине Панджшира, в особенности в его низовьях, как было отмечено выше, является по сравнению с земледелием лишь второстепенным занятием. Развитие скотоводства главным образом тормозится, как вообще обычно в таджикских горных странах, ограниченностью возможности запастись корм на зиму, хотя время, когда скот держится исключительно в хлебах, в Панджшире очень невелико: всего около 3-х месяцев для коз и баранов в Среднем Панджшире, но для лошадей и рогатого скота это продолжается уже около 6—7 месяцев. В среднем на хозяйство можно считать около 15—20 овец и коз, 2 коровы, 1 бык. Лошади далеко не у всех и, в общем, приблизительно приходится 1 лошадь на 3-5 домов.

Любопытно, что по словам панджширцев (лично мне проверить не удалось), их рогатый скот, овцы и козы разнятся по породе от тех же животных, попадающих на равнине к Кабулу и даже, якобы, в горных долинах к западу от Панджшира. Они сами называют свои породы скота „кофари“ (کافری), т.е. „кафирские“, сияпушские, и говорят, что они происходят от той же породы, которую разводят кафиры-сияпуши.¹ Овцы их ягнятся два раза в год—весною и осенью, козы—один раз. Коровы небольшого роста, приземистые, дают много молока.

Их кафирские овцы, называемые „гади-кофари“ (گادی کافری) дают высокого качества шерсть, которую стригут три раза: зимою (это очень полезно так же, как предохранительная мера против какого-то насекомого, очень беспокоящего овец в это время), весною и осенью. Лучшая шерсть—осенняя. Шерсть, превращенная в ткань, одевает и согревает панджширца и соответственно он ее ценит:

Атлас ас кирм аст,
Пашим ас гуспанд—

¹ Это, может быть, говорит несколько в пользу предположения Холдича о возможной связи панджширцев с кафирами. По его словам в XVI ст. Бабул отмечает, что панджширцы в его время платили дань своим соседям кафирам. (The Gatos of India, London, 1910, p. 358).

Кай расат атлас.
Ба пашм-и гуспанд.

Атлас от червей,
А шерсть от овец.
Когда же сравнятся атласу
С овечьей шерстью?

Шерстяные изделия.

Так с благодарностью в этой поговорке отзывается панджширец о дорогой для него шерсти, которая идет на целый ряд произведений. Из них в первую голову можно отметить „чакман“—шерстяные халаты, выделкой которых славится Панджшир. Кроме того выделяют жилеты—„васкат“ (исковерканное англ. waistcoat—форма, заимствованная из Индии, где среди индусов это слово чаще всего произносится „васкут“), портянки, широчайшие штаны, называемые „базу“, паласы, мешки, попоны, хурджуны (переметные сумы) и пр. Однако, чулок шерстяных, часто встречающихся в верховьях р. Панджа (Аму-Дарья) за исключением самой верхней части—долины Париян, в Панджшире не вяжут.¹

Среди шерстяных изделий, как упомянуто, в особенности славится шерстяные халаты (чакман), на выделку которых тратится много забот и стараний. Лучшие из них называются „чалаки“² и ценятся до 30 рупий (кабульских) за штуку. Высшие сорта приготавливаются из шерсти ягнят. Самыми излюбленными цветами и дорогими являются рыжий и белый. Халаты из шерсти этих цветов расцениваются по 30 каб. рупий. Затем идет чисто черный—по 26—27 рупий. Если халат изготавливается из шерсти баранов, а не ягнят, то ценится дешевле. Шерстяная материя, из которой делаются халаты настолько плотна, что не пропускает дождя.

Домотканое сукно, из которого шьются халаты, называется, как и вообще в таджикских странах, „рагза“.³ После того, как „рагза“ соткана, она подвергается троекратному мочению в воде, при чем, вынимая каждый раз ее бьют деревянными колотушками (молотами),

¹ Шерстяные с узорами чулки, привозимые из Бадахшана, встречаются, однако, в Панджшире не редко. То обстоятельство, что чулки вяжут в Париян, может быть, объясняется большой связью жителей данной местности с населением по северному склону Гиндукуша, откуда они, повидимому, и являются выходцами.

² От слова „налак“—веретено. Нитка изготавливается исключительно кручением на ручном веретене и считается выше по качеству и дороже нитки, изготовляемой на прялке—„чарха“. Последняя называется „чархан“, как и изготавливаемые из нее халаты.

³ В некоторых местах как, напр. в долине Зарешана словом *разза* (راز) обозначают сукно домашней выделки до его валения. Подвергнутое последнему называется *моля*.

называемыми „сута“¹ и потом во влажном виде еще это сукно особым образом продолжительно мнут ногами, стоя на подложной для этого двери. Работа эта, выполняемая мужчинами, настолько утомительна, что если сукна заготавливается много—напр., для 3—4 халатов, то для того, чтобы с ней справиться, созывают соседей на помощь—„жора“ (выше было упомянуто об устройстве помочей, при выносе удобрения). Обычно сукно мнут ночью.

Панджширцы сбывают свои халаты и прочие шерстяные изделия, главным образом, в Кабул. В соседние долины не продают, а, наоборот, часто сами там покупают для перепродажи в Кабул, т. е. там, в Андараве и Бадахшане, например, шерстяные изделия дешевле и лучшего качества. Точно также панджширцы продают свою пшеницу, главным образом, в Чарикар, сами прикупая, в свою очередь, в Андараве. Из Панджшира вывозят также коровье масло, хранящееся там в медных котлах и привозимое в „город“ („шор“—(شور), т. е. в Кабул, в кожаных мехах. Кроме перечисленных предметов вывоза из Панджшира вывозят рогатый скот, овец и коз, продаваемых заезжим торговцам—барышникам из равнин.

Вероятно, благодаря своему нахождению на одной из главных и удобных дорог через Гиндукуш, панджширцы занимаются в значительной степени торговлей, закупая у одних соседей определенные товары и перепродавая их другим. Торговля ведется в настоящее время б. ч. на деньги, но сохранилось еще много оборотов и в виде прямого товарообмена. Так, например, панджширцы покупают у приезжающих к ним жителей равнин „карбос“—домотканую бумажную материю, бязь, покупая ее по 5—6 аршин на рупию (на равнине покупают 6—7 аршин).² Этой бязью они платят за соль андаравцам, нуждающимся в материи. От андаравцев они также покупают рис, пшеницу, льняное масло, оставляя из закупленного часть себе, большую же часть обычно перепродавая в равнинах. Со стороны Анджумена, Джирма, Калдфана и др. мест Бадахшана к привозят ним шерстяные халаты („чакман“),

¹ Колотушка „сута“, как молот для отделения зерна от колосьев, употребляется с этой целью иногда в кабульском районе (как и в некоторых местах верховьев Панджа). В Панджшире же, где скота больше, молотят хлеб, гоняя по гумну скот. При помощи названных молотов там обрабатывается только кукуруза.

² Следует отметить, большую распространенность вообще в Афганистане определения стоимости для мелких товаров в розничной торговле не по тому, сколько стоит счетная единица—штука, мера веса или длины того или другого предмета, а сколько этих счетных единиц дается за известную монету, чаще всего за рупию. В ответ, например, на вопрос подошедшего покупателя о том, сколько стоят его орехи, торговец отвечает—„четыре“. Покупатель начинает ридиться, говоря сначала „шесть“ и, наконец, „пять“. Это значит, что торговец запросил по пулу

частично тоже, как упомянуто, перепродающиеся. Со стороны Кафиристана панджширцы закупают у сипашей коз и хвостатых овец («гади»), перепродавая их, однако, в значительно меньшем размере—6. ч. оставляют себе. В Кабуле или в прилегающих больших равнинных пунктах панджширцы закупают чай, сахар, мануфактуру европейскую и индийскую, перепродавая закупленное своим северным соседям. В прежнее время, следует отметить, что дело обстоит с этим несколько иначе и мануфактура, главным образом ситцы и, в особенности, тик, проникала с севера из России, но за годы революции это прекратилось. В числе предметов ввоза со стороны России можно отметить также большие тяжелые чугунные котлы, очень популярные в Средней Азии, которые можно встретить повсюду. Они проникают вплоть до Кабула, где расцениваются уже непомерно дорого—стоимость большого котла доходит до 120 рупий (около 60 рублей). Мне рассказывали панджширцы, как они на своих спинах (чтобы не разбить при перевозке на осле или лошади, хотя часто возят и выюками на животных) переносили такие котлы к себе из Ханабада, перетаскивая через Гиндукуш.

В дополнение к тому, что было сказано о покупке мануфактуры панджширцами, можно еще упомянуть, что за последнее время в Панджшир до некоторой степени стали проникать бумажные материи, изготовляемые кустарным способом в Джабл-ус Сирадже (где имеется уже некоторое количество кустарных ткацких станков европейского типа, распространению чего покровительствует правительство). В особенности оттуда вывозится бумажная материя, называемая «алача-и джада».

Панджширцы, однако, далеко не монополизируют в своих руках торговые сношения между окружающими их районами, перепродавая произведения одних другим. Предпримчивые бадахшанцы, например, прогоняя свой скот в довольно большом количестве для продажи на кабульском рынке, и проходя со скотом прямым путем из Анджумана на Париян и дальше по Панджширу, не продают его панджширцам, а предпочитают сбывать его сами в Кабуле. Точно также в значительном числе ускользает из рук панджширцев и соль, везущаяся в Кабульские равнины из Каттагана и проходящая через Панджшир. Но даже в той

(мелкой медной монетке) за каждые пять орехов. Покупатель же, с своей стороны, торгуется, чтобы он давал большее число за ту же монету. Чаще всего, как сказано, определение цены идет, исходя из того, сколько дается на рупию. В старое время такой счет был в большом ходу в Бухаре и Туркестане, где обычно товары определялись, сколько давалось на таныгу. Следы этого счета имеются кое-где там и сейчас.

Следует отметить, что с начинающимся восстановлением промышленности в С.С.С.Р. замечается также и начинающийся понемногу опять ввоз тех же товаров в Афганистан. В нем занимают свое место и котлы.

части провоза соли, где выступают панджширцы, они сами на копи за покупкой соли не ездят, а покупают соль в Андерабе в сел. Де-Саля (Deh-Calo), куда ее привозят кучи и афганцы 6. ч. на верблюдах, а каттаганцы на лошадях. На копиях, в добытом виде, торговцы покупают соль в размере восьми серов на рупию, привезя же в Де-Салю перепродают уже давая на рупию только $1\frac{3}{4}$ —2 сера. Перекупившие панджширцы, привезя к себе, продают по одной рупии за сер, а дойдя до Кабула, та же соль продается по $\frac{1}{2}$ сера за рупию (т.е. 2 рупии сер). Иначе говоря, стоимость провоза от копей до Кабула удорожает соль в шестнадцать раз.

Несмотря на сравнительно скромные размеры скотоводства, молочное хозяйство в экономической жизни горного таджика, при трудности добывать пропитание и при неприхотливости такового, имеет в общем большое значение, не только внося разнообразие и скрашивая скудную пищу, но, при заготовке молочных продуктов впрок, приходя на помощь таджика зимой и ранней весной, когда еще другая пища становится наиболее скудной. Не касаясь в настоящем очерке характера молочного хозяйства панджширцев с его технической и экономической сторон, я позволю себе привести лишь только некоторые сведения о молочных женских артелях в Панджшире, существование которых среди таджиков вообще было впервые отмечено Е. М. Пещеровой, давшей их описание на основании материалов, собранных ею среди таджиков Туркестана, Восточной Бухары и припамирских стран.

Молочная артель в Панджшире называется *пешона*. Участник в ней бывает от 3 до 8 человек, в зависимости от их богатства молоком. Эти артели функционируют в Панджшире не только летом, по прибытии на летовки, на летние пастбища, называемые здесь *агыл* (главное время их работы), но и при нахождении скота и хозяек весною еще в селении «диот» (دېوت). Свежее молоко собирается для изготовления кислого молока обычно в медные или чугунные котлы, называемые в этом случае *пешона*. Деревянная мерка состоящая из палочки с отметкой на ней высоты уровня молока, называется *кати*. Ее опускают вертикально в определенный сосуд и молоко льют, пока уровень не поровняется с с меткой. Женщины—участницы артели называются *пешонгар*. Помимо упомянутых выше котлов, называемых, может быть, в переносном смысле *пешона*, этим словом называют также небольшой сосуд, в котором носит свою долю женщина, у которой молока мало и который служит сам по себе меркой. Он употребляется, когда мерить молоко посредством палочки *кати* не имеет смысла.

Характерной чертой сбора каждой хозяйкой—участницей молока является то, что очередь, к кому относить свои удои всей артели не меняется ежедневно, а устанавливается на продолжительный срок—5—20 дней. Подобное одновременное получение молока, дополняющее самый смысл организации артелей, дает возможность производства разовых

Молочное хозяйство.

Молочные артели — пешона.

операций с заготовлением впрок молочных продуктов. Срок определяется для каждой отдельной участницы артели в различной зависимости от количества добываемого в ее доме молока и отсюда размера вносимой ею в артель части. Первая очередь дается тем, у кого удои больше всех и, в связи с этим, срок доставки остальными молока в данный дом устанавливается пропорционально более длинный. Дальнейшие очереди тоже назначаются в порядке размеров других участниц. Например, при наступлении молочного сезона самой богатой молочным скотом хозяйке назначается очередь в 20 дней, в течение которых три раза в день сносят ей свои удои остальные участницы артели. Дальше назначается, скажем для примера, срок в 18 дней следующей по зажиточности, к которой и носит свои удои вся артель. Следующие 12 дней назначаются третьей, 9 дней четвертой и, наконец, последние 5 дней—самой бедной.

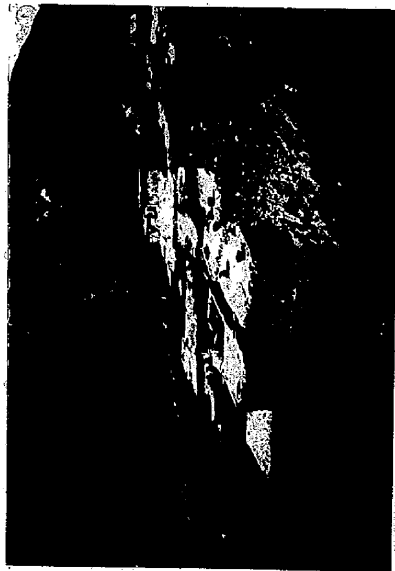
В последний день каждой очереди, называемой „*пешоз гардони*“ („возвращение пешоз“), когда вечером участницами принесено последнее молоко, кончающая получку хозяйка наделает всех своих товаров по одной деревянной чашке (называемой „кыльфи“) кислым молоком—„джюргот“.

Перетапливание ко-
ровьего ма-
сла.

Набранное свежее масло—„маска“, перетапливается, превращаясь в топленое, по *понедельникам и четвергам*, выбирая для этого, кроме того, обязательно еще счастливый час—„сот“ (ساعت), идеальным моментом для которого является *полнолуние*—четырнадцатый день лунного месяца. Но так как, кроме того, нужно соединить еще с этим понедельник или четверг, то срок перетопки масла может быть тогда соответственно перенесен на 15—18-й день лунного месяца, но только не на тринадцатое число—сугубо несчастливый и неблагоприятный день, называемый „*нас*“, когда вообще ничто не предпринимается.¹

Перетапливание масла—„*руганоу-хардан*“ (روغن آب کردن) это, видимо, древнее священнодействие. Еще и теперь посторонние не допускаются приближаться, т. к. масло „*пај* мешяча“—может испортиться от ступней („*пај*“) приближающегося. Даже своих домашних во время этого процесса не допускают ни выходить, если они находятся в доме, ни входить, если им случилось до того быть вне того помещения, где перетапливают.

¹ Словом „*насх*“ называется среди таджиков Бухары и Туркестана также несчастливый короткий период, входящий в семидневный период Оджуз (عجوز) (предшествует наступлению дня весеннего равноденствия, праздника весны—Науруза). Насх и народных верованиях таджиков представляется стариком, сварливым, делающим неприятности, мужем ведьмы старухи Оджуз (или Оджиз). Не трудно, по моему мнению, догадаться, что панджширский „*нас*“ и упомянутый широко известный среди таджиков „*насх*“ являются исковерканным из арабского نحس—несчастливый, злополучный, дурное предзнаменование.

Общий вид на сел. Завоб-Кур.

По выпотке масла хозяйка раздает остальным участникам артели „тыршяк“. Последний изготавливается тем, что сыворотка („дуз“), остающаяся от масла, кипятится в котле и к ней прибавляют муку. „Тыршяк“ едят поливая сверху маслом. Участники артели уносят каждая по чашке этого блюда к себе домой.¹

Охота тоже занимает свое место, хотя и не очень большое, в занятиях панджширцев. Весною охотятся на горных коз, называемых „оу“ (آهو) посредством облавы—„кымырга“. Состоит в том, что партия охотников, человек в двадцать, занимает ночью тропинки, которые ведут от водопоя, лежащего в глубине долины, на окрестные горы. Каждый охотник по уговору ждет на своем номере. Человек двадцать молодежи, преимущественно мальчишек спускаются вниз к водопое, к озеру, чтобы спугнуть оттуда дичь и погнать ее вверх на залегших в подходящих местах стрелков, цепь которых называется „банд“.

Охота.

Кроме этого охотятся еще на горных куронок („каук“) и на „чарда“. Последним словом, повидимому, называются горные индейки, называемые в Туркестане уларами (*Megaloperdix himalayensis tibetana*). Охотники за ними охотятся в одиночку, приманивая птиц соответствующим посвистыванием, подражая их звукам.

На лисиц охотятся зимою с гончими, пуская их по следу лисицы. Иногда забравшуюся в нору лисицу заставляют выходить окуриванием.

Любопытно, что аист, называемый в Панджшире кылянь-и сизо-боль (كلنگ سياه بال)—название „ляйляк“ или „лякляк“ не употребительно) не представляет собою запретной пищи и не чтится на южном склоне Гиндукуша, подобно тому, как это делается в Туркестане и Бухаре, где аистов не трогают. Гиндукуш, видимо, в средней своей части по крайней мере, является гранью для разницы в отношениях. На севере в Каттаган-Бадахшане, Мазар-и Шерифе и даже в прилегающем к Панджширу Андеррабе аистов не едят и не убивают. В Панджшире же, как и дальше в кабульском и жалабадском районах, его стреляют и едят с удовольствием.

Аистов стараются стрелять в особенности во время их пролета весною над Панджширом, когда они, летя с юга, вечером останавливаются на ночлег на скалах с тем, чтобы отдохнуть и лететь на утро дальше на север, перелетев через Гиндукуш. Осенью на обратном пути на юг они, однако, останавливаются редко и, обычно, не задерживаясь, пролетают, пропарив над хребтом и направляясь дальше к югу. Их остановка в передний путь, может быть, вызывается разреженностью воздуха и большим подъемом.

По словам панджширцев, они также убивают и едят двух других каких то птиц: кар¹—немного меньше аиста, белого оперенья, но с черными крыльями, и шо²—еще меньше кар¹, оперенье мутно-желтого цвета.

¹ „Тыршяк“—дословно „кисленький“: из ترشی и уменьшительной частицы „ак“.

V.

Рождение ребенка и сопровождающие его обычаи и верования. — Колыбель. — Имена мужские и женские.

Роды.

Как передавали мне панджширцы, роженица у них родит, сидя на корточках на земле. Другая женщина, чаще всего мать роженицы, держит ее сзади, поддерживая и сдвигая. При выходе ребенка, не допуская его падения на пол, принимает на свои руки другая женщина. Пуповина режется на три пальца. К отрезанному месту прикладывается вата, а также „зард чуба“, предварительно сваренная в масле и размельченная. Это считается смягчающим и предохраняющим от заболевания называемого „сазак“. После рождения торопятся дать новорожденному молока матери, так как, если запоздать и задержать, то ребенок становится от этого глупым.¹ Помимо молока ребенку через несколько дней (приблизительно через неделю) начинают давать коровье масло, что продолжается до одного года. Считается, что это „размягчает“ ребенка. Вместо масла иногда дается топленый жир.

Демоны — вредители при родах.

Роженица („зача“) не может готовить пищи в течение сорока дней, так как она считается в это время нечистой. Главная опасность при рождении и первое время по рождений ребенка—это предохранить ро-

¹ Среди таджиков Восточной Бухары и Туркестана существует очень распространенное верование, что демоническое существо женского пола, покрытое многочисленными грудями, старается накормить ребенка своей грудью раньше, чем это сделает его собственная мать. Ребенок становится тогда принадлежащим этому демону, находится в его власти и или умирает, или становится глупым, ненормальным. Обычно считается, что это делает подобная Диане Эфесской многогрудая Ал или Албасты, — „Матерь Ал“ (Модар-и Ал, Модар-и Ял, Модар-и Хол), как называют Албасты во многих местах Афганистана. Если ночью раздается внезапно резкий крик младенца, то это ясный признак, что в данный момент она пытается дать ему свою грудь. В Панджшире, однако, мне говорили, что считается, что кормит ребенка грудью особый джин.

женицу от пагубного действия разных демонических существ — „тарс-и бим“ (تارس و بيم), которые стараются ей вредить. Самое лучшее для этого средство — держать около нее святой коран. Хорошо также окуривать испандом — испанд-чист и от запаха его убегают нечистые духи.¹

Среди последних на первом месте стоит Олмасты. Она так и норовит, как бы украсть сердце и печень у роженицы.²

¹ Это растение, Regalium Narmala, как мне приходилось наблюдать до сих пор, играет большую роль в жизни населения Средней Азии как верное средство для отогнания злых духов, для ограждения от дурного глаза и т. п. Среди тюркских племен Восточного (Китайского), Русского и Афганского Туркестана это растение называется „исрык“ (ايسرىق), среди таджиков — испанд (ايسپند) или „лазор испанд“ (هزار اسپند), „сипанд“ (سيند); на афганском языке (пушту) его называют „спеляйна“ (سپيلنا), и „сипанд“, „спант“ соответствующее зендск. *sprenta*, санск. *savand* или арабск. *хармал*

(حرمل). В засушенном виде с соцветиями коробочками это растение, как можно думать, широко употребляется с глубокой старины для указанной выше цели. Его употребляют для отогнания злых духов в Туркестане, Хиве, Бухаре, Персии, в Афганистане и отчасти в Северной Индии. Главным образом его употребляют (в сухом виде) для курения, где дым его отгоняет демонов. На базарах Средней Азии часто можно встретить юродивого („дивона“) или просто бедняка, который ходит с небольшой жаровней в руках, где тлеют измельченные ветки и коробочки этого растения, обходя его встречающихся ему людей и приговаривая (обращаясь к духам): „выйдите из него! бросьтесь в гору! ударьте в дерево!“ и пр. Также окуривают заболевших, и не только людей, но иногда и животных. В Северной Индии испанд жгут на свадьбах против дурного глаза. Испанд широко повсеместно употребляется для окуривания при родах — как при самых родах, так и в течение сорока дней по рождении ребенка. В широком употреблении также амулеты, приготовляемые из зерен испанда, которые или вешаются в виде украшений в жилище помещеницы, или зашиваются в трипочку и привешиваются, как амулет, к одежде человека или на шею животного.

² Испорченная тюркизированная форма „Олмасты“ или даже „Холмасты“, как называется Албасты в Панджшире, является видимо, самым крайним пределом распространения на юг данной северной турецкой формы наименования этого демонического существа (из آل باسلى). Даже в Мазар-и шерифском районе это уже „модар-и хол“ или „модар-и Ял“ т. е. „Матерь Ал“. Также называется и в Кабуле, где, кроме того, встречается еще форма — „Модар-Балзо“ (مادر بال). Среди афганцев это демоническое существо называется Шийак. В некоторых местах Панджшира мне доводилось, однако, наталкиваться на верование, что Олмасты и „Модар-и Ол“ два разных существа. Первая — демон, вторая — ведьма, т. е. женщина, через нечистые действия при помощи дьявольской силы приобретшая волшебную силу (см. в тексте).

Дев—прикладывает свою руку („дака медат“) к лопаткам роженицы, отчего появляются черные пятна и она умирает.¹ Джин (женского пола в этом случае) кормит своей грудью ребенка, причиняя ему смерть или лишая его разума. Пары—подменяет ребенка, унося его к себе и выращивая. Оставленный же ею ребенок вскоре умирает.

После рождения ребенка посторонние для дома роженицы люди, у которых имеется при себе небольших размеров амулет, называемый **Ваманно** „то'виш“ (تعوذ) или больших размеров—„тумор“ (طومار) не входят в течение семи дней в этот дом, т. к. имеющиеся у них амулеты могут, лишиться силы („боз мешишад“—باز ميشود, т. е. „раскроются, развяжутся“) и человек может подвергнуться как раз тому, против чего до сих пор действовал его амулет. Такой дом с родившимся ребенком называется „зача-хона („дом роженицы“). Различные злые духи—оамосты, джины, пари, дев и пр. в это время скопляются вокруг роженицы, желая ей повредить, и могут нанести вред входящему. Точно также, говорили панджширцы, имеющему амулет вредно входить в течение трех дней в дом умершего.² т. к. в течение этого времени в доме умершего остается его тень.

Колыбель. В колыбель „гавора“ (گاوره) ребенка начинают класть после рождения спустя 10—15 дней, т. к., если продлить срок, то ребенок привыкает находиться около матери, протестует против колыбели, плачет и просится на руки.

Условия нахождения в колыбели, повидимому, таковы, что действуют деформирующе на череп, придавливая верхнюю часть затылка. Следы этого нахождения в колыбели настолько ясны на черепах панджширцев, что мне приходилось наблюдать, как афганцы при мне в разговоре, ощупывая головы своих собеседников панджширцев, и находя сразу приплюснутое пространство, со смехом говорили им, что они „гаворач“, т. е. подвергшиеся лежанию в колыбели—„гавора“. Панджширцы тоже вполне соглашались, что имеющаяся на их черепах упомянутая приплюснутость происходит от лежания в колыбели.

Имена, даваемые среди панджширцев, общетаджикского характера, т. е. состоят из смеси арабских и персидских слов. Вот несколько образчиков панджширских имен:

Имена мужские и женские. Мужские имена: 1) Махмат Гиль-Хон (محمد گل خان), 2) Махмат Умар (محمد عمر), 3) Мамад Назар (محمد نظر), 4) Шо-Мирзо (شاه ميرزا), 5) Шо-Навоз (شاه نواز), 6) Абдаль Вонд (عبدالواحد), 7) Нур-А'мат

¹ В одном месте Панджшира мне рассказывали, что до лопаток роженицы таким образом дотрагивается джин. Роженица от этого впадает в умственное расстройство, делается сумасшедшей.

² По другому варианту, слышанному мною в Панджшире, тень остается в доме четыре дня, когда она может вредить оставшимся в живых, причиняя им слепоту и пр. Через четыре дня она выходит из дома через дверь и исчезает.

(نور احمد), 8) Саид-Мирзо (سيد ميرزا), 9) Мад-Амон (محمد امن), 10) Сайф-ир Рахмон (سيو الرحمن), 11) Гуляб-Шо (گلآب شاه).

Женские имена: 1) Биби Райма (بيبي رحيمه), 2) Биби Мастура (بيبي مسوره), 3) Биби Гыль-Сум, 4) Биби-Джон (بيبي جان), 5) Хоным-Джон (لغا خانم), 6) Биби Со'дат (بيبي سعادت), 7) Ога-Хончм (اغا خانم), 8) Озода-Хонум (ازاده خانم), 9) Биби Аво (بيبي عوا), Биби Худайджа (بيبي خديجه), 11) Биби Заррин (بيبي زرین), 12) Биби Зебида (بيبي زبيده).

Панджширцы, как и другие таджики, при обращении друг к другу, в особенности когда не знают имени собеседника или не желают его назвать, употребляют слово „бродар“ (брат) или то же слово в форме „бидодар“.¹ В том же употреблении, с оттенком приблизительно нашего слова „товарищ“, применяется слово „андишол“.

¹ Как мне говорили некоторые панджширцы, слово „бродар“ употребляется, когда речь идет действительно о брате, для обозначения же представления „брат, земляк, друг“ употребляется слово „бидодар“. Другие панджширцы, с которыми я разговаривал, про- веряя значение этих слов, однако, это отрицали.

ных браков один совершается через „шиньгари“. ¹ Делается это б. ч. Шиньгари — побег де- так: юноша и девушка предварительно условиваются, в назначенный тупки или час она выходит из дома к ожидающему ее юноше и оба бегут в дом влюбленного, где спешно призванный мулла наспех совершает брачный влюбленной. Иногда убегающую парочку при побеге сопровождают несколько друзей юноши, вооруженные ружьями. В случае погони они ее задерживают, вступая в бой и давая возможность убежать влюбленным.

Обычно, раз девушка достигла дома умыкавшего ее юноши, погоня не пытается туда проникнуть и ограничивается криками, воплями, угрозами и бранью перед запертыми крепкими воротами или массивной дверью, ведущими во внутрь огражденного высокими глухими глинобитными или каменными стенами панджирского дома или „кал а“. Обычай к тому же требует, чтобы в доме, защищая девушку, все должны скорее умереть, чем допустить, чтобы ее отобрала погоня.

Через некоторое время — приблизительно дней через 15—40, смотря по ожесточенности родителей невесты, ² несколько наиболее уважаемых лиц в селении, называемые „афсакал“, ³ отправляются в дом отца девушки для выяснения его склонности к примирению. Это называется „дыль-пырси“ (دل پر سی): „разведать — как сердце?“. Пришедшие уговаривают отца девушки идти на мир. Сначала уговаривают добром, а, если не помогает, то с бранью и криками. В конце концов согласие дается.

После этого дня через два начинаются переговоры о „разме-
рах „пеш-каши“ (پیش کشی), называемого в данном случае „пас-каши“, (پاس کشی). Словом „пеш-каши“, буквально значущим —
„подносимое вперед“; обозначается вено, выдаваемое женихом отцу невесты перед свадьбой. Здесь же оно, естественно, обращается в „подносимое потом“ — „пас-каши“. Молодой, имея уже жену, не согла-

¹ Затрудняюсь определить образование слова „шиньгари“. Отдельно слово „шиньга“ встречается в Панджшире в смысле „часть, доля, участие“. Говоря, напр., о каком-нибудь деле или о совместной находке чего-нибудь, если один спрашивает другого: „ту шарик асти?“ („являешься ли ты участником?“), ответом на это может быть: „то як шинь шарик астум“ („участвую в одной доле“). Но здесь вряд ли имеется это слово.

² Если, по полученным сведениям, настроение в доме родителей невесты к убежавшей парочке очень недоброе, суровое, — ждут и дают возможность остыть огорченным и раздраженным сердцам; если отношение благоприятное — идут скорее.

³ Из тюркск. „афсакал“ (افساکال), „белобородый“. Афсакал — считается человек с седой, опытный, умный и красноречивый. В сел. Хиньдж, напр., состоящем из 150 домов, таких „афсакалов“ насчитывается всего пять человек. В Панджшире это скорее почетное прозвище, основывающееся в своем происхождении на установившейся репутации и не связанное ни с какими выборами или назначениями.

VI.

С в а д ь б а.

Девушки обыкновенно выходят замуж в возрасте 14—16 лет. Если кто перешел за шестнадцать и остался в девах, то получает название „хона монда“ (خانه ماند) — „оставшаяся дома“. Сверстницы при ссоре ее оскорбляют эпитетом „радди“ (ردی) — „отвергнутая“ или „радди-и хона-монда“. Ей остается выходить только или за старика или за какогонибудь калеку.

Обычный возраст женитьбы для юноши — 16—20 лет.

Перешедший за это и не женившийся тоже возбуждает насмешки женщин и девушек, дразнящих его названием „бидда“ — „импотент“, или „пирдук“ — „старый холостяк“. ¹ Жениться такой пропустивший свой срок мужчина может только или на вдове, или на некрасивой девушке, остающейся за флагом. Красивые девушки за него в Панджшире замуж не идут и ему недоступны.

Последнее объясняется следующим обстоятельством. Во-первых, видимо, незаинтересованностью панджирских девиц в материальном отношении и их предпочтением выйти замуж хотя бы за бедного, но молодого. „Ау руза джувони бисйор куб аст“ (دو روزه جوانی بسیار خوب است) — „хорошо короткое время молодости“, рассуждают панджширцы. ² Более умудренные жизнью родители были бы не прочь, конечно, отдать иногда свою дочь за богатого и пожилого человека, но здесь им приходится наталкиваться на противодействие самих девиц, пугающих их в таком случае устроить „шиньгари“ — убежать и обвенчаться с другим.

„Шиньгари“ — побег девицы (или даже замужней) в большом ходу в Панджшире и, по словам панджширцев, приблизительно на 15 обыч-

¹ Видимо, в обычном употреблении слово дук, взятое в отдельности, означает теперь вдова (но не вдовец). Следовательно, точное значение слова „пирдук“ будет „старая вдова“. Словом „дук“ называют также дымовое отверстие в крыше — „паузан“ (دوزن).

² Панджширцы с удивлением рассказывали мне, что в Кабуле часто можно встретить молодых красивых женщин замужем за стариками. — „У нас они ни за что не вышли бы, а если и вышли бы, то тотчас же сбегали бы“, говорили панджширцы.

шается на нормальные размеры вена и предлагает иногда тестю довольствоваться 30 рупиями — размер вена, официально установленного теперь в Афганистане настоящим эмиром Аман-Улла Ханом в борьбе с чрезвычайно разорительными размерами вена в народе (мера, остающаяся, конечно, пока в большинстве случаев без применения). Происходит торг и афсакал¹ приходится несколько раз ходить из дома в дом, уговаривая обе стороны. Наконец, получается обоюдное согласие. Отец девушки, говоря, что „ошо сар аз ман буд“ (سياهراژمن بود) — „несчастье выпало на мою долю“, принимает вено в уменьшенном размере, и, вслед за этим, устанавливаются нормальные отношения.

К побегу — „шиньгари“ прибегают не одни только девушки, но и ядовы, и разведенные. В селении Хиньдж есть одна женщина, которая уже пять раз устраивала такие побеги. Первый раз она убежала девушкой и вышла замуж. Через несколько времени муж, заметивший, что жена ему изменяет, дал ей развод. Она вернулась к родителям и из дома еще четыре раза убежала со своими возлюбленными, получая всякий раз развод из-за своей неверности, и возвращаясь обратно, пока не успокоилась теперь за пятым мужем. Общественное мнение, однако, довольно строго осуждает такое поведение, клеймя подобную женщину кличкой „гоу-и лятта-хой“ — „корова, жующая тряпки (белье)“. — Сколько ни бей, а пока не убьешь — от своей привычки не отстанет“, говорят панджширцы.²

Границы браков между родствами племяннице. В отношении степеней родства браки заключаются очень широко. Нельзя жениться только на родной сестре, родной тетке и родной племяннице. В остальных степенях родства брак разрешается.

Помолвка, называемая „кынголя“, обычно предшествует браку — „нико“ (نیکو) на несколько лет, в среднем на 3—4 года. Это находится в связи с возрастом девочки-подростка, будущей невесты, когда ее качества, как женщины уже начинают определяться и женихи стараются заручиться гарантией на брак с такой девушкой, которая представляет собою желательные качества. Но часто, однако, бывает, что „кынголя“ — помолвка имеет место только перед самой свадьбой. С другой стороны, бывает по каким-нибудь соображениям и очень ранние помолвки, когда жених имеет только 3—4 года, а невеста является одиголкой.

Помолвка — „кынголя“, иначе называемая „ном-зоти“ сопровождается *тум* (тюрк. *توی*) в доме невесты, т. е. пиришеством, угощением,

¹ Бывают даже случаи, где обе стороны, чтобы избежать обычных тяжелых расходов на свадьбу, по добровольному согласию устраивают сами побег и для соблюдения декорума в отношении соседей, разыгрывают потом комедию побега.

² Как в русском крестьянском быту, так и у таджиков считается, что если теленок или корова привыкает жевать попадающееся ей белье, тряпки, то отучить от этого нельзя никакими боями.

Группа жителей в сел. Талак.

размеры и содержание которого определяются зажиточностью его устраивающих. У бедных это ограничивается закланием одной или двух коз. Отец жениха дарит в этот день невесте одежду, состоящую из материи для рубахи—„кырта“, штанов—„тымбон“ и головного платка—„чодыр“. Материя подносится вместе с „чалпак“—большими тонкими хлебными лепешками, имеющими некоторое ритуальное значение.¹ Чалпаки передаются завернутыми в подносимую материю. Собравшиеся женщины и девушки съедают принесенные чалпаки и тут же кроят и шьют костюм для невесты из принесенной материи. Собравшиеся гости съедают угощение, приготовленное из мяса животных, присланных для этого отцом жениха в дом невесты, где происходит угощение и после еды читается коротенькая молитва—„фотихо“ (a-zis), в которой упоминается о даровании благополучия. Принятие поднесенной одежды и зарезание и пролитие крови животных, присланных женихом, являются актом, обязывающим невесту и ее родителей соблюдать обещание выхода замуж за данного человека. Помолвленные с этого момента называются в отношении друг друга: юноша—кынгола, девушка—кынгол. Самая помолвка называется также иногда кынголаги.

Помолвленный юноша посещает дом невесты и иногда помогает своей теще—„хысыр“ (теща—„хышь-доман“) в случае надобности в домашних работах. Он часто остается ночевать в доме невесты и, оставаясь с невестой при случае с глазу на глаз, позволяет себе некоторые вольности, не переходя, однако, за известные пределы. Это называется „кынгол-бози“. Сдерживающим элементом является девушка, сохранение целомудрия которой до свадьбы является самым существенным обстоятельством для спокойствия ее дальнейшей жизни. Дело в том, что в первую брачную ночь на ложе стелется белый платок девушки, который выносятся на утро и показывается соседкам для специального угощения по этому поводу. Это называется „сар-тахти“.

Девушка, которая не оказалась невинной, называется „ба-дыхтыраки“ („недевушка“) и обречена на всю свою жизнь на попреки от времени до времени окружающих по этому поводу. Как и в старорусском быту, если молодые преступили запретную черту и сожительство имело место до брака, то в брачную ночь, чтобы скрыть следы и избежать позора, прибегают к уловкам (запасенная заранее кровь животного ается на платок и пр).²

Отношения
помолвленных

Доказательство
невинности
девушки в
брачную
ночь.

¹ О чалпаках см. дальше в упоминании на стр. 54 и (о мазарах).

² В одном случае девушка, желая скрыть следы своего поведения до брака (не с мужем) неосторожно налила на платок темнокрасного масла. Первый момент это было удачно, но потом, когда стали замывать платок, выяснилось, что это было масло. С тех пор несчастная на всю жизнь была обречена на кличку „тель-дыхтыраки“—„масляная невинность“.

Вено. Вопрос о том, как справить свадьбу—самое серьезное дело. Главный озабочивающий пункт—вено. Специально приглашенные аскалы ходят из дома отца жениха в дом отца невесты, шепчутся с последним, торгуются, уговаривают, чтобы он уменьшал свои требования. С отцом жениха, старающимся уменьшить размеры вена, переговоры ведутся об его увеличении. Это хождение аскалов и определение вена называется „пешь-каши бури“, т.-е. „установление (букв. „отрезание“) вена“. Нормальные средние размеры вена в Панджпире следующие:

- Размеры вена.**
- 20 голов мелкого скота (овцы, козы).
 - 2 штуки рогатого скота (коровы или быки).
 - 1 харвар зерна (4 сера кукурузы и 4 сера пшеницы).
 - 10 серов муки.
 - 1 лошадь или 100 рупий наличными деньгами.
 - 2 ружья.

8—10 отрезков материй, обычно хлопчатобумажной. Каждый отрез состоит из 5 газдов и хватает на платье.

Если сватающийся не из своего или даже не из окрестных селений, а издалека и невеста таким образом уезжает далеко, то размеры вена увеличиваются вдвое.¹

Доставка вена. Вено переносится в дом невесты во вторник или четверг—счастливые дни. Обставляется это довольно торжественно. Утром в назначенный день в дом жениха приходит двое представителей отца невесты—„вакиль-и дыхтардор“, с палками в руках. Собираются также и местные жители. Двое вакилей бракуют тощих или небольших животных, которых им подводят, требуют, стуча палками, замены их хорошими. Со стороны жениха просят о нисхождении, для умиловливания вакилей преподносят им небольшие подарки. Все это сопровождается криками, шумом. Наконец, скот выбран, все улажено. Присутствующие садятся за угощение, состоящее из плова или похлебки с мясом. После короткой молитвы все готовится к выступлению. Из дома жениха производится два выстрела, чтобы известить, что поезд трогается. Впереди гонят

¹ Определение размеров вена ведет часто к большим недоразумениям. В одном случае в сел. Дашт-и Ривак подрастающая девушка, которая была просватана за одного своего дальнего родственника, оказалась замечательной красоты. За нее начали свататься другие. Отец невесты, получивший уже вено, потребовал его увеличения, указывая на действительную необычайную красоту дочери. Он требовал, чтобы жених его или уплатил то, что он просит, или же отказался от невесты. Сильно обиженный юноша, не отказываясь от невесты, отправился на заработки в Кабул и в настоящее время уже 11 лет, как живет, служа в Кабуле и копя деньги. Два раза уже отец невесты приходил из гор уговаривать его вернуться и жениться, отказываясь от лишнего вена, но он не соглашается и хочет проработать еще, чтобы скопить ту сумму, о которой был разговор при повышении вена.

скот, сзади которого идут мужчины. Замыкая шествие следуют женщины, неся материю. При приближении к дому невесты дают снова два предупредительных выстрела. Услыхав их из дома невесты выходят женщины и бросают на входящую в ворота скотину заранее заготовленное печенье, называемое „руган-джуши“ (روغن جوشی).¹ Ребятишки и взрослые со всех сторон кидаются поднимать его с земли и происходит большая суматоха. Это называется „шакар-риз партови“—„разбрасывание сахара“ и считается имеющим большое внутреннее значение в смысле приветствия пригоняемому скоту и приносимой одежде. Пришедшим предлагается угощение—плов или мясная похлебка, поев которое они уходят.

Как только вено прибыло в дом невесты, собравшиеся там девушки и женщины принимаются шить невесте платье из принесенной материи. Это называется „джома-бури“ („кройка одежды“). Участницам предлагается угощение. Приготовление одежды сопровождается смехом шутками, но песен при этом не поют.

Если вено отнесено во вторник, то через день, в четверг, назначается свадьба—„туй“. Если же вено отправлено в четверг, то свадьбу справляют через четыре дня, т.-е. во вторник.

Свадьбы устраивают большею частью осенью, меньше—зимой. Весною и летом свадеб не бывает. Объясняется это тем, что весною и летом люди бывают заняты сельско-хозяйственными работами, от которых освобождаются во второй половине осени и, кроме того, тем, что осень—период наибольшего благополучия и скопления различных запасов.

Накануне перед свадьбой устраивается пред наступлением вечера бритье головы жениха, отдающего после того свои старые одежды цирюльнику („даалджок“) и одеваемому во все новое.² С этого момента он „шио-мард“—„жених“. Вечером в его доме устраивается „байт-гуи хона“—состязание в стихах. Народ прибывает на таковое по приглашению посланного, которому поручено срывать окрестных жителей. Собравшиеся разделяются на две партии, а, если народу много, то и на три и приступают к пению различных песен, каждая партия выступая по очереди. Сначала поются песни, называемые „маком“ (ماقم)—протяжные мелодии, распеваемые заунывно. Их сменяют потом „байт“³

Шитье
платья не-
весты.

Время
свадеб.

Бритье го-
ловы перед
свадьбой.

¹ Делается из кусков теста, жареных в масле.

² Кроме бритья головы цирюльником жених в одиночестве сам сбривает себе бритвой волосы около полового органа.

³ Словом „байт-бози“ (بیت بازی) в Средней Азии называются также состязания на быстрое нахождение какого-нибудь стиха—или из известных произведений других поэтов, или импровизируемого самим состязующимися, но при условии, чтобы начальная буква стиха была бы та же, которой закончилось предыдущее стихотворение, только что декламировавшееся пред этим другим. Эта игра

—стихи, поющиеся с быстрым, плясовым темпом. То и другое сопровождается аккомпаниментом бубна с той только разницей, что при макоме он чуть слышен, при байте же звучит громко. Байт сопровождается аккомпанирующим ритмичным хлопанием в ладоши присутствующих („карс“). Выходит танцор и танцует под эти звуки, сменяемый потом другим. После этого присутствующие, певьем, а некоторые и возбужденные, кроме того, выкуренным „чарс“ (известн. наркотиком), приступают к состязанию в импровизации. Оно заключается в том, что выступающие поэты поют экспромтом стихи, часто высмеивающие противника, который должен ответить в рифму и поразить еще, кроме того, выступавшего метким словом. Эти стихотворные выступления называются „капра“. Наиболее отличившимся выдается большая денежная награда. Подобное же времяпровождение повторяется еще в доме жениха в тот вечер, когда привозят в дом невесту, при чем пенье и веселье продолжают всю ночь.

Состязание в стихах.

Если предстоящая свадьба справляется богатыми людьми, то накануне дня свадьбы глашатай—„джодшара“, посланный со стороны жениха, обходит окрестные селения и, проходя по улицам, кричит, что завтра свадьба у такого-то с такой-то (называются имена), приглашая таким образом со стороны жениха окрестных жителей прийти на свадьбу. Если женятся бедные люди, то „джодшара“ ходит только в утро свадьбы по своему селению. Со стороны невесты тоже ходит другой „джодшара“, приглашающий родственников и соседей, но собирает значительно меньше народа. Приглашенные посланным невесты (только ее родственники и ближайшие соседи) собираются к ней в дом, собираемые посланным жениха, т. е. большинство—приходят в дом жениха.

Приглашение на свадьбу.

Гости в дом жениха начинают собираться рано—на восходе солнца. Но еще раньше, чем соберутся обычные приглашенные, еще на рассвете приходят ближайшие друзья и родственники жениха, вооруженные

Приход гостей на свадьбу.

очень распространена среди учащейся молодежи. В собравшемся кружке участников тот, кому пришлось произносить стихотворение (обычно очень короткое—2—4 строфы), кончая его, должен неожиданно указать на кого-нибудь из присутствующих и тот, не делая ни момента промедления, должен начать читать свое, начинающееся, как сказано, той самой буквой, которой закончил противник. Эта игра—состязание довольно распространена как в Средней Азии, так и в Афганистане и среди мусульман Индии. На севере Индии существуют даже специальные печатные издания для подготовки к подобным состязаниям, где приведены образчики стихотворений, начинающихся на различные буквы алфавита. Среди равнинных таджиков Туркестана, знакомых с местн. турецким наречием, как напр., в Самарканде и Ходженте, при этих состязаниях даже не обязательно, чтобы язык стихотворений был обязательно персидский (на наречии которого они говорят) и иногда тем или другим желающим, как мною наблюдалось, вставляются при этом и турецкие стихотворения.

кремневыми ружьями и начинают пальбу („тырамбаст мекунан“), что служит вместе с возгласами глашатай оповещением для населения о начинающемся справлении свадьбы. Мужчины приходят с ружьями. Женщины, с открытыми лицами (в Панджшире не закрываются), тоже появляются, но приходят отдельно от мужчин и держатся в стороне от них, большею частью сидя на крыше и смотря на зрелище. Мужчины приходят разряженные в свои лучшие одежды, тщательно прибрегаемые для подобного случая. Среди сиюль (так называется преобладающее главное сословие, своего рода аристократия долины) в особенности является вопросом чести не отстать в подобных случаях от других. Старание наряжаться на женщин не распространяется и те просто надевают только более чистые одежды. Родственники, являясь в дом, приносят „шакар-риз“—небольшое подношение из каких-нибудь хозяйственных запасов: немного муки, талкана или пшеницы или, наконец, просто немного денег (приблизительно от 1/2 до 3 рупий), если нет другого.

После того, как народ собрался, устраиваются развлечения. Мужчины делятся на две партии и принимаются палить по очереди залпами, что называется „чилиик“. Это делается по команде: 1) „таюр“—„готовься!“ Все берут ружья в положение для стрельбы, 2) „баль“—звонят курки у ружей и 3) „ур“—производится выстрел. Эта пальба производящаяся холостыми зарядами, при чем стараются набивать побольше пороха, чтобы выстрел был громче, продолжается обычно до полудня. Иногда, кроме того, здесь же, в доме жениха, устраиваются и другие развлечения, обычно имеющие место после того, как поезд жениха прибыл в дом невесты. Главное место среди них—„биз-кши“ (بزکشی)—известная в Средней Азии конная игра с козлом. Обычно эту игру устраивают, сопровождая поезд жениха и продолжают около дома невесты (если местность там не позволяет, то разваскаются сначала около дома жениха). Кроме того, устраивается стрельба в цель. Мишенью и призом служат живая курица, привязанная на некотором расстоянии за ногу к колышку. Застреливший ее берет себе. Точно также стреляют по козенку, привязанному, конечно, где-нибудь подальше, чаще на окрестных скалах.

Свадебные развлечения.

¹ Эти термины занесены таджиками, служившими в афганской армии: „баль“ (афг. بل) — „зажигательный“ (вероятно, первоначально относилось к зажиганию фитиля ружья); „ур“ (афг. ازر) — „огонь“ (соотв. англ. команде — „fire“, фран. „feu“).

² Повидимому, Панджшир является одним из южных пределов распространения этой игры, столь популярной в Средней Азии. Как мне говорили, она очень распространена в Хазараджате, где без нее не обходится ни одна свадьба, а также встречается в долине Горбенда, но на кабульской равнине уже не встречается хотя, как мне передавали, ее можно видеть в Кандагаре и в некоторых горных местностях на юге, напр., в Логаре.

Около полудня гостям в доме жениха предлагается угощение — „нон-и туй“,¹ состоящее из „шур-тома“ — вареного мяса и кашцеобразной похлебки, в которую прибавлен рис. Она все же настолько жидкая, что ее хлеблют ложками. Это блюдо иногда заменяется пловом. Во время еды жених, одетый во все новое и называемый, как и в старой русской свадьбе „князем“ — „шо“ (شاه) ест, занимая центральное место среди гостей, окруженный кучкой наиболее почетных гостей, имеваемых „афсакло“ (аксакалы), которых угощают более изысканными блюдами, чем остальных — напр. „молида“,² „руган-джуши“ и др.

Свадебный
поезд.

Поезд жениха трогается за невестой около 4—5 час. вечера, но если дом невесты далек, то соответственно раньше. За женихом, едущим верхом, движется его свита — „шо-чолло“. Движение в этот и обратный путь не сопровождается пением песен, как это делается в некоторых других местах,³ но зато, как сказано, поезжане забавляются игрой с козлом („быз-каши“). Самое шествие совершается в следующем порядке. Впереди жениха идет местный дируальник — „даллджок“, который, вместе с тем является для обслуживаемых им жителей и певцом и музыкантом, сое-

¹ Слово „нон“ (نون) обозначает в Афганистане не только просто хлеб, называемый иногда для ясности „нон-и хушк“ („сухой хлеб“), но и пищу, обед, угощение вообще.

Так как приготовление и угощение приготовленной на свадьбе пищи требует большого количества посуды, то для этого собирают в зажиточных домах селения большие чугунные котлы для варки пищи (привозятся из России и называются „диг-и руси“ — „русский котел“). Ложки, нужные для угощения собираются предварительно по всему селению вместе с деревянными чашками. Расходясь по домам каждый находит свою ложку и чашку и уносит с собою домой. Точно также, как чашки и ложки, только накануне, собирается по домам селения топливо, необходимое для варки пищи.

² „Молида“ — измельченный хлеб, политый сверху раскаленным до красна коровьим маслом и размятый затем руками до превращения в пюре. Очень любимое и считающееся очень лакомым блюдом, распространенное широко среди горных таджиков как Русского Туркестана, так и Восточной Бухары.

„Руган-джуши“ (روغن جوشی), о чем упоминалось раньше, — кусочки теста, для получения узора, прижимаемые к сити и варящиеся на подобие вафель в кипящем масле.

³ В соседнем с Панджширом Андарабе, напр., поезжане, увозя невесту, поют:

„Лашкар-и шо омади — шо муборак бод-эй!“
„Нисф-и шяу чал вод-эй, дам руз оубод-эй!“
„Шо муборак бод-эй, амчу болю бод-эй!“
„Орус мо мибарим-хала шумо мешаи“.

„Подходит войско князя — да благословен князь!“

„В полночь — сойте, на рассвете — обмывание“.

„Да будет благословен князь, да вознесется высоко!“

„Невесту мы увозим — стыдно вам“.

дния в себе эти, казалось бы, очень разные профессии.¹ В данном случае он ударяет в бубен. Пред ним идут 8—10 человек пеших, стреляющих из ружей, заряжаемых ими на ходу. Несмотря на отсутствие при этом холодного оружия это называется, видимо, старым именем — „шамшир-боз“ („игра мечами“). За „князем“, следуя непосредственно за его конной свитой, тянутся все поезжане — „войско князя“ („лашкар-и шо“). Женщины в тех домах, мимо которых проходит процессия, заслышав выстрелы, взбираются на крыши своих домов и оттуда бросают в поезжан заготовленными заранее „руган-джуши“, орехами и „озык“ — небольшими приниками из теста, жареного на масле. Это считается „свиоб“ (سوب), т. е. богоугодным делом. Брошенное угощение оживленно подбирается кидяущимися его собирать ребятишками.

Подъехав к дому поезд останавливается. Жених, слезши с лошади, не входит в дом, а остается снаружи, сидя посреди собравшихся в „марак“ (собрание) поезжан. Производится снова пальба залпами — „шилик“. Иногда, кроме того, развлекаются танцем с ножом, называемым „корд-бози“ (کاردبازی), состоящим в том, что одинокий танцор держит в одной руке нож, а в другой ножны, производя при этом различные движения в ритм музыки.²

Заплетение
косы невесты.

Невеста с утра в день свадьбы моет себе голову, после чего ее девичьи волосы, носившиеся до этого в две косы, с привязанными к ним подвесками — „муй бандак“ заплетаются в одну. Характерным признаком невесты является также то, что она спускает себе по обе стороны с висков по локону „зульф“, которые остаются потом на месяц или на два в первое время по ее замужестве. Руки по запястьям покрываются генной („хына“). Как только оделась, она садится в особый угол помещения, отделенный занавесью („тахт“). Там она находится, окруженная девушками.

Последнее обращение относится к родным невесты (от которых, считается, ее отбили, увозят), которые не смогли ее отстоять.

¹ Бритье головы мужчинами в Панджшире производится приблизительно раз в месяц или еще раньше и ремесло дируальника имеет потому там известное значение. Дируальник, „даллджок“, обычно наследует своему отцу и это занятие, таким образом, является до некоторой степени наследственным. Часто дируальник обслуживает несколько соседних селений. В сел. Хиньдж, напр., для бритья головы приходят двое дируальников, живущих в сел. Новот, при чем их ждет здесь каждый раз около 300 голов. С этой работой вдвоем они справляются в 2—3 дня. Вознаграждение им, годовое, уплачивается раз в год по сборе урожая и в разных селениях разнится. В сел. Хиньдж, напр., они получают по 1 серу зерна, в Пеш-Гур же по 2 сера.

² Как мне говорили панджширцы, производимая стрельба также является аккомпаниментом к музыке.

**Брачный
обряд.**

Прибывшим поезжанам и жениху предлагается угощение, после которого приступают к совершению брачного обряда—„*нико*“ (نكاح). Последний совершается казимем или, в случае отсутствия его, имамом и происходит там, где находится жених, т. е. перед домом, вне его. Один ближайший родственник, обычно дядя невесты, является ее представителем—„*вакиль*“ (وكيل), выбранным ею. Это удостоверяется проверочной посылкой к невесте, продолжающей сидеть в своем углу, двух свидетелей (شاهد), которые спрашивают у девушки, кого она выбрала.

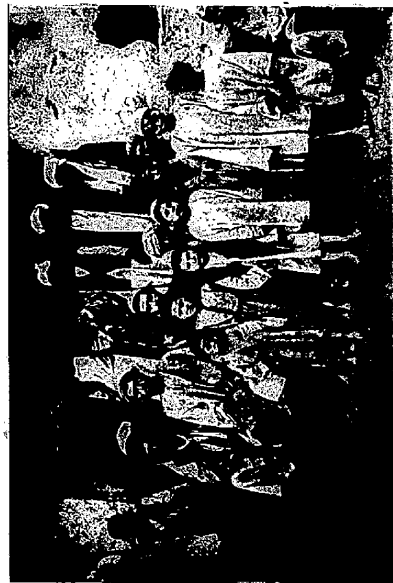
На развернутом платке пред совершающим брак ставится чашка с водою, которая сверху закрывается хлебной лепешкой (обычная форма хлеба). По совершении обряда, совершавший его забирает хлеб и платок себе. В начале обряда им читается молитва, называемая „*хитба*“ (خطبة), во время которой он три раза дует („*чуф*“) на воду. Когда приходит очередь вакилю отвечать на вопрос—„*ту доди, аз уаколят баромади?*“, т. е.—„*ты отдал девушку и покончил с представительством?*“—вакил отмахивается, хотя вопрос предлагается ему три раза. Только после того, как ему сделано подношение, состоящее из чалмы и куска материи на халат, он отвечает троекратным согласием: „*быкостим ва кабудашь кардим*“—„*я пожелал и на него (на жениха) согласился*“. Пред этим протягивается платок, за один угол которого при произнесении этих слов держится жених, а другой берет и держит вакиль. После этого жених отпивает три отдельных глотка воды из стоящей перед ним чашки. Два свидетеля затем относят чашку невесте, которая тоже отпивает из нее три раза.

**Увод
невесты.**

По заключении брачного обряда приступают к выводу невесты. Когда за ней приходят, чтобы ее вести, она отказывается встать, пока ее отец не удовлетворит ее, подарив ей какую-нибудь скотину или вещь из полученного за нее вена. Только после этого, скрытая под покрывалом, она выводится из дома, при чем за правую руку повыше локтя ее держит отец жениха, а за левую, таким же образом, ее собственный отец. Молодую сажают на лошадь, которую ведет за повод отец жениха. Отец девушки, усадив дочь, тотчас возвращается к себе, т. к., если он замешкается, то раздаются насмешливые аплодисменты и взрывы хохота. Считается, что невеста уже взята, отнята, с этим делом уже покончено и что теперь можно посмеяться уже над теми, кто ее выпустил и кому до этого приходилось кланяться и у кого заискивали.²

¹ В Туркестане и Бухаре произносится „*суф*!“ Этот возглас, сопровождаемый выдыханием воздуха, обычно заканчивает какую-нибудь заклинательную молитву, заговор и т. п. Иногда прибавляется еще слово „*куф*!“ („*Куф!.. суф!..*“). Употребляется с глаголом كرفن.

² В соседнем Андерабе эта черта, связанная, вероятно, с остатками древнего свадебного обряда, имитировавшего перичное

Группа в сел. Бозорик.

На обратном пути порядок поезда следующий. Впереди идут пешие, за ними следуют конные, за которыми едет невеста. За ней непосредственно следом едет жених, около которого толпятся ребяташки, требуя гостинцев—„руган-джуши“. При подходе к дому жениха они толпятся около невесты—теперь откупаться должна она. Пения во время движения поезда у пайджирицев, как сказано, нет и только играет сурнай (кларнет) под аккомпанимент бубна.

Обычно молодые вместе с посезжанами на пути к дому жениха заезжают на местный мазар, где произносят короткую молитву.¹

Когда поезд прибыл к дому, снова повторяется отказ невесты трогаться с места до получения подарка. Несмотря на упрасивания встречающей свекрови невеста не слезает с лошади до того, как ей не подарят 3—4 тутовых дерева в ее собственность или напр., большой котел. Вводят ее в дом, держа, как и раньше, за руки и направляя (за своим покрывалом невеста почти ничего не видит), отец и мать жениха. Никакого зажигания огня перед домом, как это бывает в некоторых других таджикских странах, при этом не наблюдается, как равно нет и произнесения невестой „салам“ (السلام عليكم), обращаясь к дому или к домашнему очагу. Невеста произносит это приветствие в момент, когда она переступает правой ногой порог (при оставлении своего дома, уходя она переступает через его порог левой), но может считаться, что это приветствие обращено к корану, который держат в этот момент над ее головой, или к присутствующим в доме. Остальные входящие, тоже как обычно, входя в дом, произносят салам.

Невесту усаживают в углу помещения за занавесью. Из свих домашних женщин ее никто не сопровождает. Исключение в этом отношении бывает только, если ее везут далеко,—напр. дня 2—3 пути. За занавес к девушке набираются женщины. За честь приподнять покрывало невесты и посмотреть на ее лицо женщины, по крайней мере обязательно первые семь, платят дарами. Дороже всего (3—4 рупии деньгами), платит первая—свекровь. Последние отделяются бусами, дешевыми кольцами, а после семи дарят невесте только желающие.

После того, как невесту привезли в дом, посезжане садятся в круг и все аккомпанируют ритмическими ударами в ладоши песне, которую обычно поет даллджок под аккомпанимент бубна. После того, как прошло некоторое время, огонь внезапно тушат и это служит сигналом к шалостям и суматохе, начинающейся в темноте. Некоторые раздают нау-

Прибытие невесты.

Осмотр прибывшей невесты женщинами.

Развлекание мужчин

умывание невесты, сказывается еще яснее. Там, после того, как голова поезда о невестой отошла, остающиеся дома родственники невесты принимаются колотить арриергард поезда, состоящий из конных и бросать в них камнями. Отбежав на некоторое расстояние, последние платят хохотом, насмешливыми аплодисментами, а также словами, песни поющей в это время (см. примеч. ² на стр. 46).

¹ См. подробнее на стр. 56 при описании мазара.

дачу своим соседям пишки ногою („шяллох“), другие стараются схватить и сдернуть у подвертывающихся под руку чалмы или халаты. Происходит большая кутерьма. Когда снова зажигают огонь, то выясняют, что случилось, ищут запрятанные вещи, иногда даже крадущиеся при этом. Этот обычай называется „чирог-кышах“ („тушение огня“). Он продлевается только между мужчинами. В числе прочих развлечений иногда устраивается, как сказано раньше, и „байт-бози“ (состязание в стихах).

Приход к
невесте же-
нщин.

Вечером в день прибытия невесты в дом, женщины продолжают сидеть в ее помещении около нее до хуфтана (пятый намаз—около 9 часов вечера) после чего с ней остается только свекровь, а потом подходит молодой. У невесты находятся в большом кармане захваченные из дома разные сласти, ядра грецких орехов и пр. Это называется „джибаки“ (от جيب—карман). Невеста открывает лицо. Женщины протягивают свою руку в карман невесты и пробуют угощение, которое потом вынимается невестой и поедается втроем. Мать затем выходит и молодые остаются одни. В помещении, где они ночуют, никто другой не остается.

Доказатель-
ство невин-
ности не-
весты.

Утром на рассвете первым встает молодой, а, вслед за ним, поднимается молодая. За ворота своего нового дома она выходит только через семь дней. К тому времени, как молодая должна встать, в дом приходят несколько соседей, приглашенных на угощение. Как только невестка вышла из своего угла, свекровь входит туда, берет белый головной платок невесты, который она стелет под себя на свое брачное ложе и показывает его, как доказательство невинности невесты, по крайней мере, трем собравшимся соседкам-свидетельницам. Не показать—значит с невестой что-нибудь неладно (см. также упоминание раньше на стр. 41).

Первое по-
сещение
молодыми
родителей
женны.

До истечения семи дней помещением невесты является угол за занавеской, откуда она может при желании выходить. По прошествии семи дней свекровь печет хлебные лепешки, называемые „нон-и оруси“—„хлеб невесты“, в ознаменование того, что невеста вышла из своего затворничества и смешалась с прочими женщинами дома в их обычной жизни („ка занак шийшта“—„села с женщинами“).¹ Хлебы эти выносятся и раздаются подходящим соседям, сзываемым обычным криком при раздаче ритуальной пищи: „сар-и-нон-и худоjo!“... (на пищу божаю!“...).

С этого момента девушка считается женщиной и вступает в исполнение своих домашних обязанностей.

Первые семь
дней моло-
дой в доме
мужа.

Своих родителей молодая навещает вместе с мужем приблизительно не через месяц после свадьбы. Это посещение называется „шо-салом“

(„шо-салом“, приветствие жениха“). С молодой идут несколько женщин, и свекровь, сопровождая ее. Несут хлеб и мясо. Если есть что-нибудь, оставшееся недоданным от вена, то это тоже доставляется в этот момент. Принесенная пища естся в доме тестя и раздается соседям, называясь „шо-салом“.

¹ Ка соотв. перс.-тадж. كنى—с, со.

VII.

Похороны.

Капание
воды в рот
умираю-
щего.

Выход
души.

Обмывание
покойника.

Рытье мо-
гины.

Когда человек умирает, то в момент расставания души с телом, что знаменуется предсмертным хрипением, в рот умирающего пускаются три капли воды, которые называются „тушя-и охира“ — „путевой запас в вечность“. Дьявол в это время, присутствуя при кончине человека, старается уговорить его, если он человек грешный, чтобы он испустил свой дух в труп какого-нибудь нечистого животного — в дохлую собаку, например, и грешник умирает в продолжительных мучениях. Когда же приходится умирать хорошему человеку, ведущему праведную жизнь, то к нему является ангел и протягивает ему прекрасное райское яблоко. Душа тянется к яблоку и безболезненно выходит из тела. Ее берет ангел, отводящий ее в рай („джаннат“). Душа выходит из тела через рот в виде голубя, но видеть ее выход никто не может — она невидима. Душа — тень остается в доме покойника в течение трех (вариант — четырех) дней, после чего исчезает.

Когда человек умер, что узнают по прекращению биения сердца и потому что тело холодеет, то первым делом покойнику закрывают глаза и подвязывают платком нижнюю челюсть. При этом читается короткая молитва: „Худо биюмыраадат, джаннат насибат кына!“ — „да простит тебе господь и да даст тебе в удел рай!“.

В то время, как тело покойника обмывают (специальных обмывателей — „мурда-шуй“, в Панджшире не имеется и обмывают обычно ближайшие соседи: мужчину — мужчины, женщину — женщины), другие, в это время отпавляются конать могилу — „карб“, как обычно исковерканно называют могилу панджширцы вместо араб. „кабр“ (قبر). Могилка роется в продольном направлении с севера, где помещается голова покойника, на юг, куда направлены его ноги. Тело кладется на спину, но самая голова обязательно поворачивается лицом к Мекке. Могилка роется глубиной по грудь покойнику (линия груди считается — по соски), при чем для женщины она роется приблизительно на четверть арш. выше по сравнению с тем, что для мужчины, т. е. на 1/4 арш. выше груди покойницы (высота считается по росту покойника, если бы покойник стоял в могиле). Стены могилы роются отвесно и боковой впадины (جذ) не делают.

Покойника, как повсюду у мусульман, стараются похоронить поскорее. Если умер утром — хоронят в тот же день вечером, если вечером

на следующий день утром. Похороны распоряжаются ближайшие соседи, которые принимают на себя все хлопоты, облегчая горе домашних, потерявших члена своей семьи. Они дают знать о смерти в окрестности, чтобы и более отдаленные соседи могли бы прийти на „джаноза“ (جنازه) — панихиду. В продолжение четырех дней они же доставляют пищу в дом покойника для проживающей там его семьи. В доме покойника огонь в это время не разводится.

По обмывии тела покойника завертывают в саван — „кафан“.¹ Последний делается из белой бумажной материи местного производства, род бязи, называемой „карбос“ (کرباسی), или из привозного каленкора — „сон“. На саван для мужчины идет 13—14 газ, т. е. около 15 метров карбоса или 11 газ сона. Для женщины идет несколько больше: 16 газ карбоса или 13 газ сона. На детей идет соответственно меньше. Покойника закрывают саваном целиком, обвертывая даже лицо. Последнее открывают только в могиле, поворачивая к Каабе (к Мекке), а затем, повернув, прикрывают снова саваном.

Завернув покойника в саван, что, как обмывание происходит, для того, чтобы не видели посторонние, за протянутой для этого занавесью, покойника кладут на специальные похоронные носилки „тобут“ (توبت). По вынесении тела покойника из дома носилки с телом ставят на землю и совершают „джаноза“ — панихиду. По ее завершении из дома покойника в зависимости от достатка, раздают собравшемуся народу, главным образом муллам, деньги, заменяя их иногда солью (привозится в Панджшир из окрестностей Талихана).

Официального опрашивания народа — хорош ли покойник, как равно и принятия кем-либо на себя за вознаграждение его грехов, как это делается в некоторых местах, в Панджшире не существует. По окончании джанозы носилки с покойником поднимают и несут на кладбище, по дороге меняясь и уступая друг другу очередь нести. Нести покойника, как и вообще принимать участие в похоронах, считается богоугодным делом („савоб“ — نواب).

Опустив тело в могилу, произносят короткую молитву. Двое, спустившись в могилу расправляют тело покойника и, как сказано, поворачивают его лицо к Мекке. Сверху могилу закрывают большими плоскими камнями, заменяющими доски, чтобы предохранить тело от непосредственного засыпания землей, оставив под покрывной пустое пространство. Прежде, чем закрыть могилу, каждый из присутствующих берет горсть небольших камней, читает над ними короткую молитву, дуэт на них и опускает камешки в могилу так, чтобы они прилипли около правой стороны лица покойника. Это считается „савоб“ (богоугод-

¹ Глиняная большая чашка и два глиняных кувшина, употреблявшиеся для обмывания, выбрасываются и разбиваются.

Саван.

Джаноза.

Опускание
в могилу.

ное дело), но объяснить основной мотив этого действия панджширцы не могли. Могила после этого наглухо закрывается плоскими камнями и поверх них засыпается землей посредством лопаты.

Форма мо-
гильной на-
сыпи.

Намогильная насыпь первоначально делается продолговатой. —, в виде спинны рыбы". Только потом, чтобы она не разваливалась, ее окружают невысокой обоймой из камней с четырех сторон и она принимает вид небольшой вытянутой площадки. В изголовьи намогильной насыпи, как равно и в ногах, ставят вертикально по большому камню. Никаких па-лок, если только это не мазар, над обыкновенной могилой не ставят, как не делают и нищ.

По засыпании могилы читают молитву, после чего хоронившие Поминалки возвращаются в дом покойника, где им предлагается пища, поминки, называемые „зо-рау". „Зо-рау" изготавливается соседями и состоит или из блинов („чалпак"),¹ или сыра с маслом, иногда мяса. После еды поминавшие покойника удаляются.

Оплакива-
ние покой-
ника жён-
щинами.

Оплакивание совершается женщинами и продолжается с перерыва-ми в течение четырех дней. Женщины плачут причитывая, напр., смотря по обстоятельствам: „на кого ты оставил свой дом? свою жену? я пришла в отчаяние!" и пр. (—„хонаята ба ки яла кади, бьодарим эй? заната ба ки яла кади, бьодарим! эй ноумидым? эй!"). Плачут, естествен-но, как только человек умер. Соединенный плач женщин из дома покой-ника и присоединившихся к ним родственниц и соседок снова продол-жается при выносе тела покойного на кладбище (женщины тела не про-вожат и остаются дома) и повторяется от времени до времени до истечения указанного выше срока. Но даже и после него, если приходит какая-нибудь родственница издалека, пришедшая навестить, то и при-шедшая и присоединяющиеся к ней свои домашние женщины обычно плачут.

Поминки

Спустя две недели в день, когда умер покойник, устраиваются его домашними поминки, называемые общим словом „хайрот" (милостыня), как называется вообще пища или подавание, раздаваемое с богоугодной целью. Закалывают быка, 2—3 баранов, варят также рис. Посланный пригласитель („косыд" *كوسيد*) собирает народ на угощение.

Ношение траура по покойнике в виде надевания одежды или части одежды определенного траурного цвета не наблюдается.

¹ Изготовление чалпаков для угощения на поминках, как ри-туального блюда, было повидимому, очень, широко распро-странено среди таджиков и Бухары и Туркестана (встречается во многих местах и сейчас). При соре, напр., и сейчас иногда таджик кричит своему противнику — „чалпак-и гармата хурам!" — „да поем я горячих чалпаков по тебе!", выражая тем свое поже-лание присутствовать на его похоронах.

Следующее поминовение покойника совершается при наступлении одного из больших праздников — Курбана или Рамазана. Иногда, у бо-гатых, поминуют в оба праздника.

Ночные бабочки называются „арво" (*ارواح*) и считаются душами умерших. Когда видят такую бабочку, вертящуюся около огня, то иногда говорят, вспоминая покойника „арвојааш омад" — „прилетела его душа", навещающая свой дом.¹

Душа
умершего в
форме ноч-
ной бабочки.

Если покойника после его смерти видят во сне довольным, радо-стным, то это признак того, что ему хорошо на том свете. Если же на-оборот — следовательно, он оказался грешен, мучается и поэтому нужно задобрить небо раздачей милостыни, чтобы улучшить участь умершего.

Видеть
покойника
во сне вос-
полненной по-
чиальным.

Души младенцев безгрешны. Они идут в рай и по смерти только радуются своей участи.

¹ Словом „арвох" (множ. ч. от *ارواح*), как известно, ши-роко называются в Средней Азии души предков. Представление о ночной бабочке, как о душе умершего, посещающей свой дом, как и во многих других местах, тоже очень распространено среди таджиков Туркестана и Бухары, обычно называющих такую бабочку „рухах" (уменьшительная форма от „рух") (*روح*) — дух, душа (соотв. русск. „душек"). В верховьях Панджш существует верование, что в виде бабочки душа посещает дом только, если она попадает уже в рай, находится там. Души грешников не могут попасть домой в таком виде.

VIII.

Мазары.—Их роль в жизни панджширцев.—Ишаны („миры“). Лечение болезней, знахарство.

М а з а р ы.

Два типа
мазаров.

Как повсюду среди таджиков, в особенности горных, в долине Панджшира в изобилии рассеяны мазары, поклонение которым представляет собою смесь мусульманских и языческих верований и обычаев. Мазары разделяются по существу на два типа—на собственно мазары, т. е. могилы святых и „мой-го“ (بای گاه)—места, куда ступала по местному преданию нога какого-нибудь высокого мусульманского святого, при чем обычно такое предание является местной выдумкой и не имеет за собой никакого исторического основания. Такие „мой-го“ (называемые в Туркестане и Бухаре „кадам-джой“ (نهم جای), как иногда и сами мазары, являются, повидимому, часто старыми местными языческими святынями, задернутыми со временем приданным им ореолом мусульманских или мусульманизированных верований, иногда до того прозрачным в верованиях народных масс, что исламизирование ограничивается почти одним только названием. Мазары имеют большое значение в жизни панджширцев, как и таджиков вообще, и над описанием их можно немного остановиться.

Мазар в сел.
Сафед-Чир.

В виде образчика для характеристики панджширских мазаров можно взять собранные мною сведения о мазарах в сел. Сафед-Чир. Там их два: один в селении—могила святого Абду-Кадыр-и Джиляни,¹ другой—Биби Ник-Зан („Госпожа Добрая Женщина“—بیبی نیک زن), находится в долине Мыкни, где располагаются первые летовки сафетчирцев (с наступлением больших жаров и выгоранием здесь трав они переходят отсюда на более высокие пастбища). Остановимся на первом.

¹ Как раз здесь, повидимому, мы имеем пример только что упомянутого мною приписывания иногда мазарам имен никогда в действительности не только не погребенных там, но и не посещавших их святых. Абду-Кадыр-и Джиляни, знаменитый суфий, основатель дервишеского ордена Кадырия, и один из самых популярных святых ислама, родился в Гиляне в 1077/78 г. (470 г.г.), 18 летним юношей отправился в Багдад, где умер в 1166 г. и был там же похоронен.

Часть сел. Рук. Селен виден угол правительственного
кирван-сарая.

Мазар представляет собою окруженное невысокой стеной четырехугольное пространство, на котором, возвышаясь над забором, стоит „гильбута-хор“—по словам панджширцев, необычайно большой куст одного кустарника, известного под этим названием. ¹ Под кустом находится могила святого с простым намогильником из глины „на подобие спины рыбы“ („пушт-и мбйи вбй“—پشت مایې برين) — классическое определение часто встречающейся формы намогильника в Афганистане. В изголовьи стоит деревянный шест с привязанным сверху небольшим куском материи—*халям*—„знамя“. В четырех углах отгороженного забором пространства сложены кучки рогов диких горных козлов—благочестивое приношение местных жителей. На мазаре, с внутренней стороны, в каждой из четырех стен имеется по небольшой нише, в которой стоит глиняный „чираг“ (светильник). Наиболее подходящее время для посещения мазара—это время перед вечером в четверг (канун пятницы), точнее—начиная с намаза пишин до намаза дигар. Посещение мазара совершается б. ч. летом или осенью. Только в редких случаях к мазару обращаются зимою, и то мужчины. Каждый приходящий на поклонение мазару ставит по толстому фитилю из ваты в имеющиеся по четырем стенам чираги, наливает в них масла, обычно льняного, ² привозимого из Андераба, так как свое, добываемое из растения *шаршам* или из хлопковых зерен—*пын-дона*, горит с большой копотью и для зажигания на мазаре считается неудобным. В некоторых местах зажигают только один „чираг“. Помимо „гильбута-хор“ снаружи, у одной из стен, стоит ствол старого, почти засохшего тута, единственная полуживая ветвь которого (остальное все засохло) протянулась над забором к могиле святого. Из обычного уважения к мазару и из страха получить наказание от святого никто не трогает это рассыпающееся дерево и оно стоит неприкосновенным. Подобный вид мазара хорошо знаком всем, кто бывал в Средней Азии и кому приходилось наблюдать небольшие мазары в сельских местностях Туркестана и Бухары.

Общий вид
мазара.

К мазару панджширцы, как и вообще таджики, обращаются довольно часто в различных случаях жизни, в особенности часто к нему

Обращение
к мазарам.

¹ *Бита* или *бута*, по словам панджширцев, означает „кустарник“. Что же касается „гиль“—то это местная манера произносить перс. „гуль“ (گل)—цветок. Таким образом, повидимому, это название одного особого кустарника, цветущего небольшими белыми цветами, означает само по себе „колючий цветущий кустарник“. Данное растение встречается и в других местах и употребляется жителями (на мазаре оно, конечно, не трогается) для накладки иногда на невысокие заборы, чтобы воспрепятствовать скоту переходить через них.

² Льняное масло называется „тель-и зыгир“ (инд. „тэль“—تيل, как упоминалось выше, часто заменяет в перс. языке Афганистана слово „рауған“—دوغن).

прибегают женщины. Обращаются при всевозможных случаях, и с молитвой об исцелении заболевшего близкого человека, и прося мазар о помощи переставшей мочиться лошади. В последнем отношении большой репутацией подаваемой помощи пользуются мазары, в которых похоронены *шахиды*—убитые. ¹ При посещении мазара сначала, как было упомянуто, зажигают святильник (чират) или святильники, потом три раза обходят кругом могилы и, присев сбоку у изголовья могилы, читают короткую молитву. Иногда, обойдя могилу, дотрагиваются до могилы рукой (в особенности если она покрыта покрывалами) и затем быстро подносят ту же руку сначала к губам, а потом ко лбу. Если прибегают к мазару с целью получить исполнение какого-нибудь желания, что называется „ниййат“ (نیّت), то это желание или высказывают вслух во время молитвы, или же оно держится в сердце и о нем только думают. При испрошении чего-нибудь („ниййат“) обычно отрывают от своей одежды небольшую полоску материи—белого или красного цвета, привязывают ее к древку стоящего на мазаре флажка, покрытому подобными приношениями, начиная с некоторого расстояния от земли, определяемого, как по пояс взрослому человеку. Привязывают так, чтобы концы болтались и могил развеваться по ветру. Помимо полосок материи привязывают также короткие (около 1½ арш.) специально плетущиеся веревки красного цвета, а некоторые, особенно благочестивые, привязывают даже красные платки.

Среди различных случаев обращения к мазару обращает на себя внимание посещение собственного деревенского мазара только что обвенчанными новобрачными. По окончании брачного обряда в доме невесты свадебный поезд—„*шоинчи*“ трогается, чтобы отвезти молодых в дом молодого и тогда, прежде, чем доехать до дома, заезжают обычно на мазар. В мазар заходит сначала молодая—„*орус*“ (عروس), обходит три раза вокруг могилы святого, молится, а потом, после ее выхода, то же самое делает молодой. Покончив с молитвой и выйдя из мазара, молодой отдает распоряжение церемониймейстеру—„*каташар*“, чтобы он роздал поездкам привезенные с молодыми печенье („*руган-джуши*“), которое в данном случае называется „*наз-и пир*“ („приношение по обету святому“—نذر پیر) и считается исходящим от святого, освященным им.

Приношение первых продуктов весною.

Из других случаев обращения к мазару можно отметить „*руган-и-кау*“—первая выделка масла весною. Когда весною, при появлении из скота молока, начинают выделять масло, то первые дни (5—10

¹ Шахидом (شهید) по обычному определению в Афганистане называется не только убитый на войне с неверными, но и всякий, погибший случайно—утонувший, разбившийся, упав с горы, убитый невинно. Покойный вмир Хаббулла-хан, напр., повсюду называется „Амири шахид“—امیر شهید.

дней) его ест семья, а потом хозяйка дома, в руках которой молочное дело, объявляет запрет на молоко на один день, удай которого за этот день предназначается для отнесения на мазар и называется „*сича-и мазори*“.¹ Из этого молока готовится „*мост*“—кислое молоко, которое несут на мазар вместе с „*чалпак*“ большими тонкими шпательными лепешками, псушимися на масле, о которых говорилось раньше.² Несут также „*альво*“ (حلوا)³ и новое масло. Все это на мазар несут женщины, объединяясь часто для этой церемонии в группу, выходящую из нескольких домов. Мужчины при этом не присутствуют, но если кто проходит мимо мазара, то женщины охотно подзывают и дают поесть. То, что не съедено, домой не уносится, а оставляется обычно на мазаре. Кислое молоко „*мост*“, напр., выливается в имеющуюся на мазаре чашку и его может съесть всякий, кто зайдет на мазар.

На мазар идут все также по большим праздникам и, в особенности, во время месяца Науруз, за несколько дней до наступления Нового Года (Наурыз).

Ишаны — „миры“.

Довольно большое значение в жизни панджширцев имеют ишаны, которые, однако, в Панджшире называются *мирами*.—„В Каттагане их называют ишанами, а у нас мирами“, говорили мне панджширцы. Это своеобразное наследственное духовное сословие пользуется, повидимому, довольно большим влиянием в Панджшире. Вместо слова „*мир*“ (сокр. из *амир*) их иногда называют „*пир*“—„старец“ (پیر). Миров могут быть

Ишанство в Панджшире.

¹ „Сича“—чистый, светлый. Эпитет этот может быть применен, как объясняли панджширцы, и к чистой ткани, напр., и к белой стене, а также к горной куропатке—„*хаук-и зарш*“, и к голубю, считающимся чистыми и до некоторой степени священными; как и дикие горные козы („*дху*“).

² Как упоминалось выше, употребление чалпаков, как и в Туркестане и Бухаре, имеет ритуальный оттенок, соответствующий приблизительно нашим русским блинам, хотя, как и блины, их иногда готовят просто для пищи, но старое основное значение их, видимо, было употребляться при некоторых религиозных церемониях. Чалпаки едятся также, напр., вечером накануне больших праздников.

³ „Альво“ (حلوا) готовится следующим образом. Кипятят воду, спускают в нее муку и усиленно помешивают при продолжающемся кипячении. Когда эта киселеобразная масса несколько сгустела, в нее подбавляют масло.

Другой сорт, называемый „*альво-и быриджи*“, готовится так. В кипящее, до красна нагретое масло (коровье или овечье), спускается мука и тщательно и продолжительно помешивается. Затем сверху прилиняется вода и все снова размешивается. Подается на блюде с растопленным коровьим маслом, налитым в углубление посередине приготовленного кушанья.

только потомками одного из известнейших мусульманских подвижников и в доказательство своего происхождения должны иметь документально засвидетельствованную генеалогию („*шаджара*“—*شجره*), производя себя или от Имама Раббони или от „Гаусуль А'зам“, или же от Мир Джиббэ-и Ях-Суз (его чудо состояло в том, что во время сильного мороза он согрелся около огня, который он получал, заставляя гореть куски льда) и др. Все панджширцы состоят мюридами того или другого ишана и не „вручивших свои руки“, т. е. не ставших мюридами, там не имеется. Ишаны, считается, поучают воздерживаться от пороков и заботятся о своих мюридах. В моменты затруднений или опасности находящийся вдали от своего ишана мюрид иногда вслух призывает его на помощь, говоря „йб, пир!“ („о, наставник!“) или „йб пир-и даст бигир!“¹

Радения.

Пирь, или мирь, устраивают, как часто повсюду в Средней Азии, радения—или громкие, называемые „*джахр*“, или тихие, часто накрывая себе чем-нибудь голову (б. ч. это делают старики), произносят слова радения шепотом или очень тихим голосом. Такие радения называются „*хуфия*“.

Существование ишанов в Панджшире.

Обычно в Панджшире то или другое селение целиком является мюридами одного какого-нибудь ишана. В настоящее время таких ишанов всего четверо: 1) Хазрат-Сиб в сел. Де-Наў, 2) Мираб-Сиб в г. Истолфе (прибл. в 30 верст. на сев. от Кабула), 3) Мир Шб-Гадб—в сел. Сафед-Чир и 4) Мир Сайид Хошм—в сел. Повот (при сел. Хиндж).

Лечение, знахарство.

Отсутствие в Панджшире общего типа гадателей и заклинателей Средней Азии.

Очень любопытно, что в Панджшире не видно того, что в литературе по Средней Азии принято называть следами шаманства. Мне, по крайней мере, наблюдать не приходилось. Средне-азиатский *бахичи* (заклинатель или заклинательница, призывающая духов с помощью бубна, часто при этом кружась и выкрикивая) здесь совершенно, повидимому, неизвестен, как неизвестны также туркестанские фольбины (فولبين), талюбины и т. п.

Лекари.

Если кто заболевает, то обращаются к „*назм-бин*“ (мужчина) или к „*мим-зан*“ (женщина)². Их лечение состоит в том, что они слушают пульс—„*назм*“, держа за руку больного и определяя характер болезни

¹ Я оставил эту фразу, как произносили ее слышанные мною панджширцы, сохранив намеренно грамматическую погрешность, которую они делали здесь в перс. яз. (им.—„йб пир, даст бигир!“).

² Значение слова „*назм-бин*“ совершенно ясно—„смотрящий (слушающий) пульс“, и, очевидно, носитель его является лекарем, приживающимся, видимо, каких-то лекарств, может быть очень своеобразных, но, во всяком случае, как говорили мне панджширцы

по пульсу. Они лечат лекарствами, амулетов и заклинаний не употребляют. Гонорар берут деньгами или продуктами. Среди самих панджширцев этих лекарей нет и они приходят к ним с равнин, принадлежат сами к какому-нибудь афганскому племени.

Как уже упомянуто, в Панджшире, в настоящее время, по крайней мере, нет многих очень обычных типов заклинателей и знахарей, встречающихся в Средней Азии, но следы бывшего знахарства, заклинаний и колдовства при помощи духов все же еще уцелели, правда, в очень небольших размерах.

В селении Хиндж имеется знахарка, по имени Биб-Зарй, действующая силой пари, чуть ли не единственная в этом роде на весь Панджшир. Когда желают идти к ней, то часто говорят—, биб, бйрим пёши парйб,—„давайте, пойдем к пари“ (последнее слово во множ. числе). К ней ходят из разных селений, иногда очень издалека, и она собирает от этого очень большой по местному доход. Иногда ее также называют „*тарси-зан*“¹. Она не камлует, а, будучи сама неграмотной, тем не менее пишет под влиянием пари какие-то непонятные прощальные знаки—очевидно, письма тех пари, которые ей помогают. Выслушав просьбу пациента или посланного, просящего о помощи отсутствующему (если больной не мог сам явиться), она впадает, якобы, в транс, начинает трястись от приближения пари, начинает корчиться и лишается языка. В таком состоянии пари овладевают ее волей и пишут неизвестные людям письма. Придя в себя она передает написанный клочок бумаги пациенту, наказывая, чтобы он сам или смыл чернила и выпил бы эту воду, что называется „*шуст*“, или же сделал бы из записки „амулет“—„*та'виз*“, который должен носить на себе, привязав к тюрбейке, или прикрепив на шнурке к шее, пришив к одежде и пр. Если ей вылечить больного не удается („*зураш намераса*“—„не хватает у ней сил“),

Тарси-зан.

(самому мне встречаться с ними не приходилось), не прибегающим к заговорам и заклинаниям. Такова и „*мим-зан*“. Что касается состава последнего слова, то мне кажется, что не произошло ли оно от индийск. „*мам*“ (являющегося в свою очередь испорч. из англ. *madam, ma'am*), как называют в Индии европейских жён?

¹ Можно предположить, что слово „*тарс*“ (ترس)—„страх“ означало собою первоначально какого-то демона, духа, приближение которого порождало страх, и потом перешло в название этого чувства, подобно тому, как современное „*боло*“, обычно теперь означает несчастье. „*зигон*“ (زيان)—„вред“, хотя в народном языке Средней Азии совершенно ясно кое-где сохранились следы представления фигурировавших под этими именами демонов. Отсюда, вероятно, происходит и название знахарки—„*тарси*“, т. е. имеющей отношение к демонам, духам страха—„*тарс*“.

Слово „*тарс*“, в форме „*тарс-и бим*“ (ترس-ويوم) приводилось мне панджширцами также для обозначения нечистой силы, окружающей рожицу (см. стр. 35).

говорят таджики в таких случаях), то тогда она советует пациенту или его родственникам обратиться к молитвам какого-нибудь из местных миров, т. е. ишанов: „пеш-и фалбá мир быра!“, говорит она.

Заговор
ишанов.

Мир тоже обычно лечит составляемыми и раздаваемыми им амулетами, также отчитыванием, читая над больными „касида“ (قصيدة), отчего такой отчитыватель называется „касида-хон“ („чтец касид“).

IX.

Остатки древних верований и воззрений.— Детские игры.— Куклы.— Орнамент.

Среди замеченных мною и записанных остатков древних верований можно отметить следующие обычаи и представления среди панджширцев.

Отношение к огню.

Обычно огонь тушат без всяких колебаний, когда в этом представляется надобность, а также задувают ртом светильник, не стесняясь этим.¹ Но следы бывшего почитания огня, может быть, больше всего сохранились в языке. Обычный персидский глагол „куштан“

(کشتن), хотя и известен в значении „тушить“, но так как его основное значение „убивать“, то употребление этого слова в значении тушения огня (کشتن آتش) считается неодобрительным. Говорят „гыль кардан“ или, вежливо в отношении огня— „рыхсат кардан“ (رحمت کردن) „отпустить огонь“, т. е. уволить огонь от его обязанности, службы. Точно также считается неодобрительным тушить огонь, заливая его водой. В особенности грешно заливать огонь в очаге.

Следы по-
читания
огня.

Приветствие при входе в дом.

Salom—приветствие, произносится в обычной мусульманской суинитской форме (السلام عليكم) всякий раз при входе в дом или в комнату, хотя бы приходилось на дню приходить по многу раз и хотя бы в комнате или в доме и никого не было. В последнем случае входящим про-

¹ В противоположность Туркестану и Бухаре, где во многих местах (как отмечено еще Уйфальви в отношении верховьев р. Зарешана) сохранилось еще несколько иное отношение к огню. Огонь там обычно стараются не тушить (делать это грешно: огонь великий, священен). Если нужно прекратить горение огня в очаге (при варке пищи, например, где блюдо должно довариться иногда только на углях), то часто горящие поленья выбрасывают, но не тушатся. Светильник (из тех же мотивов) обычно ртом не задувается (дыхание оскверняет), а тушится или руками или прижатием фитиля каким-нибудь предметом.

износится и ответ, но только более тихим голосом. Если в доме никого нет, то приветствие обращается к корану, экземпляр которого обычно имеется в каждом доме (полезно для отогнания злых духов), но не делается ни столбу, ни домашнему очагу, как это встречается среди таджиков Восточной Бухары, где вообще сохранилось еще много древних обычаев.¹

Уранологические представления.

Млечный путь. У панджширцев называется «ро-и коурдагар» (راه کوره), т. е. «Путь везущих солому» (перс. ریه کوشان) — древнее представление о Млечном пути, встречающееся у многих иранских народов. В Средней Азии считается, что везут *мякину* — размельченную на мелкие кусочки солому, какой она выходит после обычной молотбы ногами скота. Это, вероятно, основное представление в данном мифе, т. к. в Средней Азии при обычном способе молотбы солома (если только не рисовая) получается только в виде мякины. При переноске такая мякина неизменно оставляет за собою по дороге след из просыпающихся во множестве мелких частиц соломы, действительно соответствуя до некоторой степени форме Млечного пути. Это объяснение приведенного названия Млечного пути мне встречалось и среди панджширцев.

Другое название Млечного пути, тоже встречающееся в Средней Азии, это „Дарьё“ — „Река“.²

Относительно наименования таким образом Млечного пути мне встретилось следующее объяснение панджширцев, записанное мною с сохранением их речи:

„Асли Рё-и коурдагар мёган. Худышь мё мардым Дарьё мёгийм. Дарьёби аст ки нишиб мёрава. Як соль як тариф мёрават, як соль як тарифи дигар мёрават. У миса-и об-вёри ар тариф рё мёкынат“.

„В основе Млечный путь называют Рё-и коурдагар, но мы (панджширцы) называем его Дарьё („Река“). (Это) река, кото-

¹ Следует отметить, что в Панджшире нет также названия и представления, что один из столбов жилого помещения является главным, заслуживающим особого внимания и уважения, как это имеется среди горных таджиков Бухары, называющих такой столб „шо-сутун“ — „царский (княжий) столб“. Именно к нему, если в доме никого нет, обращается часто в Восточной Бухаре приветствие входящих.

² На языке *пашац*, образчики которого мне приходилось записывать в эту же поездку в Афганистане, Млечный путь называется „*галия*“, т. е. „сухое ложе реки“.

Улица в селении Руга.

рая течет вниз. Один год она течет в одну сторону, другой год течет в другую. Подобно воде он (Млечный путь) может двигаться в любую сторону".

Большая медведица.—„Кабр-и Ну альёху-с-салям“: „могила (прока) Ноя—мир над ним“.¹ Кроме того мне встретились еще два названия (в сел. Бурдж-и Яман): 1) „Ситора-и чал-рау“—„Звезды, двигающиеся обратно“ (или влево, т. е. в ту сторону) и 2) „Афт Дола“. Последнее как полагаю, является искажением из „*haft abdol*“ (هفت ابدال), т. е. „семь благочестивых“, как называется в суфийской иерархии святых одна определенная степень святости, т. е. соответствующая монгольскому названию Большой Медведицы—„Семь бурханов“. В сел. Пышбур, в том же Панджшире, мне встретилось еще другое название—„*aft bardo*“ (семь братьев).²

Венера.—Вечерняя: „Ситора-и шян“—„Звезда ночи“, уведомляет людей о наступлении ночи и о том, чтобы они ложились спать. Утренняя: „Ситора-и руз“—о том, что приблизился день и что пора вставать.³

„Тарозуон“—„Взвешиватель на весах“ (ترازيان), „весовщик“. Так называется созвездие (Весы?), состоящее из трех звезд, которое точно определить я не сумел.

¹ На языке пашаи это созвездие тоже называется. „Сата лия-вани“—„Семь братьев“, соотв. персидскому هفت برادران. Кроме того, в населенном тоже в значительном числе таджиками г. Чарикаре (в 30 верстах на север от Кабула) мне встретилось кроме последней формы еще название „Чор-пой“—„кровать“. Звезды альфа, бета, гамма и дельта Большой Медведицы считаются ножками кровати (широкой, туземного типа). Эпсилон—овца, дзета—волк, который хочет съесть овцу, эта—старуха („пир-зан“), которая отгоняет волка.

Вариант последнего представления мне еще раньше встречался в Ходжентском уезде, Самаркандской обл., тоже среди таджиков, где Большая Медведица называется в некоторых местах „Чайлоб-и вайрона“—„Разрушенная кровать“. Те же четыре звезды, как и в первом варианте, означают криво поставленные ножки кровати. Среди других таджиков указывают и убегающего подмастерья („шогирд“), неверно сделавшего ножки и преследующего его мастера („устод“).

² По словам Ферришта (Малькольм. „History of Persia“ V. II. London. 1829, стр. 291—см. также Сравнительный Словарь турецко-таатарских наречий Лазаря Будагова, т. II, СПб, 1871, стр. 58) считается, что святых степени „абдал“ (второй степени в суфийской иерархии святых) имеется постоянно всего сорок человек, но по некоторым другим данным, можно предположить, что это число в данной категории не везде толкуется одинаково.

³ На пашайском диалекте селения Искен вечерняя звезда называется „Лю'кан“, утренняя—„джуй ситора“ (соотв. тадж. ستاره روز).

Этот взвешиватель в день Страшного Суда будет вешать грехи людей. Повидимому, то же самое созвездие среди таджиков и, вообще широко в Средней Азии, называется „Тарозу“—„Весы“.

„Се по-и Биби“—„Бабушкин треножник“. Так называется тоже не определенное мною созвездие, где три звезды, расположенные в виде треугольника, являются тремя ножками треножника. Для подвешивания котла, составляя хозяйство находящейся на небе старухи.¹

Луна. Мне не пришлось записать ничего особенно характерного для определения старых воззрений панджширцев на луну вообще. В отношении же молодой луны, видимой в первый раз, можно привести следующее.

Считается, что видеть сразу на небе молодую луну, непосредственно, нехорошо. Лучше ее увидеть сначала в отраженном виде, в воде, являющейся „чистой“, „очищающей“. Для того, чтобы добиться этого, при появлении новой луны на небе стараются на нее не смотреть, а смотрят на воду, отыскивая там отражение молодой луны. Найдя таковое, смотрят на небо на луну, а потом опять смотрят на отражение луны в воде.

Такой взгляд, повидимому, распространен вообще довольно широко в Афганистане, т. к. мне доводилось наблюдать даже хазарейцев, старавшихся в пути увидеть народившийся месяц в зеркало (очевидно замена воды за ее отсутствием).

Народный календарь.

Годовой солнечный счет у панджширцев опирается на два поворота пункта:

1) Летнее солнцестояние—„Афтбӯ гашт-и тоъистбон“ („Летний поворот солнца“).

2) Зимнее солнцестояние—„Афтбӯ гашт-и зимистбон“ („Зимний поворот солнца“).

Для определения этих моментов, как и наступления некоторых других, как во многих горных местностях среди таджиков, на линии рисующегося на небе профиля окружающих данное селение гор берутся соответствующие данным моментам точки, через которые проходит в этот день в своем годовом и полугодовом опускании или поднятии над горизонтом солнца. На эти заметки, конечно, должно смотреть обычно тоже из какого-нибудь определенного пункта для того, чтобы наблюдения были бы точными и правильными. В сел. Хиньдж, напр., летнее солнцестояние определяют, сидя у подножия одного старого тутта, называемого „тут-и дбн-и дар-и масджид“ (توت دښن درمسجد)—т. е. „тут при

¹ Роль небесной „Мбмб“ („Бабушки“) в мифологических представлениях таджиков мною достаточно указана в других статьях („По этнографии таджиков“. Сборник „Таджикистан“, Ташкент, стр. 172 и „Народные верования таджиков“—Сборник „Советский Узбекистан“, 1927 г.—печатается).

входе в дверь мечети“) и смотря на один каменный выступ в соседней горе. Солнце на восходе в день летнего солнцестояния как раз проходит через его вершину.

Зимнее солнцестояние определяется в том же селении тем, что садятся, прислонясь спиной к одному старому белому камню, находящемуся у местной старой крепости, известному под именем „белый камень крепости“ (سنگ سفيد قلعه) и наблюдают солнце на закате. В день солнцестояния оно должно спуститься в вилку между двумя каменными выступами в одном точно известном месте в профиле окружающих гор.

В каждом селении имеются, конечно, свои приметы, приуроченные к окружающей обстановке или, точнее, диктуемые ею.¹

Почти всюду, помимо упомянутых, если так можно выразиться, общественных отметок для наблюдений и определения наступления того или другого момента, имеются еще частные отметки, имеющиеся во многих домах. Они состоят из отметки в соответствующие дни на внутренней стене помещения высоты солнечного луча, проникающего через „дар-бача“—маленькое оконце вверху противоположной стены и скользящего по стене, обращенной к солнцу. Эти отметки называются „нишбн-и афтбон“ (نشان آفتاب).

Среди замеченных мною некоторых характерных черт панджширского календаря следует отметить, что период „Уджуза“ (в Туркестане и Бухаре *Оджуз* или *Оджиз*)—т. е. период „Старухи“ (سورج) предшествующий Наурузу (Новому Году, празднуемому весною), разделяется на два отдельных периода, отделенных один от другого некоторым временем—приблизительно около месяца. Первый—„Уджуза-и калон“ („Большая Уджуза“) продолжается семь дней, второй „Уджуза-и хирт“ („Малая Уджуза“) — 3 дня.²

Следует отметить, что распределения годового цикла на отдельные периоды, носящие названия частей человеческого тела, подобно тому, как это имеется среди таджиков верховьев р. Панджа, в Панджшире мне не попадалось.³

¹ Один горный таджик, приславший в Ташкент, в разговоре со мною, когда речь зашла о времени празднования каких-то праздников, высказал свое искреннее изумление, как туземное население Ташкента, расположенного на равнине, могло узнавать наступление тех или иных дней в году—здесь же совершенно не видно, откуда выходит и где заходит солнце, говорил он.

² Характер наблюдаемого среди таджиков Бухары и Туркестана образа старухи Оджуз или Оджиз мною приведен в упомянутой выше статье в сборнике „Таджикистан“, стр. 174—175.

³ Собранные мною материалы по описанию этого счета еще не опубликованы, но некоторые сведения помещены в моей статье под заглавием „Народные верования таджиков“, печатающейся одновременно в „Советском Узбекистане“.

Детские игры.

Способ начинать общую игру. Если желают играть во что-нибудь, требующее разделения на два лагеря, то сначала выбираются двое, возглавляющие каждый свою партию. Они называются мирами („*mir*“). Остальные делятся по парам, при чем оба эти играющие сговариваются потихоньку между собою, какой предмет взять каждому из них для обозначения себя. Обычно это бывает кусочек дерева, камешек или какой-нибудь другой небольшой предмет. Зажав в свои руки спрятанное так, чтобы его не было видно, оба подходят к мирам и говорят:— „*har dū mirōn, ālye!*“ Мира им отвечают: „*сāлье!*“¹ Подошедшие тогда снова говорят— „*ки саньг мегирād, ки чūп?*“ (кто возьмет камень и кто дерево?). Оба мира выбирают, набирая каждый свою партию.

Когда все разделились, вопрос о том, какой партии начинать игру, решается так. Один из миров берет камень, мажет одну сторону глиной, или просто плюет на нее, и спрашивает другого мира:— „*хушк jō тар?*“ (сухое или мокрое?).

Если камень упал, имея верхнюю сторону такой, как назвал отвечающий, партия последнего начинает игру. Если наоборот—противная партия.

Чиж— „*Бырик*“. Роется в земле ямка— „*каўчили*“, на краю которой кладется чиж— „*бырик*“. Его бьют по одному из концов палкой для того, чтобы он взлетел, и затем сильным ударом по нему, в то время, когда он находится еще на воздухе, отбрасывают его как можно дальше. Находящийся в поле поднимает упавший чиж и бросает его, стараясь попасть в ямку. Если попал—он бьет, если промахнулся—продолжает бить первый. Если чиж пойман стоявшим в поле налету раньше, чем он коснулся земли, поймавший идет бить, не будучи обязан предварительно попасть бросаемым чижем в лунку.

Различных игр в Панджшуре существует, видимо, довольно много, но за недостатком времени мне не пришлось записать. Среди упоминавшихся мне панджширцами игр можно привести название одной,— „*oj girak*“, но самой игры я не записал.

Куклы. Игрушки. Из области игрушек можно отметить, как и повсюду, большое распространение кукол среди девочек. Куклы 6. ч. делаются из тряпок обычным способом, распространенным и в Средней Азии, где остовам служат две палочки—одна, более длинная, служит для тела и, в верхней части, для головы, а более короткая, привязываясь поперек первой, ниже головы, изображает плечи. На этот остов одеваются

¹ Как „*алье*“ (*alle*), так и „*салье*“ (*salle*)—слова, не встречающиеся в настоящее время в других случаях в панджширском наречии.

Детские куклы из разных мест Панджшуре.

платя. На конец палочки, приходящийся на голову, наматывается в виде тампона тряпка, на которой лицо изображается в Панджшире двойным способом—или обычным средне-азиатским способом через перекрестное наматывание цветных ниток, отчего получается на месте лица ромбообразный узор, условно заменяющий лицо, очевидно уступая этим требованиям ислама, запрещающего изображения, и, в особенности, лица и глаз, или же, что встречается в Средней Азии очень редко—вышиваются цветными нитками на белом фоне черты лица—глаза, брови, нос, рот. Куклы последнего типа совсем не редкость в Панджшире и попадаются на каждом шагу рядом с куклами с ромбообразным лицом.

Самое название куклы в разных местах Панджшира неодинаково: в верхней части долины кукла называется „*арин*“, внизу—„*ауди*“.

Попадают и другие самодельные игрушки, кроме кукол, но они играют значительно меньшую роль и встречаются, сравнительно, редко.

О р н а м е н т.

Применение узоров для украшения мне приходилось наблюдать в Панджшире больше всего в отношении костюма, хотя, должен сказать, что и в этом отношении орнамент не поражает ни очень широким применением, ни разнообразием, ни богатством, уступая в этой области, напри-м., Рушану и Дарвазу, занимающим, повидимому, среди известных мне таджикских стран в этом деле первое место.

Как и в последних двух странах, орнамент в одежде применяется главным образом в двух направлениях—1) для украшения чулок, 2) для вышивания на воротах рубашек, тюбейках и пр. В первом случае узор получается через вязание цветными нитками, во втором случае—вышивается. Как упомянуто было выше, чулок сами панджширцы не вяжут, а получают их или из сел. Парижон (300 дом.) населенного, повидимому, выходцами из Каттагана, которые вяжут чулки и продают их, или чулки получают из Бадахшана,—верховья р. Панджа являются областью наибольшего, видимо, распространения чулок среди таджиков.

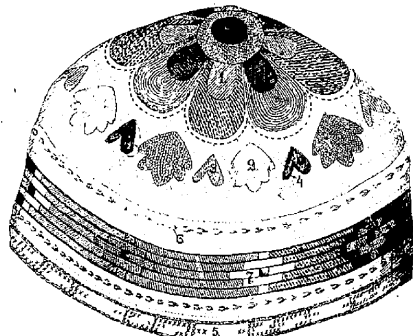
В орнаменте чулок, встречающихся в Панджшире, мне приходилось слышать названия следующих узоров:

- 1) *барг-и бед* (برگ بید)—„лист ивы“;
- 2) *тоус* (طاوس)—„павлин“;
- 3) *сад-барг* (صندبرگ)—роза (?);
- 4) *самовот*, т. е. „самовар“, как называется иногда наш самовар в разных местах Афганистана;
- 5) *гажъдым* (گجدم)—„скorpion“;
- 6) *пой-и пшяк* (پای پشاک)—„кошачья лапка“.

В этих узорах видна связь с орнаментом таджиков верховьев

Панджа и, за исключением „самовара“, остальные узоры являются самыми популярными также и в верховьях Панджа.¹

В вышивании отдельные части и элементы узоров тоже носят свои названия подобно тому, как это мною наблюдалось среди горных таджиков и памирских киргизов и как за последнее время отмечено М. Ф. Гавриловым и среди узбеков. Точно также панджширцы не только наделяют тот или другой узор определенным названием какого-нибудь предмета, но и считают, что он изображает данный предмет. Как и в верхне-панджском и памиро-киргизском орнаменте, здесь сохранилось еще местами настолько полное понимание значения своих узоров, что можно наткнуться на случаи, когда сравнительно сложный орнамент весь разлагается на отдельные элементы, носящие, несмотря иногда на свой очень геометрический вид, названия тех или иных предметов. Для примера я приведу тюбейку из сел. Остона (Астона), объяснение узоров на которой дано мне было местными жителями при проезде через это селение.

Тюбейка из сел. Остона. Панджшир.

В орнамент этой тюбейки входят следующие отдельные узоры:

- 1) *Гуль-и афтоу-нараст*—„цветок подсолнечника“—большой цветок, помещающийся в центре тюбейки.
- 2) *Пой-и харгуш*—„заячья лапка“, т. е. заячий след, отпечаток ноги зайца.
- 3) *Пой-и гульджащак*—„воробьиная лапка“, т. е. воробьиный след.

¹ Сведения об орнаменте таджиков верховьев р. Панджа и памирских киргизов, собранные мною за время экспедиции 1925 г. в Таджикистан, в наст. время сланы в печать и должны выйти отдельным выпуском в издании Общества для изучения Таджикистана.

4) *Пой-и модарак-и ау*—лапка черной водяной курочки, называемой иначе „ошика-и ау“—„влюбленная в воду“.

5) *Шероз*—название в данном случае этого узора, очевидно заимствованного, может быть еще в связи с тем, что он выполнен известным в Средней Азии обшиванием в виде шнура, называемым „ширози“.

6) *Пой-и ия*—ножка (след) какой-то птички с двумя пальцами, очень тонкими, называемой „ия“.

7) *Гуль-и хайру*—название одного цветка (кажется, мальва), называемого в Средней Азии часто „гуль-и хайру“.¹

¹ Подобное толкование узоров замечается и в равнинах Афганистана, но старое, примитивное понимание орнамента там уже сохранилось, естественно, значительно слабее, чем это наблюдается обычно у таджиков, живущих в замкнутых горных долинах. В Джабаль-ус-Сирадже, расположенном неподалеку от нижнего конца Панджшира, мне встретились следующие названия узоров: 1) *шох-и гонак*—„рога быка (или коровы)“, 2) *пой-и гульджащак*—„лапки (след) воробышка“, 3) „панирак“—„сырок“.

В сел. Доши, расположенном на северных склонах Гиндукуша (на пути из Гайбака на перевал Салаянг) и населенном очень смешанным элементом—афганцами, сафи, хазарейцами и таджиками, мне встретились в вышивках на костюмах местных жителей следующие узоры: 1) *шох-и гаукас*—„рога буйвола“ (орнамент этот действительно напоминал опущенные рога буйвола), 2) *мор-печ*—„извивающаяся змея“, 3) *Ма'тоу гуль*—„лунный цветок“ (?), 4) *афтоу-нараст*—„подсолнечник“, 5) *сина-и боз*—„грудь сокола“, или, точнее, как любезно указал мне П. П. Сушкин, „грудь ястреба“, 6) *чаши-и бульбуль*—„соловиный глаз“.

За исключением „рогов буйвола“ и „лунного цветка“ остальные узоры опять таки встречаются и в верховьях р. Панджа, т. е. и здесь наблюдается общая связь в орнаменте.

Как говорили мне афганцы из Доши и как указывают самые названия, приведенные в названиях узоров следует считать в основе таджикскими.

II
ОБРАЗЦЫ РЕЧИ

**Объяснение некоторых особых знаков, употребленных
в приводимых образцах панджипирского наречия.**

- â—обозначает звук а с некоторым отклонением к о.
ê—звук между е и i.
î—звук между ы и i.
ç—соединенное ð и ж (арабск. ج).
к—к твердое (соотв. ج).
г—г твердое (соотв. ج).
ь—звук средний между ы и у.
о—звук средний между а, о и ы.
w—приблизительно, как англ. w.

(В некоторых панджипирских говорах этот знак обозначает также звук, переходный от w к ê).

—знак, поставленный над согласной, обозначает *смягчение* этой согласной. Напр., сайг (камень)—читается как „саньг“.

Примечание. Вследствие отсутствия особых знаков в типографии при начале печатания настоящего издания в первой его половине для транскрибирования соответствующих слов и фраз эти знаки не могли быть применены. Точно также типографскими затруднениями объясняется помещение в следующем дальше тексте „â“ и „î“, означающих совершенно один и тот же звук. Сочетание в предшествующем тексте букв, подобное „a jo“,—напр., в слове „бол jo“ (стр. 46) и др., означает „lo“.

Образцы панджширского наречия.

1.

1. Цəj-i мб Пəх,¹ кəjрə-i² Пəх-цўр. Саробядаш³ да лаб-i сарəк-i пəтшб-i-ст; дїјəт-i мб пїцəб хəнə, да хам-i-i⁴ сарəк.⁵ Бəб-Хорў, пəјəн—Пəх. Ас кутəл-i⁶ Хəвəк kї тəшїдї,⁷ дїгəр Дашт-i Рївəк мəбəјəт. Ас Дашт-i Рївəк хəтəб мїдї,⁸ Сафїр мəбəјə.
5. Мардумəб-i мб əммеш тəцїк мəбəшан, дїгəр лəвз јəд нəдəрəн, кəјрї лəвз-i хəд; не афғəнї јəд дəрəн, не пəшəјї. Аф əзбər хəнə аз Пəнцшїр əммеш тəцїк ас; бə јак сад хəнə, əзбəр гуфтə мəшəт, дар ин Пəнцшїр. Тəцїк—шїр-i кəјрїдəн⁹ ас, хəб мəрдўм асəн. Тут-i фəрəмбн ас, дїгəр мəвəї нəдəрə. Оу-у јəх⁹ дəрə бїсїјəр. Мардумəш ба бў-у јəх зїндə ас.

(Записано от Мир-Али, жителя селения Пəх-цўр).

Перевод.

1. Наше (мое) место—Пəх, общества Пəх-цўр. Верхняя часть его (расположена) у казенной („царской“) дороги. Наше селение—50 домов, (находящихся) на ровном пространстве у дороги. Вверху (расположено) Хəрў, внизу—Пəх. Когда спустишься с перевала Хəвəк, то §следующим встретится Дашт-и Ривəк. Прошел через Дашт-и Ривəк—встретится Сафəд-Чир.
 5. Весь наш народ—таджики, другого языка не имеют, кроме своего: не знают ни по афгански, ни по пашайски. Все семь тысяч домов в Панджшире таджики. Еще в этом Панджшире имеется сто домов (жителей), называемых хəзəрейцами. Таджики являются.....⁸ хорошие люди.
- Есть много тут, других фруктов нет. Имеется много холодной
10. воды. Люди (Панджшира) живут холодной водой.

Примечания.

1) Звəк ə по получ. мною впечатлению изображает звук, средний между а, о и и. Звəк этот встречается довольно редко.

2) кəјрə—испорч. из قريه—сельское общество, несколько разбросанных кучек домов, составляющих одно административное деление.

3) сəрəб-и-д, по объяснению панджширцев, „высокое место“, „крайний пункт“ (سرحل).

4) хам-i—плоскость: от хам (хам-б—в некоторых таджикских наречиях)—плоский ровный; противоположность тунд—крутой.

5) сəрəк—инд. سرك.

6) тəшїдəн—спускаться, переходить.

7) хəтəб шїдəн—проходить, переходить.

8) „шїр-i кəјрїдəн“—исковерк. из شيرغريبان. Но в каком смысле панджширцы употребляют это выражение, к сожалению, я не отметил, а потому на память перевести не решаюсь.

9) бў-у-јəх—т. е. آب يخ—буквально „ледяная вода“. В панджширском наречии звук i в изафате иногда заменяется у.

2.

Весенняя прогулка по цветам.

В долине Панджшира специальная прогулка молодежи, устраиваемая в период цветения полевых цветов и называемая „сəј-i гул“, бывает весною три раза. Первый раз при цветении „гыл-i сырх“, как называют панджширцы какой-то цветок, но не обычный красный тюльпан, т. к., как мне объясняли, из четырех лепестков у него два красных и два белых. Второй раз, когда цветет „гыл-i сад-барг“, а в третий раз при цветении джиды—„сн-д-дїт“ (Eleagnus hortensis).

Каждый раз молодежь выходит по взаимному уговору на прогулку в один день, который и предназначается для гулянья. Так как таких гуляний три, то, таким образом, всего в году отводится на прогулку по цветам три дня.

Молодежь выходит на гулянье, разделившись на партии—парни отдельно от девиц. Каждый пол, в свою очередь, делится еще обычно на три группы, в зависимости от возраста. Самые маленькие, в возрасте 5—7 лет, ходят по ближайшим окрестностям селения, другая группа состоит из 8—14 летних и, наконец, следующие за ними, 14—18 лет, составляют старшую группу.

Люди старше этого не выходят. Для девушек, отправляющихся гулять по цветам—предельный возраст 14—15 лет: старше этого стыдятся. До этого возраста, однако, участвуют и девушки, и замужние.

Партия идет, взявшись за руки, с шутками, со смехом. Выбрав хорошее место, садятся в кружок и принимаются за еду, едя принесенный с собою, завернутый в пояс „талхəн“ (молотый сушеный тут) и кукурузный хлеб—„нəн-i қəвəрї“. После еды опять ходят по цветам, делают из них букеты. Девушки собирают цветы в

свои головные покрывала. Придя потом домой, часть принесенных цветов раздают по соседям, давая тем, кто не ходил. Цветы потом сохраняются в засохшем виде и держутся в доме из-за их аромата. При возвращении с прогулки группа юношей поет по направлению к партии девушек—

Ю н о щ и:

1. О, дыхтыракб, алб балой² на́кын!—
Сарыт бырава, аз ма җидой на́кын!
О, дыхтыракб, рўҗа маңҗу дам³ сар-і җўҗ:
Тар мейшавад сабзакб-і лаб-і җўҗ.⁴
5. О, дыхтар кат быланд, мўҗ-бѳ пас-ы пынт,⁵
Кадд-і боріак-ы бин-і быландыт ма́ра кынт.
Сар-і тўшак тўрб чан бѳр бўзанум тахта ба пынт⁶—
Намёмбнат ба дїл армбнїм, бегым-дбн, җбн!

(Записано от Назар-Мамад из сел. Хыныч).

1. О, девушки, не создавайте несчастья,—
Голова пусть уйдет из-за вас, (но) не отделяйтесь от нас!
О, девушки, не мойте лица над речкой:
Станет мокрой травка на берегу речки.
5. О, девушка высокого роста, с заплетенными косами по спине,
Твой тоненький стан и высокий нос⁶ убили меня.
На постель тебя несколько раз брошу на спину—
Не останется у меня в сердце неисполненного желания, о госпожа
моя, душенька, душенька!

Записаны мною также следующие варианты первых двух строк вышеприведенного отрывка:

- I. Алб, дыхтыракб, аз мо җидой на́кун—
Рѳ рафта́накыт дѳҗа ба гы́л намбна.

(Записано от жителя с. Пышгур).

ای دخترکان ازما جدایی نکنید
در راه رفتن شما داغه بگل نمازد

О, девушки, не отделяйтесь от нас,
(Чтобы) когда пойдете вы, не оставалось бы пятен на цветах.

- II. Алб, дыхтыракб, аз мо җидой на́кын!—
Рѳ рафта́накыт дѳҗа ба гы́л мёмбна.

ای دخترکان ازما جدایی نکنید
در راه رفتن شما داغه به دل میباشد

О, девушки, не отделяйтесь от нас:
Когда пойдете вы, останется пятно на сердце.

По отношению к третьей и четвертой строчкам той же песни мною записан следующий вариант, поющийся де ву ш к а м и:

Җїҗо бачаракб,¹¹ рўҗат на́пу лаб-і җўҗ—
Тар мейш сы-баргакб-і лаб-і җўҗ.
Ман гы́та занум җўҗа ба җўҗ.
Тѳ сар бйқашум, тўрб быбнум лаб-і җўҗ.

О, молодчики, не мойте лица на берегу речки:
Станут мокрыми розочки, что на берегу речки.
Буду я нырять из речки в реку,
Пока, высунув голову, не увижу тебя на берегу речки.

Пропев, юноши, делают вид, что хотят уходить домой. Тогда девушки поют—

Д е в у ш к и:

Шїрін їбра́кам, гандўма борі асті.
Як їз'а¹⁷ намешіні—рѳі асті.
Як їз'а нышїн кі дам җанімат ббша.
Җѳнїм да кадыт—чі хыш-намѳі асті!

О, сладенький дружок мой, ты подобен пшенице (по стройности).
Не посидишь ты минутку—стремишься идти.
Посиди минутку, чтобы быть момент счастливым.
Жизнь моя за стан твой—как ты красив!

Следует отметить, что песни, поющиеся во время прогулки в разных местах Панджшира, немного разнятся между собою. В сел. Пышгур и в некоторых других местах в это время поют следующее—

Ю н о щ и:

Фарїҗбд кынїм—намераса аwwбзім,
Дардб-ї тўрб чїгўна дармбн обзім?
Фарїҗбд ке ымр бѳмадѳр бхыр шуд—
Як гы́л нагїріфтїм бунѳбѳр бхыр шуд.

Дар куча гузар макын, кі дар бѳм астым,
Бебуда⁸ сыхан мағу, кі бад-нѳм астым.
Җонѳна, марѳ дмчѳр карді, рафті.
Як дард-і марѳ азѳр карді, рафті.
Җонѳна-у Җонѳна-у җї Җонѳна,
Дар пѳш барыт анѳр шїрін-дон!

Кричать мне— не достигает крик мой.
 Как мне помочь в моих музеньях по тебе?
 Вопль о том, что настал конец бессильной жизни:
 Не пришлось сорвать ни одного цветка и кончилась весна.

Не проходи по улице: я на крыше.
 Не заговаривай понапрасну со мною: я приобрел дурную славу.
 О, душенька ты со мной встретила и ушла,—
 Одну мою боль ты превратила в тысячу более и ушла!
 Душенька, душенька, дорогая душенька,
 Сладкозернистые гранаты на твоей груди!

Приведенная песня, видимо составленная из двух разных отрывков, в первых своих четырех строках встретила мне в другом месте Панджшира в следующем варианте, поющимся девушками—

Девушки:

Фарїбд кынїм—намераса аwwбзїм.
 Аwwбз-ї хафїм бхўра зїр-ї сїнаїт.
 Фарїбд кынїм—дар хонá-ї тбá чїрбс мїсўзá.
 І чїрбс ас кї мёwwшá?
 Донбá, немёраса аwwбзїм!

Кричать мне—не достигает крик мой.
 Мой скрытый голос пусть проникнет к тебе в грудь.
 Кричать мне—в одиноком доме горит огонек („светильник“).
 Кому принадлежит этот огонек?
 О, душенька, не достигает крик мой!

Помимо приведенных выше песен и отрывков мною записан еще следующий, поющий юношами—

Юноши:

Љбр-ї ман дар кал'á,
 Бб нўр-ї сафїд-ї ман дар кал'á.
 Ё бар кал'á дўwwбрї аст,
 Ё бар кал'á дўwwбрї аст.
 Бб нўр-ї сафїд-ї ман дар кал'á.

Подруга моя в кал'а (в укрепленном доме),
 Бельничья моя в кал'а.
 По эту сторону кал'а (растет) кукуруза,
 По ту сторону кал'а кукуруза—
 Бельничья моя в кал'а.

Примечания.

1) Са-д-барг (سدبرگ) — видимо, род дикой розы или махрового шиповника. То же самое растение встречается, иногда, по селениям в культивируемом виде—„бó б'á“ (آبی), т. е. „орощаемое“, разводимое искусственно. Если идет речь о дикорастущем растении, то употребляется термин—„пангал“ (چنگلی) или „куһ“ (کوهی).

Весенние прогулки с собиранием распускающихся цветов очень распространены среди иранских народностей Средней Азии. Во многих местах Туркестана дети ходят собирать один из самых ранних цветов—небольшой желтый цветок—Gagea (Гусиный лук), называемый повсюду в Туркестане „бó б'á чé чá к“ (بای چچک). Позднее, при распуски тюльпанов—„лólá“, ходят на прогулку компаниями и взрослые, собирая их и принося домой. Е. М. Пещеревой, собравшей значительный материал по описанию этих весенних прогулок и записавшей ряд песен и колад, поющих при этом, как у таджиков Туркестана и Бухары, так и среди отуреченного таджикского населения Туркестана, отмечен также в сел. Исфара (Ферганской области) интересный обычай, аналогичный с праздником майского дерева Европы. В период цветения тюльпанов в назначенный день собиратели цветов отправляются в окрестности для сбора тюльпанов. Когда они возвращаются, нагруженные собранными цветами, народ срубает ветвистый тополь, который пень украшается принесенными цветами, служа потом центром общего веселья и развлечений. (Сведения, собранные Е. М. Пещеревой до сих пор еще, к сожалению, не опубликованы и, насколько мне известно, только частично приведены в ее статье, помещенной в печатающемся одновременно Сборнике в честь юбилея В. В. Бартольда).

Как мне приходилось слышать проездом в Мазари-Шерифе (главный город Афганского Туркестана), местное население, состоящее в значительной степени из таджиков, устраивает весною следующие прогулки за цветами, называемые „гу-ї-гáрд-б'á н'á“ (گل گردانی): 1) самая ранняя, при распуски маленьких желтых цветочков, называемых „гу-ї-д'á-ш'á-к'á н'á“ (گل دیگ شکن), повидимому, дикий ирис 2) при цветении „бó б'á чé чá к“, 3) в период красных тюльпанов—„лólá“ (لاله) и 4) при цветении роз—„гу-ї-гу-л'á б'á“. Красный тюльпан (лólá) поэтически считается кровью убитого Хуссейна, выходящей весною на поверхность земли. „Гу-ї-гу-л'á б'á“ (буквально значущее—„цветок розовой воды“) — роза: пот Мухаммеда. Аромат розы—от благовоного его лица.

2) Аї-б'á—повидимому, перс. آیه-о, эй, берегись! По объяснению панджширцев,—окрик, с которым они обращаются к кому-нибудь, напр. не зная его по имени.

3) Да м—соотв. перс. دام. Дам ббзбр—на базаре.

3) Ка д—с, ср (соответств. таджикско-персидск. کتی).

4) Ды х т а р-і х б н а—„девушка в доме“—называется девушка на выдании; уже подросток, но еще не выданная замуж—в отличие от слова „д х т а р“—„девушка“, которым продолжает называться среди таджиков и молодая женщина, выданная замуж, часто вплоть до рождения у нее первого ребенка.

5) Ыола—плот (составляемый обычно из четырех надутых кожаных мехов). Это слово имеет также значение пла в а ю щ и й л е д и г р а д (ایس).
6) Т о л а—распущенный, развернутый.

7) З о в б—в данном случае название ущелья. Очевидно р. от зоу, зов—пропасть, обрыв. Интересно, что ущелье в панджширском наречии называется кул, вне зависимости, есть ли там на дне вода или нет (также, как ягнобское „ku!“).

4.

I. Кунам то'риф бйинау ¹
Эм хубн-і пйбн.
Сывар дар хоп будим
Ба сайр-і бустани.
Нигбр-і реза-дандон
Нйшаста су-і добон,
Зада сурма ва чашмон,
Бейт-і аwurf камбон!	کنم تهریق بشنو
زخوبان جهانی
سحر در خواب بودیم
به سیر بوستانی
نگار بریزه دندان
نشسته سوی دالان
زده سومه به چشمان
بت آبرو کهانی
II. Нигбр-і нозанинум,
Ба полуйт нышнум,
Быт-і буса бййрам,
Бейт-і аwurf камбон!	نگار نازنینم
به پهلویت نشینم
بده بوسه بگیرم
بت آبرو کهانی
III. Аракчин-і зарринб
Нйбди ва сар-і хыд,
Зади сурма ва чашмон—
Бейт-і аwurf камбон!	عراقچین زربن را
نهادی به سر خود
زدی سومه به چشمان
بت آبرو کهانی
IV. Али-дон ас фырбкат
Каббл-у сина бырйбн,
Ки ёшкати қо гйрйфта
Ба маъз-і устыгуним.	علی جان از فرات
کباب و سینه دربان
که عشقش مرا گرفت
به مغز استخوانم

(Записано от Худо-Назар из сел. Мато)

- I. Выслушай—буду я восхвалять
Красавиц мира.
На рассвете во сне
Я прогуливался по плодому саду.
Красавица с мелкими зубами
Сидела в сенях (дома).
(Она) пускала сурьму в глаза—
Ты кумир, с бровями (изогнутыми), как луки!
- II. Нежная (грациозная) моя красавица,
Я сижу около тебя.
Дай—я сорву („возьму“) поцелуй:
Ты кумир, с бровями (изогнутыми), как луки!
- III. Золотой (свой) аракин²
Ты надела на свою голову,
Провела сурьмой по глазам—
Ты кумир, с бровями (изогнутыми), как луки!
- IV. (Я), Али-Джон, в разлуке с тобою
Сгорел и изжарилась грудь,
Ибо любовь моя к тебе поместилась
В самом мозге костей моих.

Примечания.

1) Разделение на строчки этой песни-стихотворения, сложенной, как видно из конца, каким-то Али-Джон, мною записано так, как произносил его говоривший мне панджширец, хотя, конечно, с точки зрения персидского стихосложения была бы правильнее следующий размер:

کنم تهریق بشنو زخوبان جهانی
سحر در خواب بودیم
نگار بریزه دندان نشسته سوی دالان
زده سومه به چشمان بت آبرو کهانی

и т. д.

2) А р а к ч и н—женская тибетейка (очевидно, из *عرق چین*).

5.

Дор аракин ба сар, сурма ва чашмонате,¹
Рых бинимб го-го² су-і рафиконате.
Ас ту мадбрум³ хам шават ёсбонате,
Дон будим, нозанин, пйбн-і дй-дйфбонате.
Етиббрі кай бйввад аз ин умр-і бё бафб:⁴
Давоні аст дар гызар—ба дафлат аст чарб?
Маури мазан гесуб, ма ро махш бё гынб,
Чи чбра сбайм, санам, дард-і бё дармонате?

(Записано от панджширца Назар-Мухаммад)

Подруга с аракином на голове, с сурьмой на своих глазах,
(Хотя) иногда показывая свое лицо твоим друзьям.
У меня нет надежды, что снизойдет твое милосердие.
Отдам жизнь, красавица (грациозная), за пару твоих локонов.
Можно ли доверять этой неверной жизни?
Юность проходит—почему же ты беспечна?
Не колыхай волнами свои косы, не убивай без вины меня.
Что мне делать, кумир, с болью по тебе, что не исцелить?

Примечания.

- 1) ва чашмбонате—به چشمبانت
- 2) ма дбрум—панджирец (Назар-Мухаммад), сообщавший мне это стихотворение, настоятельно уверял, что ма дбрум значит *دندرم*, т. е. „не имею“. К сожалению, у меня не было случая проверить распространенность такой формы (как в совр. перс. отриц. частица в Imper. 2 р. sg.) в панджирском наречии.
- 3) Как и в некоторых других местах среди горных таджиков (наприм., в верховьях Панджа), в панджирском наречии также наблюдается употребление часто легкого придыхания при произношении слов, начинающихся с гласной: *ҳумид* (اميد)—надежда, *ҳумр* (عمر)—жизнь и др. Самый звук придыхания, по моему впечатлению, не вполне соответствует короткому *h*, а составляет переходный звук между *h* и арабск. *ح*. Как и в английск. народном говоре, где употребление *h* в начале слова или его выпускание применяется часто ошибочно в ту и другую сторону, т. е. или произносится там, где не полагается, или, наоборот, выпускается там, где оно нужно, в таджикских говорах на ряду с приведенным неправильным употреблением имеется и выпускание (dropping the *h*):—произносят „афтбд“ вм. *افتاد* „азбр“ вм. *ازار* и т. д.
- 4) ба фб—با.

6.

Четверостишия с характеристикой в них отдельных этнических групп.

I.

Awwál Onōwá, dujjuм Шуфá сар-тер.
Ба ешк-и Остона мейшáwí сёр:
Ба Остона гызáр кяи.
Ба хубниш назар кяи,

II.

Bjráftim сар'ад-и кӯ-и азбá:
Ақбон мардумбон-и хиш хавбá.
Ба кад ар як чибóри ғ мивóра
Wa lekja мутлакáи бени надóра

III.

A де Хиш ас Нар Мир-Бег-и се каум,
Даванбояш áмма бут/маст-у мастбн.
Аз у а то ба қб-и Абдулло-Бек
Ду аждар мардумон дар пуштá-и рёк.

IV.

Bjráftim тарáф-и Оқí А'мад Ёр:
Дувонбояш áмма будан да вёкбр,¹
Занбешон áмма ас хбáи вёзбр,²
Кí дыхтарбеш áмма бут рафекдбр.

Перевод.

I.

Сначала Онова, во-вторых, запальчивая (храбрая) Шуфа.³
Насладишься („насытишься“) ты любовью в Остоне—
Проезжай через Остону,
Посмотри на ее красавиц!

II.

Пошел я на границу гор хазарейцев—
Удивительные люди, приятного нрава.
Ростом каждый с чинар и минарет,
Но совершенно не имеют носов.

III.

Из селения Хиньч Нар Мир-Бег трехродовый,
Его юноши все были яростны (опьянены).
От этого места до места Абдулла-Бека
Двое драконов-людей на песчаном холме.⁴

IV.

Отправился я к Ходжи Ахмад-Яру:⁵
Все его юноши были без дела,
Жены его все были недовольны домом,
Так как его дочери все имели любовников.

Примечания.

- 1) да вёкбр—دريكار.
- 2) Вёзбр—بىزار—недовольный, рассердившийся.
- 3) Это четверостишие мною было приведено также в начале изложения (стр. 17).⁶
- 4) Это четверостишие я перевожу, очень неуверенно, т. к., к сожалению, я не успел расспросить панджирцев про заключающиеся в нем

намеки. Перевод этот поэтому должен считаться внушающим некоторые сомнения.

5) حاجی احمد يار — очень влиятельный панджширский хан, получавший при покойном эмире Хабибулла-Хане пособие от афганского правительства.

7.

Загадки.

1) Мёгарда, мёгарда, дёй-і як пайсá істбá мёшавá—ін чіст?

Цавбб—а'сб.

Ходит, ходит, останавливается на месте в одну пайсу — что это?

Ответ—посох.

2) Харáк—харáк-і дёўз,² не ко мёхыра, не саўз. Як чімчá ббыш мё'дым—мёпара ба ббá.

Цавбб—бсйбá.

Ослик—плотно прилаженный ослик, ни соломы не ест, ни моркови. Дам ему ложку воды—полетит танцовать.

Ответ—мельница.

3) Полт—пáлбс, сінé—карвбс.

Цавбб—рыбá.

Спина—палас, грудь—карбас (название белой хлопчатобумажной материи).

Ответ—сорока.

4) Алó-хунáк, балó-хунáк, сйб-кунáк, дым дарбзák.

Цавбб—жакббá.

Пестрый домик, беда-домик, чернозаденький, длиннохвостенький.

Ответ—„жакббá“ (название железного сосуда с длинным носом и ручкой, который ставят для кипячения воды на огонь).

5) Рáнгеш—ба рáнг-е óсмбн, рёспбн да кунеш óвзбн.

Цавбб—сузán.

Цвет его (ее)—как цвет неба; сзади у него (у нее) свешивается веревка.

Ответ—иголка.

6) Санмкчá-і ббыбйб: ³ не дар дб́ра, не кй́л.

Цавбб—сыфб́.

Блестящий сундучек—ни дверей не имеет, ни замка.

Ответ—яйцо.

7) Санб́чák-і смрх-і б́рд-пыр—ам́н ч́ст?

Цавбб—сыйф́т.

Маленький красный мех, полный муки—что это?

Ответ—джи́да (плод растения).¹

8) Ч́ст б́н ч́ст, ⁵ хб́нá-і ќст: ч́бр бачá-у дь́ дь́хтáр—ам́ хб́нá-і ќст?

Цавбб—хб́нá-і фалáнб б́дам.

Что это? такое—чей дом: четыре сына и две дочери—чей это дом?

Ответ—дом тако́го-то человека.

(В ответ ожидающему загадки иным манером указывается действительно какой-нибудь дом в селении, при чем, конечно, число/ сыновей и дочерей в загадке соответственно изменяется).

Примечания.

1) Пáйсá—мелкая медная монета. Ср. эту загадку с вариантом, встречающимся среди населения Туркестана, говорящего тюркским языком (приведен В. П. Наивкиным в его двух хрестоматиях—„Сартовско-Персидск. Хрестоматия“, Ташк., 1887, стр. 4 и „Хрестоматия“, Ташк. 1896, стр. 8):

بارادی بارادی ننگه ديك جاى نى الادى (جواب - عسل)

2) дёўз—приложенный, соприкасающийся, присоединенный плотно (в бухарско-туркест. говорах—цáпс).

3) балбáл—блеск; ббыбйб́—блестящий (в пушту بل—горящий, зажженный).

4) Джи́да—Eleagnus Hortensis. Загадка очень остроумно составлена: плоды этого дерева, по внешнему виду напоминающие очень небольшие финики, покрыты красно-коричневой тонкой кожицей, под которой находится сухое мучнистое вещество, окружающее косточку.

5) Ч́ст б́н ч́ст—отсё́йда, как известно, обычное название загадки—جستان

8.

Б а л ó ¹.

1. Дар дй́бт-і мб́ як бачá? Нй́бз Мамáт нб́м дб́шт, мй́рафт пас-і ко. Дар ка́дд-і цавб́рй рафт та́хб́рат кардán ². Ам́ун ца шй́пт, ќі як пй́ра-зánн б́ма́д. Ін пй́рсй́дыш ќі—„ч́бр й́нб́ б́ма́дáй дар і шав́й?“ Бб́з і пй́ра-зánн гы́фт:—„мб́ б́ма́д́м аз барб́й-і ть́.“ І бачá бб́з гы́фт—„марб́ ч́ ќр дб́рй, ќі й́нб́ б́ма́дáй?“ Пй́ра-зán гуфт ќі—„мб́ аз барб́ марг-і ть́ б́ма́д́м; ќі марг-і ть́ дар даст-і мб́ст“. І бачá пй́рсй́дыш—„ть́ зан, мб́-мард. Ть́ мáрб кы́штá мё́тб́н?“ Ам́ зан гы́фт—„мáрб худб́ таа́лб́ укум кард́ аз барб́ кы́штán-і ть́“. І бачá пы́шт дб́т, рафт. Хй́л рб́ рафт, пас са́л кард́, лй́д—зан нб́. Бб́з рафт

10. і бача ба ку ба ко, бѡз пас ѡмад ба хѡна. Мыддѡт-і дѡј рѡз зінда.
буд, ба'д нампѡз-і пѡшін мурд. Шѡнада нафѡр пас аз амі бача дар
дѡѡт-і мѡ зад, мырд.³

Да рӯз пас аз амí бача, як, Булóm-и А'мат нóm, дídын.
 -Пырсíд кí—„кíстí?“ Гыфт—„чí кór дóри марó? Ты ба рóйт, мó ба

15. rōim. “Дэј кадām булōm-і А’мāt, рафт, пас сaīl кард.—„О, бdām“, гыфт, „ты кісті?“ І гыфт,—„мō балб астīm — амў бdāmбōрō мō задīm“.

І бѡз, амѣ Myllѡ ѡулом-і А'мат, гыфт кі—, тѣрѡ бѣ хыдѡ, ба чѡр-ѣр⁴ касам аст— агѣр тѣ мѣрѡ, занѣмрѡ, бачѣмрѡ,⁵ јѡ мѡлѣмрѡ ҃арѣз бѣгѣл!“ Бѡз ѡ балѡ гыфт—, мѡ ба тѣ кѡр нѣдѡрам, мѡ ба сар-і Кѡѣм

20. бмадім“. Амў шап кбїм нбма зат. Дар бағал-і ҷағаш зат—амї панҷа-ї сїбжаи ҷбїаш шїдт. Се рўз зїндā бут, ббз мвјрт. Касїрб кї зад, ҷбї-ї панҷбїаи сїбї шїдт. Ёнбб-ллб, кї ба ён панҷ-шаи сбї шїд.

Јак да-дѣѡѡзѡдѡ рѡѡз пѣш аз ѡн балѡ дар дѣѡт-ѡ мѡ рубѡ wak
мѡзѡт.⁶ Мардѡм мѡгѡѡт⁷ ѡлѡѡ хѡѡра пѣш-барѡ; ⁸hami wak-wak-i rubѡ

25. чісг? Мардым меґыфт— „кабѣм балѣііі⁹ нѣзыл мѣшава“. Се рѣз пас ґамі балѣ нѣзыл шут. І рубѣ гѣйм шут. Дувоздѣ нафѣр дувоздѣ тѣфані задан: „ґарс, ґарс, ґарс!“ Баґѣ аз ѣн гѣйм шут. Мѣ мардым јак расѣмі дѣрым, кі амі рубѣ дар ку-і мѣ wak-wak кард— јак балѣііі нѣзыл мѣшат.

Перевод.

1. В нашем селении один юноша—имя он имел Нияз-Мухаммад, пошел (однажды) за травой. Зашел он в кукурузу для отпугивания естественной надобности. Сел он там, как пришла одна старуха. Он спросил ее:—„зачем ты пришла в такую ночь (темную)?“ Эта старуха сказала:—„пришла за тобою“. Сказал этот юноша:
5. —„что у тебя за дело до меня, что ты пришла сюда?“ Сказала старуха:—„я пришла для твоей смерти, так как твоя смерть находится в моих руках“. Этот юноша ее спросил:—„ты женщина, а я мужчина—можешь ли ты меня убить?“ Женщина эта сказала:—„всевышний бог дал мне повеление о том, чтобы тебя убить“.
- Этот юноша повернулся, пошел. Пройдя довольно много дороги, (потом) посмотрел и увидел, что старухи нет. Снова отправился
10. этот юноша в горы за травой и потом вернулся домой. В продолжение двух дней он был жив, а затем умер во время намаза пешин. Шестнадцатый человек всел за этим юношей умерло в нашем селении.

Спусти десять дней после этого юноши не увидели один (человек), по имени Гулом-Ахмад. Спросил: «кто ты?» Она сказала: «я у тебя какое дело до меня?—Ты своим путем (иди), а я своим». Прошел Гулом-Ахмад шага два, а потом оглянулся: «эй, человек», сказал он, «кто ты?» Она сказала: «я—Бало. Я поразила тех людей». Еще этот мулла Гулом-Ахмад сказал: «заклинаю тебя богом и четырьмя друзьями, если ты только поклянешься (т.е.

— чтобы ты не покусалась) на меня, мою жену, моих детей или мое имущество“. Та Бало сказала: — «у меня до тебя нет дела — я пришла на Коима». В ту самую ночь поразила Коима. Поразила его под левую мышку — так и осталась («седа») там на месте ее черная пятнышка (ладонь с пятью пальцами). Прожил три дня, потом умер. Какого человека она поразила, место пятнышка делалось («садиаше») черным. Если угодно богу (в смысле — дай бог памяти), этому исполнилось лет пять-шесть.

- Дней за десять-двенадцать до этой Бало у нас в селении за-
яла лисица. Народ говорил: «господи, принеси добро—что значит
этот Лай-Лисий?» Говорил народ:—«спустится (появится) какая-ни-
будь Бало (несчастье)».⁹ Спустил три дня появилась эта Бало. Ли-
сица эта пропала. Стреляли двенадцать человек из двенадцати ру-
жей: бац, бац, бац!... После того (Бало) исчезла. Наш народ имеет
поверье, что как только эта лисица в наших горах залязала—при-
дет какая-нибудь Бало (несчастье).

П р и м е ч а н и я.

1) О представлениях о Balo, как о демоническом существе женского рода, предвещаем детям, чаще всего роженцам, уже упоминались раньше (см. стр. 35). У многих мест тот же самый демон (весьма возможно в древних представлениях являвшийся божеством, богиней рождения¹ и проч.) носит название A л, встречающегося или в данной, основной, повидимому, его форме (вероятно в связи с $\mathcal{U}$ — красный, алый; инд. al — название растения, *Morinda Citrifolia*, из корней которого добывается красная краска; этот демон считается во многих местах имеющим красный цвет), или известного под тем же именем, но в связи с соединением, вытекающим из языка народа, употребляющего это название. Среди различных форм названия, истекающего из одного и того же корня а л, которыми обозначается в разных местах это демоническое существо (несколько варьирующее в своих функциях в различных местах, но везде легко распознаваемое), можно отметить, например, следующие:

Г р у п п а А₂ (южная).

А л — среди туркмен, персов, анатолийских турок, турецких армян. Эта же форма встречается в некоторых местах Афганистана.

Мазар-і Шериф, Кабул и некоторые др. места
Афганистана.

Алк — армянские курды, армяне.

Али — грузины Кахетии.*

Ала — славянск. (вероятно, отсюда также „алянчик“).

Женщина
Ал. { Ала-жер — талыши.*
Ал-паб — Дагестан.
Ал-карысь — анатолийские турки.
Эль-арвады — азербайджанцы.**
и др.

Группа Ал-басты (северная).

(из *ал-басты* — *ал-басты*).

Албасты — киргизы (казак-киргизы и кара-киргизы), узбеки, татары разл. мест., жители Восточного Туркестана и др.

Албаст — вотяки.

Албыс — сойоты
и др.

Алмасты |
Алвасты | Таджики различных районов к северу от Гиндукуша.
Албасты |
и др. аналог. формы

Албарси — Таджики Нуратинских гор (Самаркандской области).

Хблмasti — Таджики долины Панджшир (южный склон Гиндукуша — видимо крайний предел распространения этой испорченной тюркизированной формы на юг). У тех же таджиков одновременно встречается и форма *Al*.

Помимо названия *Ал* для данного демонического существа, с вытекающими из него многими вариантами, можно отметить также другое встретившееся мне в Афганистане название, попадающееся, главным образом, среди афганцев — *Шішак*. Обычно в Афганистане считается, что *Ал* и *Шішак* одно и то же, хотя в Кабуле мне приходилось встречать мнение, что этим словом обозначается ведьма. Возможно предположить общность между афганским *Шішак* и талышским *Шаша* (небольшое женского рода демоническое существо, вредящее новорожденному ребенку)*.

Помимо приведенных имен в некоторых местах в Туркестане, как среди казак-киргизов, так и оседлого населения Ферганы, встречается еще вместо *Албасты* название *Марту*. — „Это ее настоящее имя вместо *Албасты*“, говорил мне один ферганец — „кто знает, тот ее и называет этим настоящим именем“.

* Г. Ф. Чурсин. Талыши (Изв. Кавказск. Историко-Археологического Института т. IV. Тифли, 1926).

** В. А. Гордлевский. Из османской демонологии (Этнографич. Обзорение, 1914. № 1-2).

2) *таһорат кардан* (طهارت کردن) — букв. „совершать омоложение“ — вежливая замена вместо „*таһорат шикастан*“ (طهارت شکستن), т. е. „нарушить *таһорат*“, разрушить чистое состояние тела отпавлением естественной надобности (какое, как известно, восстанавливается новым омоложением).

3) *зад-мйрд*. Частица *зад* (د) прибавлена для подчеркивания действия, для усиления его. Например: „*зад-рафт*“ — пошел (в смысле бесповоротко).

4) *чор-јбр* (или *چاربار يافتا*) — суннитское название четырех первых калифов.

5) *бачимрб*. Не уверен, чтобы здесь *бچه* (ребенок, сын) стояло во множ. ч. — может быть и единств. ч.

6) *вак-вак кардан* или *вак кардан* (*задан*) — лаять (о лисе). Говоря про собачий лай употребляют „*цафидан*“. Из других звукоподражательных глаголов могу упомянуть еще о восточных мною в Панджшире: *төү-төү кардан* — завывать (о шакалах); *кыр-кыр кардан* — квакать (лягушка — *матук*). Последний глагол можно сравнить с туркестанско-таджикскими формами — „*курр кардан*“, „*курри кардан*“, „*курраст кардан*“ (квакать) — тоже чисто звукоподраж.

Из прочих звукоподражательных имен можно отметить, как свойственно широкому кругу народов, название кукушки: *кукүк*. В Панджшире также считается, что она когда-то была человеком (женщиной) и потеряла своего сына. Она (мать) теперь все время ищет и кукует, спрашивая, где он: „*кү*“ — „где?“.

7) В словах „*мардым*“, „*мөгүфт*“ в последнем слове имеется ударение, но в виду отсутствия в типографии знака „*б*“ с ударением, последнее не обозначено. По той же причине не поставлен знак, обозначающий смягчение над буквами „*г*“ и „*ш*“ (заглавная буква). Поэтому следует читать „*гярс*“ вм. „*гарс*“ (см. стр. 88, строка 27).

8) *хájра пёш барі* — не вполне понимаю значение этого оборота (смущает несколько „*барі*“ — „унеси, отнеси“). Не может ли значить в основе — „отнесите милостыню к...“ то-есть, „несите умиловительную жертву“ (к подразумеваемому божеству)?

9) Интересен здесь видимый уже переход от первоначального образа *Balb*, как демона, в „*balbji*“ — „какой-то демон“, — форме, приближающейся к современному обычному значению этого слова: „несчастье“ (X).

9.

Хблмasti.

1. Хблмasti бдма кі мёбіна, хыдыш маст мёшав². Хыдыш зан аст. Мүдјеиш да сынгрбеиш³ аст — *каһиш* аст. Сінбјеиш ба збүвөй-

- ей кашёл аст. Сынёр ич надбрят. Водёйи катил Ҷанг шиди— Ҳамі тўр паст телакыш⁴⁾ кыни. Телакыш кі карди— мёфтјјат. Катил кі дар гир шиди, амё тўр мёфтјјат, бё хёста намётонат. Агар зўр-и амё одам нарасид, як рё аё мёкынат— амё одам ас бўейш гангс⁵⁾ мёшават. Дар вахт-и Ҷанг кардан сиб-и хыдыша да сар-и шобёиш гыт мётјјат.⁶⁾ Бад аз он, зўрыш кі нарасид, чик¹⁰⁾ мёзанат. Амё чик кі аад, дигарбояш мёрасат. Пас аз он одам мёкырат.
10. Як одам да мук-и мё занаш хёл бут. Вахт-и кі дар вахт-и нон пхтан мёшут, мёбаромад берун. Бёз шўйиш омат, йна гыфт— „бйги, нон бёназ!“ Ён гыфт— „ман нона пыхта намётонам“. Шўйиш гыфт— „чарб намётонир?“ Амё Хёл гыфт— „ман дыстым мёсўзат“. Бёз шўйиш гыфт— „диге занб мёназаш, тў чарб намётунир?“ Бад аз он одамт як табил. Ба шўйиш гыфт— „ён Модар-и Хёл аст. Тў кат-и Ҳамі зан йимшаб хёб кын, Ҳамі дыст-и хыда бёйбш, бёз дар намак дё— бёз мёсўзат, пас аз он хёбыт намёбарат. Пас аз он аз Ҳамі зан тў чиз мёбонир“.
20. Шау шут.¹¹⁾ Шўйиш мёбинат— амё зан аз Ҷоёш хёст— кўныш дар бағал-и шўйиш, сараш дар дарёб кард, оу мёкырт. Дарбз шит мёр ворі. Пас аз он хыдрб паст-кари карт, дар бағал-и шўйиш хёл шит. Шўйиш хыда карб гирфта бут. Амё шўйиш хёст, дыст-и замак-и хыда шит, бёз хёл карт. Сых рўз шит. Амё табил гыфт— „аз занат чі диди?“ Ён мард гыфт— „ён амё хёл дидам“. Бёз амё табил гыфт— „танура быташон: „Дар дарун-и танур“, быту, нон дё!“.
25. Ён зан нон зат дар танур— як рё телакыш карт, сараша пыт карт. Бёз хыдыш бирун рафт, бёз пас одамт, сараша во карт. Дид— як сайг-и хыр, јакі калб. Амё одам гыфт— „ён сайг чист?“ Ён табил гыфт— „сайг-и фёре аст: дар Һар чиз зади ён тилб мёшават, ныкра мёшават. Як сайг хыдыш, јак сайг— чуча-и даруныш“. Амё нёрб гирфт, дар јак Ҷо рафт; дар јак сайг зат. Ён сайг тилб шут.¹²⁾ Пас аз он ашт нафар-и диге пайдо шут; йна руфт кардан-и гирхт. Расид дар лаб-и дарёб-и шур, ён сайгбё гыт дёт. Оли ба дарёб-и шур астан. Да і замона филёб ба дарёб гыт мёкынан— зан-ёр да кўнашбн, дар дарун-и дарёб даур мёдјјан. Амё занёр да амё сайг дак карт— ён занёр тўлб мёшават.

Перевод.

1. Албасты, когда видит человека, беснуется. Сама она женщина. Ее волосы у нее достают до пят, висят. Ее груди свисают до ее колен. Пятко у нее нет, совершенно. Когда с ней вступаешь в битву (драку), (нужно) чтобы ты ее таким образом толкнул бы назад. Когда ты ее толкнешь, она упадет. Когда ты с ней схватился, она таким образом упадет и больше встать не сможет. Если у человека не хватило силы, она раз дохнет и этот человек от

ее запаха становится сумасшедшим. Во время схватки (драки) она забрасывает свои груди через плечи. Потом, когда у нее не хватило силы, она кричит (зовет). Когда она закричала (позвала), прибывают другие. После того человека съедают.

10. У одного человека в нашей стране жена была Ал. Когда наступало время печь хлеба, она выходила наружу. Потом пришел ее муж, сказал ей (этой)— „возмись, испеки хлеб“. Она сказала: „я не могу печь хлеб“. Ее муж сказал (спросил)— „почему ты не можешь?“ Эта Ал сказала— „у меня обжигаются руки“. Еще сказал ей муж— „другие же женщины его пекут, (а) ты почему не можешь?“ Пришел потом один табиб (лекарь). Сказал он ее мужу— „Это мать Ал. Ты ложись спать эту ночь вместе с этой женщиной, эту свою руку порежь и опусти ее в соль— потом будет чечь, а затем сон тобой не овладеет. Потом в отношении этой женщины ты что-то увидишь“.
15. Настала ночь. Видит ее муж, что эта женщина встала с своего места. Ее зад (был) в объятиях мужа— протянула она голову к реке, пила воду. Вытянулась подобно змеи. Потом втянула она себя обратно (и) заснула в объятиях мужа. Муж держал себя неподвижно. Встал ее муж, вымыл свою посленную руку, потом заснул. Наутро настал день. Этот табиб сказал— „что ты видел в отношении своей жены?“ Этот человек сказал— „вот видел такое то положение“. Тот табиб сказал— „раскали печку для хлебов (танур).— „Поставь“, скажи, „хлеб во внутрь этой печки“. Когда эта женщина прилепнула хлеб в печку, разом он ее толкнул, закрыл отверстие (печки), потом сам вышел наружу. Потом вернулся, открыл отверстие (печки). Увидал он— два камня (лежат): один большой, один маленький. Этот табиб сказал: „персидские камни— всякая вещь, которую ты ударишь этим, станет золотом, серебром станет. Один камень— она сама, другой камень, (бывший) внутри у нее— ее детеныш“. Забрал их, пошел в одно место, ударил в один камень. Этот камень превратился в золото. После того появилось восемь других (Ал), погнались за ним— он убежал. Прибыл на берег моря, забросил (в море) эти камни. Теперь они в море. В настоящее время бросают в море слонов, сзади их цепи привязаны. Заставляют их кружить внутри моря. Как только эти цепи дотронулись до тех камней— превращаются эти цепи в золото.¹²⁾

Примечания.

- 1) Из содержания приданного рассказа видно, что Албасты („Хелмасти“) и Ал („Хёл“) представляются в нем одним и тем же существом, но должен оговориться, что в некоторых местах Панджхира, видимо, склонны считать Ал (или „Мать Ал“), и Албасты за два

разных существа. А басты — демоническое существо, Ал — попросту ведьма, т.е. женщина, через нечистые действия при помощи дьявольской силы приобретающая волшебную силу (обладает способностью принимать змеиный образ, уходить ночью на шабаш и пр.).

2) Мёшава — в рассказчик этого рассказа произносил настолько между в и в, что, по временам мне даже слышалось, как в.

3) Сингир — пятка.

4) Тёлак — толчок.

5) Даргиршидан (درگيرشیدن) — схватываться.

6) Ам — أمين. Рассказчик панджширец иногда выговаривал, как ам, но иногда, как в данном случае, этот придыхательный звук им выпускался. То же самое и с ин (или ин), омэд (или омэд) и пр. Я записывал все время, как мне слышалось то или другое слово в момент записи, не взирая на то, что тот же рассказчик произносил в другом случае то же слово несколько иначе. Этим объясняется встречающаяся иногда некоторая разница в начертаниях одних и тех же слов, как в этом образце, так и в других.

7) Акардан —дохнуть.

8) Гангс — бесчувственный, потерявший соображение, сумасшедший.

9) Гыт дёдан — забрасывать, отбрасывать.

10) Чик — призыв, крик. Чик задан соотв. таджикско-туркестанск. چيگ زدن — (кричать, призывать).

11) Должен оговориться, что в произношении этого слова панджширец мне скорее слышалось „шот“: оно произносилось как звук, средний между о и г. Рядом существует, как видно из текста, параллельно и другая форма того же слова — шит (ش).

12) Интересный вариант только что приведенного рассказа записан среди туркестанских таджиков Е. М. Пеллерево (в Фергане, в сел. Исфара) любезно предоставившей его мне для сопоставления с данным панджширским вариантом.

Абдулла-Хан, прославивший потом, свое царствование сооружением разных зданий, когда еще был юношей, повел однажды свою лошадь, чтобы напоить ее в ближайшем озере. Видит — у берега стоит очень красивая девушка и о чем-то горько плачет. На вопрос хана о причине горя девушка разъяснила, что родители не хотят ее выдать замуж и что она решила утопиться. Абдулла-Хан спросил ее — согласна ли она будет выйти за него замуж. Девушка охотно согласилась. Хан посадил ее сзади себя на лошадь, увез в город и женился на ней.

Абдулла-Хан, несмотря на свою молодость, был очень полон. После женитьбы, однако, он начал быстро худеть и, наконец, от него остались только кожа да кости. Одн его друг, обеспокоенный его состоянием, начинает расспрашивать его о причинах и Абдулла-Хан мог только

указать, что его худоба началась со свадьбы на данной девушке. — „Я тебе дам один совет“, сказал друг, „только ты не бойся и сделай так, как я тебе скажу: ночью ты зажги чираг, заставь жену что-нибудь тебе принести и смотри — есть ли у нее тень, когда она проходит мимо чирага“. Абдулла-Хан сделал так, как ему было сказано, и оказалось, что от его жены тени не было. Тогда его друг сказал: — „вели своей жене приготовить тебе жареное мясо и дай ей какое-нибудь дело, чтобы она отошла ненадолго от котла. В ее отсутствие брось в котел горсть соли, чтобы кушанье получилось очень соленое. Ешь сам и заставляй ее есть, как можно больше. На ночь ты вылей воду из всех сосудов и ложись с ней спать. Делай вид, что спишь, но не спи, следи за тем, что она будет делать“. Абдулла-Хан так и сделал. Лег спать, держа жену в объятьях. Через некоторое время она сказала, что хочет встать, чтобы напиться воды. Абдулла-Хан начал ее ласкать и не пустил. Через несколько времени она все же заснула, но потом, неожиданно проснувшись, увидел, что его жена продолжает лежать в его объятиях, а змея с головой его жены поползла к арку и напилась воды, после чего змеиное туловище сократилось и голова жены очутилась на прежнем месте. Так было до утра еще несколько раз. Наутро Абдулла-Хан рассказал своему другу о происшедшем. Тот сказал: „жена твоя — джин. Пойди на базар, купи большой танур (печку для хлеба) с очень толстой крышкой, вели его вдевать в землю, разведи в нем сильный огонь из урюковых дров (считаются самыми жаркими) и заставь жену испечь тебе фатыр (тонкую хлебную лепешку). Если она будет говорить, что танур очень горячи что хлеб сгорит, ты все равно заставь ее. Когда она наклонится над тануром, толкни ее туда, закрой крышкой и не выпускай ее, как бы она тебя не просила“.

Абдулла-Хан так и сделал. Жена из танура умоляла ее выпустить, обещая научить его всяким чудесным знаниям, но он не поддавался. Так он просидел над тануром трое суток. Когда потом он открыл крышку, то в тануре посреди золы нашелся маленький кусочек зеленого шлака. Друг хана объяснил ему, что это то, во что превратилась его жена. — „Возьми медный кувшин и поцарапай его этим шлаком“. Когда Абдулла-Хан это сделал, кувшин из медного превратился в золотой. Получилась таким образом возможность иметь столько золота, сколько захочется. Абдулла-Хан после этого быстро сделался царем и на добываемое им золото выстроил все те постройки, которые остались после него.

Указатель*).

- Абдулла-хан—легенда о нем—94-96.
Абрикосы—22; их употребление и пишу—24.
Агма, лотва. См. Орма.
Ангст—употребляется в пищу к югу от Гиндакуша—33.
Ал—демоническое существо женского рода, вредящее главным образом новорожденным и рожденцам—34, 89-93.
Алача—i джада—название сорта бу-мажной материи—30.
Албасты (Албасты)—см. Ал.
Алокя (волости) в Панджшире—10-11.
Аль-хуб (Аль)—род киселя, имеющего от-ток ритуального значения—59.
Акулеты—36, 61.
Ан-о-ва (Onwa) сословие, первоначально считавшееся самым низким из панджшир-ских селений—3; славится красотой своих юношей—17.
Аракчи (аракчи)—тюбтойка, посидимая мальчиками и жопцами—14, 83, 84.
Ар-хуб (Arh) —ночная бабочка, считающаяся духом умершего—55.
Аристократия, деление на внешнее и низшее сословие—13.
Афеаха (ам. Jilal)—почтенный, выдаю-щийся человек в селении—39, 42.
Байт-бози (байт-бози)—составление в сти-хах—43.
Бозу—широкие шерстяные штаны из мест-ной домотканой материи 16, 28.
Байб—демоническое существо женского ро-да, вредящее главным образом рожден-цам—87-93.
Бамиян—путь через него—5.
Бобовые растения—25.
Бой-чечак—назв. рано цветущего расте-ния Sages (Гусиный лук)—79.
Большая мовдица, представление о ней в народных верованиях—65.
Бор-як (Borjak), Борак, селение—11, 21.
Бош-халь—особое сословие, возможно принадлежало—13.
Брак—см. Свадьба. Внебрачные сно-шения: в старину нес ответственность за них мужчина—80.
Букнич, Д. Д.—7, 26.
Быз-каши (быз-каши) (بىز كاشى)—конная игра с козлом 45, 46.
Венора, ее названия—65.
Венот—39-40, 42-43.
Воскат или Воскай (с англ.)—назв. жю-лета—16, 28.
Высшее и низшее сословия—13.
Гаврилов, М. Ф.—70.
Гавбра (Gawbra) —назв. детской колыбели—36.
Гад-и кофари (Gad-i kofari)—хвоста-тые ошцы кафирской породы—27, 30.
Газак—назв. болезни—34.
Галя (Galy) (мужское ложе речки)—назв. Млечного пути на языке пашан—64.
Гьян (Gyan) —широкие шаровары на афган-ский лад—16.
Горлаевский, В. А.—90.
Горох—25.
Грип—название детской кукулы в долине Панджшира, иначе называемой "гуди"—69.
Гуди (gudi)—название детской кукулы в долине Панджшира, иначе называемой "грип"—69.
Гул-гардоні—весенняя прогулка за цве-тами—75-79.
Гурбейл, долина Гурбеда—4, 11.
Гусиный лук—см. Бай-Чечак.
Гынд—родия; поддержка родными при столкновении с посторонними—19.
Далажок (dallak)—цирюльник—43, 46, 47.
Дара-и Хабор—боковая долина Пандж-шира, населенная хазарейцами—11.
Дар-и-б (Дар-и-б) —название Млечного пути—64.
Дастор—длинные чамаи—14.
Деформирование черепов новоро-жденных их лежанием в колыбели—36.
Джаба-ус-Сирадж—V, VI, VII, 12 15, 19, 30.
Джапбаз (Japbaz)—род паникды пред вы-исом тела умершего—53.
Джаудбр—рожь—25.
Джиги (Elaeagnus hortensis)—22, 87.
Джин—название демонического существа, вредящего при рождении—36.

*) В пределах типографской возможности панджширские названия, встретившиеся в этнографической части работы, приведены в указателе с обозначением удирения и включением некоторых других знаков произношения. Сокращенно в тексте это не могло быть сделано, так как дополнительные знаки были получены типографией только к копью печатания.

Свечи самодельные в верхних р. Панджа
—26 (примечание).
Со-нојд-і Бібі (Бабушкин треуголь-
ник)—название одного созвездия—66.
Сібі, высшее сослание—13.
Січа—слово, употребляемое в значении:
„чистый“, „свободный“—59.
Сча-і мазорі—принесение женщи-
нами мазуры риз в году дневного удоя
—59.
Сияпуши—испоминание панджширцев
об их набегах на Панджшир—9-10.
Скотководство—27.
Смерть и похороны—52-55.
Солнцестояние летнее и зимнее в на-
родном календаре—66-67.
Соль—вывоз ее из Каттагана—30, 31.
Солнцевит: долина Солянга—6, 11; перелом
Солнцевит—5, 6.
Сбн—название привозного колесника—53.
Сословные деления—13.
Сбт (سبت)—счастливый час—32 (см. „Дни
счастливые“).
Старч—деревянный наконечник пуга—22.
„Старуха“ в мифических представлениях.
См. „Момб“.
Сут-і—деревянная колотушка, замещающая
цел при обмалчивании хлеба—29.
Сурхак—название сорта пшеницы, упот-
ребляемой на озимые посевы—23.
Сущики, П. П.—71.
Счастливые дни.—см. „Дни счастли-
вые“.
Сынджид—джид (Elegans hortensis)—
—22, 75.
Та'wiz—назв. амулета—61.
Талхбн—толокно из тут (шесковиды)—
—23, 75.
Тарбузубн—название одного созвездия
—65.
Тарс—название демона страха—61 (приме-
чание).
Тарс-і бим (ترس بيم)—название демо-
нических существ, вредящих режнице—
—35, 61.
Тарс-зап—название злостарки, дейст-
вующей силой пари—61.
Тахт—назвасе, за которым сидит невеста
—47.
Тень покойника, остающаяся в его доме
и течение трех дней после смерти—36, 52.
Тірамбі—название озимой пшеницы—25.
Тира-тау—название махеры на веревоч-
ных чалмах—15.
Тир-к-шн—бобинки для обстрела, имею-
щиеся в стенах домов—19.
Тббт (طوبت)—похоронные носилки—53.
Тб'wiz (مرید)—название амулета—36.
Тон-і—насмешливые прозвища, клички, да-
ваемые жителям тех или других селений
их соседями—20, 21.
Тортогак—29-30.
Тумб-і (طوبن)—название амулета—36.

Тут, (шесковиды)—разделение и роль в об-
ходе—22-23; питание тутом действует го-
ришце—24, 74.
Тут-и-охират (توتی و خیرات)—„путе-
вой запас в неопасности“—три капли воды,
капающие в рот умирающему—52.
Тыль-боковая долина в верхней части
Панджшира—10, 11.
Тымббн—жесткие шаровары—41.
Тыришак—название кушанья, приготовляе-
мого из пшеницы и муки—33.
Тюбитейка—15.
Уджуз—см. Оджуз.
Удобрение, выносимое на посевы—24,
25.
Узоры—см. Орнамент.
Фірбдж, селение—19, 21.
Хабибулла-Хан. Прибавление им сво-
его титула (سراج الملك والدين) именам
важных или любимых им предметов и
предприятий—16, 17 (примечание).
Хавак (Хавик)—перевал—5, 6-7, 18.
Хавак (Хавик)—одно из самых верхних
селений в Панджшире—3, 11.
Хаварейцы в боковых долинах Пандж-
шира—10, 11.
Хаджи Ахмед-Яр, влиятельный пандж-
ширский хан—85, 86.
Характер панджширцев—17.
Хасак—название сорта туты—23.
„Хун“—куна, плата за пролитую кровь—
19, 20.
Хэль—характер хэлей (клянов, колен) в
Панджшире—11.
Чакмиз—шерстяные халаты—28.
Чалаки—название лучшего сорта шерста-
ных халатов, выдаваемых в Панджшире
—28.
Чалама (чирбал)—14.
Чалак—род блинов, имеющих оттенок
ритуального значения—41, 54, 59.
Чанворі—способ расстреливания, при
котором ноги расстреливаемых привязы-
ваются к колу, забитому в землю—19.
Чард—название дикой горной индейки,
называемой в Туркестане Улар (Megalo-
perdix himalayensis, tibetana)—33.
Чард-приака—28.
Чинч-б-б-зі (чак „чумч боз“) —плавание
по реке, где плывет одной рукой держит-
ся за надутый кожаный мех, а другой гре-
бет—81.
Чиж—игра в чиж—68.
Чирб-кышак („тумские огни“) —не-
ожиданное, шутливое тушение огня для
лабавы на собраниях мужчин при праздни-
ках свадьбы—50.
Чир-б-б-зі (чирб)—светильник—26, 57.
Численность населения Панджшира—
10.
Чодыр—название головного платка—41.
Чодиб-і wajr-б-б-зі („Разрушенная кро-
вать“) —название созвездия Большой Мед-
ведицы—65.

Чор-кард—название административно-
го района в верхней части Панджшира,
состоящего из четырех селений—11.
Чурси, Г. Ф.—90.
Шахид—человек, убиваемый на войне или
погибший случайно—58.
Шахджара (شاخدار)—географическое ар-
сло. Необходимость иметь таковыс шахан
(миран)—60.
Шаманство—отсутствие его следов в
Панджшире—60-61.
Шесковиды—см. тут.
Шиньгарі—умывание дождя и замуж-
них женщин—38, 39.
Шіалі—название залпа из ружей—45.

Шішак—афганское название демониче-
ского существа женского рода, иначе на-
зываемого Ал—35, 90.
Шб („князь“) —название жонки на пандж-
ширской свадьбе—46.
Шб-woib—посвящение, участники свадебно-
го поезда—46.
Шбінч-і—свадебный поезд—58.
Шб-салбм—новое посещение новобрач-
ной парой родителей жены—50.
Шуист—символический чернил с написанных
заговоров для того, чтобы полученную во-
ду дать выпить больному—61.
Шяфтал—персидский клевер—26.
Яхані (яхані) —ворот рубашки—15.
Ячмень, его посевы—25.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I	
Предисловие	V-VIII
I. Некоторые географические данные. — Хавакский перевал. — Мосты. — Происхождение названия долины Панджшир. — Исторические предания. — Панджширцы — таджики. — Административное и родовое деление. — Сословное деление	3—13
II. Одежда. — Нравы и характер панджширцев. — Насищенные прозвища жителей разных селений	14—21
III. Характер земледелия. — Садоводство. — Посевы разных хлебных и других растений	22—26
IV. Скотоводство. — Шерстяные изделия. — Торговля. — Молочное хозяйство. — Охота	27—33
V. Рождение ребенка и сопровождающие его обычаи и верования. — Колыбель. — Имена мужские и женские	34—37
VI. Свадьба и свадебные обычаи	38—51
VII. Похороны. — Форма истгям. — Отношение к покойникам	52—55
VIII. Мазары. — Их роль в жизни панджширцев. — Ишаны („миры“). Лечение болезней, знахарство	56—62
IX. Остатки древних верований и воззрений. — Детские игры. — Куклы. — Орнамент	63—71
II.	
Образцы панджширского наречия	72—95
Указатель	97—101

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Следует.
VII	12 снизу	шведского	норвежского
4	12 снизу	многогрешны	многогрешным
24	20 сверху	„ячмень и пшеница“.	„ячмень и бобы“.
35	16	” جرمل	جرمل
38	13	” джувони	джувони
40	8	” „сijo сар...“	„сijo сар...“